

Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«ИНСТИТУТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО
ПРАВОВЕДЕНИЯ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Берг Лана Александровна

**ПОСЛЕДУЮЩАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ДОГОВОРОВ КАК СРЕДСТВО СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ**

5.1.5. Международно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки
Российской Федерации
Капустин Анатолий Яковлевич

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ЭВОЛЮЦИЯ ДОКТРИНЫ ТОЛКОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ.....	16
1.1. Становление концепции толкования международных договоров в доктрине международного права до XX века	16
1.2. Развитие доктрины толкования международных договоров в первой половине XX века.....	31
1.3. Современные доктринальные подходы к толкованию международных договоров.....	40
ГЛАВА 2. ТОЛКОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ ОРГАНАМИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ.....	60
2.1. Органы международного правосудия: понятие и институциональные особенности	60
2.2. Основные характеристики подходов органов международного правосудия к толкованию международных договоров.....	74
ГЛАВА 3. ПОСЛЕДУЮЩАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В СТРУКТУРЕ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ	108
3.1. Последующая практика применения международных договоров в деятельности органов международного правосудия.....	108
3.2. Последующая практика применения международных договоров как средство судебного толкования в интеграционных объединениях	137
3.3. Последующая практика применения международного договора как средство толкования и концепция «self-judgement».....	148
3.4. Последующая практика применения международных договоров как средство толкования национальными судами	160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	182

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования.

Трансформация международных отношений, происходящая в условиях усиления регионализации, возвращения цивилизационных факторов в международную политику, появления новых геополитических угроз – от пандемии до масштабных санкционных режимов – ускорила процессы дестабилизации международно-правовой системы. В этих условиях традиционные механизмы регулирования международных отношений, основанные на универсальных международно-правовых нормах, в числе которых принцип *pacta sunt servanda*, сталкиваются с серьезными вызовами, что делает необходимым более глубокое научное осмысление международно-правовых средств сохранения и укрепления международного правопорядка. Президент Российской Федерации В. В. Путин отмечал, что «только неуклонно следуя международному праву, работая на коллективных началах, можно решать самые сложные проблемы, стоящие перед миром, обеспечить стабильное, устойчивое, поступательное развитие всех государств»¹.

Международные договоры играют важную роль в развитии межгосударственного сотрудничества в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций в обеспечении прав и законных интересов государств. Они охватывают широкий спектр актуальных вопросов международного права – от защиты прав человека и охраны окружающей среды до регулирования международной торговли и разрешения международных конфликтов. Зачастую их положения являются результатом достижения консенсуса между государствами, придерживающимися различных подходов, что делает их формулировки гибкими, носящими общий характер и подверженными множеству интерпретаций. Этот факт может стать предметом споров между государствами, требующим разработанных и эффективных механизмов их разрешения.

¹ Обращение В.В. Путина к участникам X Петербургского международного юридического форума. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68785> (дата обращения: 05.02.2024)

Судебное толкование международных договоров представляет собой важнейший аспект правоприменения в международной и национальной юридической практике. Оно играет ключевую роль в уточнении содержания и смысла договорных положений, формировании единообразной реализации международного права и обеспечении правовой определенности. В условиях усиления кризиса экономической глобализации, укрепления региональных и трансрегиональных интеграционных процессов, расширения сфер международно-правового регулирования изучение судебной интерпретации международных договоров становится весьма актуальным. Это связано с необходимостью беспристрастного урегулирования межгосударственных разногласий, что способствует предотвращению эскалации конфликтов и содействует международному правопорядку и обеспечению справедливости в международных отношениях.

Наряду с органами международного правосудия (далее – ОМП), национальные суды также вовлечены в поиск баланса между международно-правовыми обязательствами и национальными правовыми традициями. Исследование судебных подходов к толкованию международных договоров в национальных правовых системах позволяет выявить общие тенденции, оценить влияние международно-правовых норм на внутригосударственное право и выявить возможные противоречия между ними.

В результате всероссийского голосования в 2020 году в Конституцию Российской Федерации внесены поправки. В частности, статья 79 была дополнена следующим содержанием: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации»².

² Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/?ysclid=livvmksb6x290260446> (дата обращения: 05.06.2024).

В связи с этим можно утверждать, что понятие «толкование международного договора» обрело конституционно-правовое значение. По этой причине изучение международно-правовых основ толкования международных договоров, а также понимание юридической природы последующей практики их применения в межгосударственных отношениях играет важную роль в научном обеспечении соблюдения международно-правовых обязательств Российской Федерации без ущерба ее национальным интересам и участию в международных делах.

Особую роль в контексте судебного толкования играет последующая практика применения международных договоров, закрепленная в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года (далее – ВКПМД, Венская конвенция). Она учитывается при толковании международного договора наряду с контекстом как отражение согласованной позиции его участников относительно понимания смыслового содержания его положений. Однако Венские правила толкования не конкретизируют виды юридически значимой последующей практики применения международного договора для целей толкования, в том числе судебного, а также формы выражения соглашения сторон относительно его толкования. В этой связи ОМП, оценивающие при разрешении межгосударственного спора соответствие поведения государств их международно-правовым договорным обязательствам, самостоятельно определяют степень согласованности поведения сторон при применении международного договора, чтобы учитывать его при толковании. Такая задача стоит и перед национальными судами, при этом они ограничены внутригосударственным законодательством и субъектным составом участников разрешаемого спора.

В условиях возрастающего количества споров о толковании и применении международных договоров отмечается формирование различных концепций, способных затруднить справедливое и правомерное урегулирование межгосударственных разногласий. В частности, в доктрине международного права широко обсуждается концепция «self-judgement»,

предполагающая право государств на одностороннее определение необходимости применения соответствующих положений договора, особенно в вопросах, касающихся национальной безопасности. В подобных случаях использование концепции последующей практики применения международного договора становится ключевым вопросом для ОМП, позволяющим находить баланс между правом государств на защиту своих национальных интересов и необходимостью соблюдения норм международного права.

В соответствии с вышеизложенным, исследование последующей практики применения международных договоров в контексте их судебного толкования является актуальной задачей современной науки международного права. В целом актуальность темы диссертационного исследования определяется потребностью в приращении научных знаний о последующей практике применения международных договоров как средстве их толкования и особенностях ее использования органами международного правосудия и национальными судами.

Цель диссертационного исследования – выработать новые научные знания о последующей практике применения международных договоров как о средстве судебного толкования международных договоров.

Достижение указанной цели определило постановку следующих научных задач:

- выявить онтологические основания зарождения концепции толкования международных договоров;
- охарактеризовать эволюцию доктринальных подходов к толкованию международных договоров и генезис последующей практики применения международных договоров в этом процессе;
- изучить существующие научные позиции в отношении толкования международных договоров, средств толкования, в частности, последующей практики применения международных договоров;

- раскрыть понятие «органы международного правосудия» и представить институциональные особенности таких органов;
- выявить специфику международного судебного толкования международных договоров;
- определить значение и место последующей практики применения международных договоров в толковании международных договоров органами международного правосудия;
- раскрыть особенности подходов судов интеграционных объединений к использованию последующей практики применения международных договоров в качестве средства толкования;
- установить взаимосвязь последующей практики применения международного договора как средства толкования и концепции «self-judgement»;
- определить значение и место последующей практики применения международных договоров в толковании международных договоров национальными судами.

Объектом диссертационного исследования являются международные отношения, возникающие в ходе последующей реализации государствами положений международных договоров, и разрешении связанных с этим споров на международном и национальном уровнях.

Предметом диссертационного исследования выступают принципы и нормы международного права, регулирующие международную договорную практику государств, а также решения органов международного правосудия, решения национальных судов, иные нормативно-правовые акты, касающиеся международно-правовой регламентации последующей практики применения международных договоров, отечественная и зарубежная доктрина толкования международных договоров.

Степень разработанности темы диссертационного исследования. Вопросы толкования международных договоров стали объектом анализа в

трудах многих ученых-юристов, в число которых входят как отечественные ученые: К.А. Бекяшев, А.Н. Вылегжанин, Б.Л. Зимненко, Р.А. Каламкарян, Л.А. Камаровский, А. Я. Капустин, А.И. Ковлер, И.И. Лукашук, Т.Н. Нешатаева, Б.И. Осминин, И.С. Перетерский, А.С. Смбатян, А.Н. Талалаев, О.И. Тиунов, Т.Я. Хабриева, В.М. Шуршалов, так и зарубежные: О. Дорр, Э. де Ваттель, М.Е. Виллигер, Р. Гардинер, Х. Лаутерпахт, У. Линдерфальк, Г. Нольте, Х. Терлуеэ, Х. Уолдок, М.О. Хадсон, Дж. Фицморис, М. Фицморис, К. Шмаленбах, Л. Эрлих и др. Однако последующая практика применения международных договоров в процессе их судебного толкования не подвергалась детальному изучению в отечественной науке международного права, что обуславливает необходимость проведения настоящего исследования.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в решении научной задачи по разработке теоретических положений о последующей практике применения международных договоров как о средстве судебного толкования международных договоров, определении ее сущности, выявлении критериев и форм проявления согласительной природы, а также ее значения в интеграционном и национальном правосудии.

Положения, выносимые на защиту.

1) Практика толкования международных договоров отмечается с глубокой древности, когда она была тесно связана с религиозными и моральными принципами. Зарождавшаяся в XVIII веке доктрина международного права придерживалась естественно-правового подхода к толкованию международных договоров, учитывавшего намерения сторон наряду с текстом и целями международного договора. В период до XX века понятие последующей практики применения международного договора как средства толкования в международно-правовой доктрине не сложилось, так как толкование международных договоров осуществлялось преимущественно самими договаривающимися сторонами (аутентичное толкование) в отсутствие межгосударственных органов.

2) В период между мировыми войнами доктринальные позиции о толковании международных договоров претерпели значительные изменения благодаря переходу от преобладания естественно-правовых идей к позитивизму, сформулировавшему теорию объективного толкования, предусматривающую необходимость определения намерений сторон на основе текста международного договора и контекста его заключения. Понятие последующей практики применения международных договоров в качестве средства толкования стало складываться в первой половине XX века под воздействием деятельности Постоянной палаты международного правосудия.

3) К основным особенностям современной концепции последующей практики применения международных договоров как средства их толкования относятся: опора на систематизацию деятельности современных ОМП, стремление к формированию универсального стандарта толкования международных договоров, учет особенностей толкования международных договоров в контексте интеграционных процессов. В современной доктрине международного права выделяются три основных подхода к толкованию международных договоров: текстуальный с опорой на обычное значение терминов международного договора; телеологический, направленный на выяснение объекта и целей международного договора; интегративный, предусматривающий комбинированное использование средств толкования, изложенных в статьях 31-33 Венской конвенции.

4) Установлено, что толкование международных договоров ОМП является центральным аспектом применения норм международного права, обеспечивающим стабильность, единообразие и справедливость в регулировании межгосударственных отношений. Результаты анализа деятельности органов международного правосудия свидетельствуют о многообразии подходов к интерпретации международно-правовых договорных норм. Вместе с тем различия в институциональных

особенностях и сферах компетенции ОМП не препятствуют доминированию в использовании ими средств толкования, закрепленных в статьях 31-33 Венской конвенции. Универсальные ОМП (Международный Суд Организации Объединенных Наций, Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации) применяют Венские правила толкования в качестве обычных норм международного права и нередко дополняют их некодифицированными принципами толкования, что позволяет устранить неопределенности в спорных результатах толкования.

5) Последующая практика применения международного договора для целей его толкования может быть определена как взаимосвязанная деятельность государств, которая свидетельствует о достижении ими соглашения о единообразном понимании смысла положений договора. В некоторых случаях изменение фактических обстоятельств в межгосударственных отношениях способствует уточнению понимания объекта и целей международного договора его участниками, что приводит к изменению согласованного подхода к его толкованию и, соответственно, к корректировке практики его применения. В то же время отмеченный аспект последующей практики применения договора отличается от официального внесения изменений или поправок в международный договор, поскольку последующая практика применения международного договора не может изменить текст международного договора, а скорее уточняет содержание закрепленных в нем прав и обязательств при условии, что эта практика принята сторонами и не нарушает объект и цели международного договора.

6) Последующая практика применения международного договора относительно его толкования устанавливается ОМП согласно статье 31 Венской конвенции и критериям последовательности, степени вовлеченности сторон договора, соответствия практики применения объекту и целям договора. В результате деятельности ОМП сложились следующие формы последующей практики применения международного

договора как выражения «соглашения» сторон относительно его толкования: письменная форма, единообразная или параллельная практика применения договора его сторонами, молчаливое согласие. «Соглашение», установленное последующей практикой применения международного договора – особый вид соглашения, которое не содержит международно-правовых обязательств сторон, а выражает их общее согласие со значением отдельных положений международного договора.

7) Отличительной особенностью судов интеграционных объединений является отказ от учета последующей практики применения государствами-членами учредительных актов для целей их толкования. Такой подход продиктован необходимостью обеспечения стабильности интеграционного правопорядка. Последующая практика применения используется указанными судами при толковании договоров с третьими государствами.

8) Определено, что при разрешении межгосударственных споров относительно толкования договорных норм «self-judgement», использование ОМП последующей практики применения международного договора как средства толкования позволяет обеспечить баланс между правом государства защищать суверенитет и соблюдением международного права с целью минимизации риска злоупотребления правом одностороннего определения мер для обеспечения национальной безопасности.

9) Последующая практика применения международных договоров в толковании национальными судами отличается двойственностью и противоречивостью использования модели, предусмотренной статьей 31 Венской конвенции. В странах общего права суды при толковании международных договоров придерживаются ситуативного подхода и признания превалирования внутригосударственного законодательства, имплементирующего международный договор, над последующей практикой его применения сторонами.

Теоретической основой диссертационного исследования послужили фундаментальные труды отечественных ученых, которые внесли значительный вклад в развитие науки международного права: С.В. Бахина, К.А. Бекашева, И.П. Блищенко, А.Н. Вылегжанина, Б.Л. Зимненко, А.С. Исполинова, Р.А. Каламкаряна, Л.А. Камаровского, А.Я. Капустина, С.Б. Крылова, А.И. Ковлера, А.Л. Колодкина, И.И. Лукашука, Ф.Ф. Мартенса, Ю.А. Марочкина, Т.Н. Нешатаевой, Б.И. Осминина, И.С. Перетерского, А.С. Смбятян, А.Н. Стоянова, А.Н. Талалаева, О.И. Тиунова, В.Л. Толстых, Г.И. Тункина, В.А. Уляницкого, Г.Г. Шинкарецькой, В.М. Шумилова, В.М. Шуршалова, С.В. Черниченко, М.Л. Энтина и др.

Были изучены также научные труды представителей зарубежной международно-правовой науки: Д. Анцилотти, И.А. Блюнчли, Дж. Броунли, Э. де Ваттеля, М. Виллегера, Р. Гардинера, О. Дорра, Х. Лаутерпахта, У. Линдерфалька, Х. Уолдока, Г. Гроция, Г. Кельзена, П. Меркуриса, Г. Нольте, С. Пуфендорфа, Х. Терлуэя, Дж. Фицмориса, М. Фицморис, Л. Оппенгейма, П. Фиоре, Р. Филлимора, М. О. Хадсона, Г. Шварценбергера, К. Шмаленбаха, Л. Эрлиха и др.

Нормативную базу диссертационного исследования составляют Устав Организации Объединенных Наций, Статут Международного Суда Организации Объединенных Наций, Статут Постоянной Палаты международного правосудия, Венская конвенция, иные многосторонние и двусторонние международные договоры, в частности, многосторонние международные договоры, составляющие правовую основу деятельности Всемирной торговой организации, Договор о Евразийском экономическом союзе, документы иных международных организаций, Конституция Российской Федерации, иные нормативно-правовые акты Российской Федерации и иностранных государств.

Эмпирическая база диссертационного исследования состоит из решений органов международного правосудия, российской и зарубежной правоприменительной практики.

Методологическая основа исследования представляет собой комплекс научных методов, направленных на всестороннее изучение концепции последующей практики применения международных договоров как средства судебного толкования. В работе использованы как общенаучные методы познания, так и специальные методы, применяемые для проведения правовых исследований.

Систему общенаучных методов настоящего исследования составляют: формально-логический метод – применяется при изучении текстов правовых актов, научной литературы, судебных решений, а также при определении понятий; анализ и синтез – используются для выделения ключевых положений и выявления взаимосвязей между различными аспектами судебного толкования и последующей практики применения международных договоров; системный метод – используется при анализе подходов органов международного правосудия к толкованию международных договоров, а также при рассмотрении взаимодействия «self-judgement» и последующей практики применения международных договоров как средства судебного толкования.

Специальные методы включают: формально-юридический метод – применяется при изучении международно-правовых норм, закрепляющих средства толкования международных договоров, в частности норм Венской конвенции, а также правовых норм национальных законодательств; историко-правовой метод – применяется при исследовании эволюции доктрины толкования международных договоров, что позволяет проследить развитие концепции последующей практики применения как средства толкования в науке международного права; сравнительно-правовой метод – используется при исследовании различий в подходах ОМП к последующей практике применения международных договоров как средству толкования и при анализе того, как данное средство толкования применяется в практике национальных судов.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что исследование последующей практики применения международных договоров как средства судебного толкования международных договоров вносит вклад в доктрину толкования международных договоров, способствует созданию обоснованного представления о юридической природе последующей практики применения международных договоров в контексте их толкования. Выводы настоящей диссертации могут быть использованы как теоретическая составляющая для дальнейшей разработки отечественной научной концепции последующей практики применения международных договоров.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при разрешении межгосударственных споров с участием Российской Федерации по вопросам применения международных договоров. Материалы диссертационного исследования могут быть задействованы в преподавании дисциплины «Право международных договоров». Результаты исследования также могут быть применены в подготовке учебных и учебно-методических пособий по международному публичному праву.

Апробация результатов диссертационного исследования. Работа прошла рецензирование и была обсуждена на совместном заседании Центра международного права и сравнительно-правовых исследований и кафедры международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Содержание и основные выводы диссертации отражены в четырех научных статьях автора, которые опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации результатов диссертационных исследований. Основные положения диссертационного исследования были представлены на научных конференциях, конгрессах, чтениях и форумах:

– доклад на тему «Толкование принципа *pacta sunt servanda* Органом по разрешению споров ВТО» на круглом столе «Общепризнанный принцип *pacta sunt servanda* как фундамент международного права» в рамках XII Международного конгресса сравнительного правоведения «Технологические императивы и право» (г. Москва, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 30.11.2022 г.);

– доклад на тему «*Pacta sunt servanda*: современные подходы к толкованию международных договоров» в рамках круглого стола «Международно-правовой принцип суверенного равенства государств: история и современность» на XIII Международном конгрессе сравнительного правоведения «Современное сравнительное правоведение: традиции, новации, перспективы» (г. Москва, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 06.12.2023 г.);

– доклад на тему «Общие вопросы толкования международных торговых соглашений» в рамках круглого стола «Международное право: современные вызовы и перспективы (Совместно с Российской ассоциацией международного права)» на XI Годовом собрании теоретиков права (г. Москва, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 28.02.2024 г.);

– доклад на тему «Последующая практика применения международного торгового соглашения как средство его толкования» в рамках секции «Развитие интеграционных процессов в условиях современных геополитических сдвигов: между Европой и Азией» на XX Международном конгрессе «Блищенковские чтения» (г. Москва, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 13.04.2024 г.);

– доклад на тему «О роли последующей практики применения в толковании международных договоров» в рамках круглого стола «Общее международное право в условиях формирования полицентрического миропорядка» на 67-м Собрании Российской Ассоциации международного права (г. Москва, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 01.07.2024 г.);

– доклад на тему «Толкование международных договоров в универсальных и региональных правовых порядках» на круглом столе «Национальный, региональный и универсальный правовой порядок: проблемы взаимодействия» в рамках XXVI Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» (г. Москва, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, 28.11.2024 г.).

Структура диссертационного исследования состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения, списка литературы.

ГЛАВА 1. ЭВОЛЮЦИЯ ДОКТРИНЫ ТОЛКОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

1.1. Становление концепции толкования международных договоров в доктрине международного права до XX века

Международный договор как инструмент социального взаимодействия с древних времен воспринимается как отражение высшей справедливости в международных отношениях. Советский и российский ученый И.И. Лукашук отмечал, что «соглашения, договоры являются необходимыми институтами человеческого общения. Без них оно было бы невозможно. При их помощи

согласуются совместные действия, разрешаются противоречия. Без них не могли обойтись ни племена, ни государства»³.

В течение длительного исторического периода основным источником международного права служили обычаи, однако практика заключения международных договоров берет свое начало еще в эпоху древности. Главная цель таких соглашений, как правило, заключалась в урегулировании ключевых вопросов международных отношений: обеспечении мира после войны, регулировании вопросов нейтралитета, содействии торговле, формировании союзов или установлении границ. Одним из наиболее ранних примеров доклассических договоров считается заключение мирного соглашения между фараоном Египта Рамсесом II и хеттским царем Хаттусилисом III, датированное 1272 годом до н. э.⁴

С древнейших времен сформировался принцип *pacta sunt servanda*, согласно которому договорные обязательства подлежат обязательному исполнению⁵. Основания соблюдения международных договоров в древние времена нередко имели религиозный характер. Предполагалось, что правители, вступая в договорные отношения, действуют под покровительством богов или от их имени. Это религиозное обоснование обеспечивало восприятие нарушения договора как серьезного преступления, что создавало правовое и моральное обоснование для начала войны против нарушившего договор государства.

Кроме того, уже в античные времена появилась практика аутентичного толкования, как международных договоров, так и внутригосударственных

³ Лукашук И.И. Современное право международных договоров: [в 2 т.] / И.И. Лукашук, Российская академия наук, Институт государства и права. Заключение международных договоров / И.И. Лукашук Т. 1. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 5.

⁴ Современная концепция толкования международных договоров : монография / под ред. А. Я. Капустина. — Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма : ИНФРА-М, 2022. С. 35; Баскин Ю.Я. История международного права / Ю. Я. Баскин, Д. И. Фельдман. — Москва : Междунар. отношения, 1990. С. 15.

⁵ См.: Тиунов О.И. Принцип соблюдения международных обязательств. М.: Международные отношения, 1979. 184 с.

норм. В частности, в римском праве толкование закона было формально признано частью имперской власти (*imperialis potestas*). Однако на практике выполнение этой функции императором часто вызывало критику и юридические споры. Для устранения возникающих сложностей в Кодексе Юстиниана, включенном в свод *Corpus Juris Civilis*, было закреплено положение о том, что любое истолкование законов императором, независимо от того, осуществлялось ли оно в ходе рассмотрения петиции, судебного процесса или иным способом, считалось действительным и обязывающим. Это положение обязывало считать императорское толкование законом ввиду того, что право издавать законы было сосредоточено исключительно в руках императора. Особенностью аутентичного толкования, согласно Кодексу Юстиниана, стало его обязательное влияние как на будущие правоотношения, так и на уже сложившиеся, что придавало ему ретроспективное действие. Это свидетельствует о том, что процесс создания норм и их толкования в римском праве не были строго разделены между собой. Таким образом, аутентичное толкование выступало не только как механизм адаптации правовых норм к конкретным спорам, но и служило важным механизмом упрочения власти и установления правовой стабильности⁶.

Начиная с VII в. формирование международно-правовых концепций в Арабских государствах развивалось на основе Священного Корана⁷ и хадисов пророка Мухаммада (с.а.в.)⁸, в соответствии с которыми необходимо соблюдать взятые на себя договорные обязательства. Одним из главных качеств мусульманина является «аманат» (верность, честность, надёжность). Более того, аманат считается отличительным качеством любого верующего. Осуждались те, кто заключил договор, а потом его нарушил - «Несоблюдение

⁶ The Enactments of Justinian. The Novels // Scott S. P. The Civil Law, XVII. – Cincinnati, 1932. URL: https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Anglica/N143_Scott.htm (дата обращения: 21.12.2023).

⁷ Сура «Маида», аят 1; сура «Тауба», аят 7; сура «Аль-Исра», аят 34; сура «Аль-Муминун», аят 8. См.: Коран / АН СССР, Ин-т востоковедения; пер. и коммент. И. Ю. Крачковского; [ред. В. И. Беляев; авт. предисл. П. Грязневич, В. Беляев]. – 2-е изд. – Москва: Наука, 1986. – 727 с.

⁸ См.: ан-Навави, Абу Закарийя бин Шараф (1233-1277). Рийад ас-салихин: в 2 т. / Абу Закарийя Йахйя б. Шараф ан-Навави ; перевёл [с арабского] Абдулла Нирша. — Москва: Умма, 2021.

договора – это признак лицемера» не раз указывается в хадисах пророка Мухаммада (с.а.в).

Коран и сунна включают юридические нормы, реализация которых требует доктринального толкования, а потому фикх (исламское право, в котором международное право является его отраслью), вероятно, единственная правовая система, которая полностью строится на доктрине. Это связано с тем, что только небольшое количество правовых норм, изложенных в Коране и сунне, имеют окончательный характер, а остальная часть фикха зависит от толкования. Так, сама природа исламского права сделала его гибким и адаптируемым ко всем обществам или государствам. Его развитие таким образом, приводит к формированию новых норм, так как исламское право не ограничено временем и пространством.

Особенность толкования в исламском праве заключается в том, что толкование какого-либо аята Корана не может осуществляться изолированно. Оно (толкование) должно учитывать юридический и языковой контекст, причину откровения и все сопутствующие события. Другими словами, в исламской правовой системе юридический текст никогда не существует изолированно, а находится под влиянием определенных событий, которые позволяют экстраполировать наиболее подходящее правовое решение в каждом конкретном случае. Элементы связности и интертекстуальности имеют первостепенное значение и всегда должны учитываться в процессе толкования правовых положений⁹.

В период Средневековья сложилась традиция контроля за выполнением международных соглашений, основанная на институтах гарантов и депозитариев. Для подтверждения соблюдения условий договоров монархи назначали уполномоченных лиц, которые следили за их исполнением. Главы

⁹ Недилько Ю.В. Формирование основных способов и правил толкования Корана как источника мусульманского права в период средневековья // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1 (65). С. 21-25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-osnovnyh-sposobov-i-pravil-tolkovaniya-korana-kak-istochnika-musulmanskogo-prava-v-period-srednevekovya> (дата обращения: 21.12.2023).

государств не только выступали гарантами выполнения соглашений, но также имели исключительное право интерпретировать их положения. Если обязательства нарушались, поручители имели законные основания применять военные или политические меры воздействия на правителя, чтобы заставить его следовать условиям договора¹⁰. Кроме того, для обеспечения соблюдения соглашений также использовалась практика заложничества. Например, в рамках Мадридского договора 1526 года наследники короля Франции Франциска I были переданы императору Священной Римской империи Карлу V в качестве залога. Позднее, в 1529 году, их вернули во Францию в обмен на денежный выкуп. Такая практика оставалась актуальной вплоть до подписания Ахенского мира в 1748 году¹¹.

Помимо заложничества, в качестве гарантии выполнения договорных обязательств также использовалась передача территорий или городов. Например, Генуэзская республика передала Франции остров Корсику в качестве залога договорных обязательств, однако после обвинений в несоблюдении договоренностей эта территория осталась под юрисдикцией французской короны.

Если феодальные договоры были в основном двусторонними, то в период абсолютизма стали заключаться и многосторонние, прежде всего мирные, договоры. Важнейший из них – Вестфальский мирный договор 1648 г., ознаменовавший окончание Тридцатилетней войны и регулировавший отношения между государствами Европы вплоть до Французской буржуазной революции¹².

Подписание Вестфальского мира привело к ряду изменений в системе международного права. Во-первых, он подтвердил принцип равноправия

¹⁰ Золотой фонд российской науки международного права. Т. V. Пособие к изучению истории и системы международного права / В.П. Даневский; науч. ред. Г.С. Стародубцев. – М.: Международные отношения, 2021. С. 283.

¹¹ Там же. С. 282.

¹² См.: Буткевич О.В. У истоков международного права / О. В. Буткевич. – Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова "Юридический центр Пресс", 2008. – 879 с.

государств и впервые в истории признал суверенитет и независимость государств как основополагающие принципы международных отношений. Этот принцип стал одним из основополагающих принципов системы международного права, и до сих пор его соблюдение является одной из важнейших задач международного сообщества. Во-вторых, договор впервые закрепил принцип невмешательства во внутренние дела других государств. Это означало, что каждое государство имеет право на свободный выбор своей внутренней политики без вмешательства со стороны других государств. В-третьих, он определил ряд правил и ограничений ведения войны. В частности, были введены мирные переговоры между воюющими сторонами, запрет на применение пыток и массового уничтожения, а также запрет на разорение и уничтожение вражеских городов и территорий. Эти правила стали основой для развития международного гуманитарного права и правил ведения войны. В-четвертых, Вестфальский договор формализовал принцип разделения власти между правителем и религиозными лидерами, что прекратило религиозные конфликты в Европе и открыло путь к секуляризации государственной власти. Этот принцип стал основополагающим для разделения государства и религии и имел важное значение для дальнейшего развития гражданских прав и свобод. В-пятых, Вестфальский договор стал основой для установления нового международного порядка в Европе. Он закрепил принципы баланса сил и коллективной безопасности, которые стали основой международных отношений в Европе вплоть до начала XIX века. Вестфальский мирный договор имел особенное значение для развития системы международного права. Он установил фундаментальные принципы, которые до сих пор являются основой международных отношений.

Эпоха колониализма, охватывающая период XVI-XX веков, характеризовалась активным процессом колонизации и экспансии европейских держав в различные части света. В это время заключались международные договоры, предназначенные для регулирования отношений между колонизаторами и колонизируемыми территориями.

Толкование международных договоров в эпоху колониализма часто определялось интересами колонизаторов. В основном, договоры предоставляли колонистам преимущества перед местным населением, гарантировали защиту колониальных интересов и устанавливали правила взаимодействия между колониями и европейскими державами. Однако, несмотря на наличие таких договоров, многие из них оставались символическими, поскольку колонисты часто насильственно включали территории в свою империю, игнорируя соглашения. Колонизаторы применяли военную силу и давление, чтобы принудить колонизируемые народы к соблюдению условий договоров, что приводило к нарушению многих принципов и норм, установленных самими договорами. Кроме того, договоры между колонизаторами и местным населением зачастую не обеспечивали равенство в правах. Местные жители были лишены гражданских, политических и социальных прав, а их интересы были подчинены интересам колониальной империи. Например, различные толкования Сайгонского мирного договора 1874 года между Вьетнамом и Францией вызвали многочисленные разногласия в последующих дипломатических отношениях, что привело к началу франко-китайской войны в 1883 году¹³. Другим примером является английская и малайская версии договора, подписанного Александром Далримплом, представителем Английской Ост-Индской компании, с султаном Бантиланда Муиззуддином Сулу в январе 1761 года¹⁴. Впоследствии было установлено, что между английской и малайской версиями договора были значительные различия не

¹³ Baka A. I., Fei Q. Lost in translation in the Sino-French War in Vietnam: From western international law to Confucian semantics: A comparative–critical analysis of the Chinese, French, and American archives // A. Carty & J. Nijmann (Eds.). *Morality and responsibility of rulers: European and Chinese origins of a rule of law as justice for world order*. Oxford University Press, 2018. P. 386-412. URL: <https://academic.oup.com/book/1740/chapter-abstract/141386564?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения: 21.12.2023).

¹⁴ Gallop A. T. Malay documents from Sulu and Mindanao in the British Library // *Journal of Philippine Local History and Heritage*. 2016. Vol. 2, № 2. P. 63-112. URL: https://www.academia.edu/35682910/Malay_documents_from_Sulu_and_Mindanao_in_the_British_Library (дата обращения: 21.12.2023).

только в отношении значения определенных терминов, но и в отношении содержания. Запрет на продажу опиума, оружия и боеприпасов в Сулу, по-видимому, был добавлен в договор по просьбе султана, но на малайском языке он был гораздо содержательней, чем на английском. Более того, это положение было полностью опущено, когда впоследствии текст договора на английском языке был опубликован. Таким образом, несмотря на формальное наличие договоров, их толкование в эпоху колониализма было часто искажено¹⁵.

В этот период концепции толкования международных договоров неразрывно эволюционировали с развитием науки международного права. Считается, что голландский юрист Гуго Гроций заложил основы для становления международного права как подлинной системы позитивного права, а не просто источника универсальных моральных принципов естественного права. Настаивая на том, что его правовая система была бы оправданной, даже если бы предполагалось, что Бога не существует, т.е. аргумент *etiamsi daremus* в пролегоменах к его работе «О праве войны и мира» (параграф XI), Г. Гроций проложил путь к более универсальной концепции международного права, независимой от христианских верований и, следовательно, более идеологически инклюзивной. Его работы оказали значительное влияние на развитие и формирование доктрины толкования международных договоров. Г. Гроций предложил ряд ключевых принципов и подходов к толкованию международных договоров, которые впоследствии стали основой для многих современных методов и подходов толкования международно-правовых норм.

Г. Гроций считал, что текст договора должен рассматриваться в контексте его объекта и целей, которых договаривающиеся стороны

¹⁵ Amirell S. E. Tools of imperialism or sources of international law? Treaties and diplomatic relations in early modern and colonial Southeast Asia // History Compass. 2023. № 21(12). P. 9. URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/hic3.12793> (дата обращения: 21.12.2023).

стремились достичь. Кроме того, он предложил принцип обычного толкования, согласно которому договор следует толковать так, как это было принято или могло быть принято в аналогичных ситуациях. Их также следует толковать в свете общепринятых норм справедливости и морали. Это означает, что если толкование договора приведет к несправедливому или неэтичному результату, то оно должно быть отклонено или изменено¹⁶.

Еще один зарубежный ученый – Самуэль Пуфендорф – был известен главным образом как теоретик естественного права, и, подобно работе Г. Гроция, труд С. Пуфендорфа включает в себя главу о толковании договоров¹⁷.

С. Пуфендорф, как и Г. Гроций, считал объективное толкование необходимым для того, чтобы вообще можно было давать обязывающие обещания, и поэтому утверждал, что система, поддающаяся объективному толкованию, была необходима. Раздел С. Пуфендорфа не так уникален, как раздел Г. Гроция, т. к. он заимствует большую часть своей главы из работы Г. Гроция. Простое изложение каждого из его двадцати трех правил показывает тот же переход от лингвистических правил к более сложным случаям, требующим большей абстракции. Он посвятил несколько страниц обсуждению того, что подразумевалось под условиями мирного договора, положившего конец Второй Пунической войне (правила XV и XVI). В дополнение к этому примеру С. Пуфендорф также приходит к выводу, что толкователи не должны рассматривать случаи, которые изначально не предусматривались договаривающимися сторонами, за исключением случаев, когда исключение было бы просто семантически необходимым (правило XVII). Например, хотя Пуфендорф заявил, что значение слов может быть расширено или ограничено в отдельных случаях, такие расширения или

¹⁶ Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. – М.: Ладомир, 1994. С. 402-415.

¹⁷ Pufendorf S. Of the law of nature and nations. Eight Books / ed. and trans. L. Lichfield et al. Oxford, 1710. Book V, Ch. XII. P. 534-552. URL: https://archive.org/details/bim_eighteenth-century_of-the-law-of-nature-and_pufendorf-samuel-freih_1710/page/n3/mode/2up (дата обращения: 21.12.2023).

ограничения не следует часто допускать, если только слова полностью не противоречат их общепринятому смыслу.

Буржуазная революция проходила в странах Западной Европы с конца XVIII века до середины XIX века. Это был период быстрого индустриального развития, который привел к изменению экономической, социальной и политической структуры общества – переход от феодализма к капитализму.

Эти события привели к ряду изменений в международном праве. Во-первых, произошла эволюция идеи национального суверенитета, которая стала важной составляющей международного права. Развитие национальных государств и их права на самоопределение сыграли важную роль в формировании современной системы международных отношений. Во-вторых, буржуазная революция привела к усилению идеи гражданского общества и прав человека. Например, Французская декларация прав человека и гражданина, принятая в 1789 году, стала первым шагом в закреплении принципов свободы, равенства и братства, которые стали основополагающими для буржуазной революции, прообразом которой выступили Великая хартия вольностей 1215 года и Билль о правах 1689 года. Декларация прав человека признавала незыблемые и неотъемлемые права каждого человека, включая право на свободу выражения мнения, вероисповедания, защиту собственности.

Эмер де Ваттель, ученый-правовед XVIII века, внес значительный вклад в теорию толкования международных договоров. Его главный труд «Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов» («The Law of Nations or the Principles of Natural Law Applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns») был опубликован в 1758 году и стал одной из основных работ своего времени в науке международного права¹⁸.

¹⁸ Ваттель Эмер де. Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов / [предисл. В.Н. Дурденевского]. М.: Госюриздат, 1960. 719 с.

Э. де Ваттель развивал идеи Г. Гроция сообразно историческому контексту того времени. Он считал, что толкование международных договоров должно основываться на общепринятых принципах и нормах международного права, которые определены через естественное право и которые могли быть применимы ко всем договорам. Таким образом, Э. де Ваттель предлагал универсальную концепцию толкования.

Он подчеркивал, что толкование международных договоров должно основываться на намерении сторон, выраженном в тексте договора, потому отвергал формальный подход к толкованию, считая, что важно понимать цель договора. Он также подчеркивал, что текст договора должен быть истолкован добросовестно, справедливо, в соответствии с обычным значением терминов и с учетом практики и обычаев, сложившихся в международных отношениях.

Более того, классики создали доктрину благоприятных и неблагоприятных обязательств для выбора между расширительным или ограничительным толкованием. Заметив, что многие слова имеют несколько значений, одно более строгое и точное, другое более расплывчатое и обширное, Г. Гроций пришел к выводу, что природа обязательства должна определять выбор между ограничительным и расширительным значением. Обязательство благоприятного характера требует расширительного толкования, а обязательство неблагоприятное – ограничительного толкования. Так, Г. Гроций писал: «В случаях, не вызывающих одиозности, мы должны понимать слова в их полном объеме, как они обычно воспринимаются; и если они неоднозначны, то их нужно воспринимать в самом широком смысле»¹⁹. Он объяснил, что благоприятными являются те положения, которые несут в себе равенство и уважают общую выгоду, и чем дальше она распространяется, тем больше благосклонность обязательства, поскольку в тех положениях, которые способствуют миру, благосклонность больше, чем в тех, которые способствуют войне. Таким образом, природа обязательства у Г. Гроция

¹⁹ Гроций Г. Указ. соч. С. 357.

может определять выбор между расширительным и ограничительным толкованием, но только в пределах текста.

С. Пуфендорф следовал этой позиции Г. Гроция, но Э. де Ваттель разработал идеи последнего. Если выражения сторон неопределенны, расплывчаты или могут иметь более широкий смысл, а точное изложение их намерений невозможно в конкретном случае, о котором идет речь, Э. де Ваттель считал, что разум и справедливость указывают на определяющую роль в проведении различия между благоприятными и неблагоприятными обязательствами в качестве предполагаемого намерения сторон. Не претендуя на исчерпывающий перечень благоприятных и неблагоприятных обязательств, Э. де Ваттель отнес к благоприятным те, которые ведут к общей выгоде и равенству, полезны для человеческого общества, а те, которые содержат наказание или делают деяние недействительным – к неблагоприятным. Э. де Ваттель перенес последствия доктрины благоприятного и неблагоприятного обязательства за пределы текста, но он рассматривал доктрину как последнее средство толкования, допустимое в тех случаях, когда все остальные неспособны определить точное намерение сторон. Ссылки на благоприятные и неблагоприятные обязательства позже исчезли из научной литературы, но вопрос о том, имеет ли природа международно-правовых обязательств значение для толкования международных договоров, остался актуальным.

Таким образом, вышеизложенное поддерживается выводом профессора А. Я. Капустина о том, что зарубежные ученые того времени «отметили дихотомию в теоретическом объяснении целей толкования между акцентированием на строгом соблюдении текста и значения терминов договора (текстуальный подход), с одной стороны, и уяснением намерения и духа договора, с другой»²⁰.

Венский конгресс 1814-1815 гг. ознаменовал не только завершение Наполеоновских войн, но и новый этап развития международного права. В

²⁰ Современная концепция толкования международных договоров... С. 35.

течение всего столетия активно заключались международные договоры в области дипломатических сношений, прав человека, интеллектуальной собственности, в сфере торговли, судоходства, гуманитарного права и т. д.²¹

Паскаль Фиоре, итальянский ученый-юрист, отмечал, что слова в соглашениях не всегда имеют определенное значение, поэтому не выражают точного смысла. Даже ясное словоупотребление не может выражать полные намерения сторон. Общие положения международного договора не применяются к отдельным случаям, а непредвиденные обстоятельства приводят к тому, что они становятся несовместимыми с правилами, предусмотренными международным договором²².

Роберт Филлимор, британский судья, отмечал, что «толкование – это жизнь мертвой буквы»²³. Подкрепляя свои аргументы примерами из римского права, он утверждал, что приемы толкования, применяемые к частноправовым соглашениям, не могут служить для толкования международных договоров. Он выделял *аутентичное толкование*, даваемое самим законодателем, т. е. государствами; *обычное толкование*, основанное на применении или прецеденте; *доктринальное толкование* посредством научного изложения условий международного договора²⁴. Последнее он подразделял на грамматическое и логическое толкование. Так, одним из первых классических ученых, прямо упомянувших аутентичное толкование, был Р. Филлимор. По его мнению, оно не квалифицируется как толкование. Для него толкование означало только то, что Г. Кельзен назвал бы юридико-научным толкованием. Аутентичное толкование, напротив, было правотворческой деятельностью, а именно толкованием путем заключения нового договора. Примечательно, что

²¹ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. 432 с.

²² Fiore P. *International Law Codified and Its Legal Sanction* / Tr. from the 5th Italian ed. by E.M. Borchard. New York: Baker, Voorhis, & Co, 1918. P. 797.

²³ Phillimore R. *Commentaries upon International Law* / by Sir Robert Phillimore. Vol. II. London: Butterworth, 1879–1889, 1882. Part V, Ch. VIII. P. 95.

²⁴ Ibid. P. 97.

понимание Р. Филлимором аутентичного толкования вытекало не из международного права, а непосредственно из Кодекса Юстиниана.

Отечественная доктрина международного права зародилась и получила свое развитие с конца XIX-начала XX веков.

Ф.Ф. Мартенс, российский юрист и дипломат, сыграл важную роль в развитии отечественной доктрины международного права. Большинство его теоретических разработок легли в основу Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, которая была принята в 1899 году на мирной конференции в Гааге, созванной по инициативе Российской Империи²⁵. Учёный также внес значительный вклад в развитие и принятие правил толкования международных договоров, разработал и систематизировал ряд основных принципов толкования, которые впоследствии были приняты международным сообществом.

Одним из основных принципов толкования, внесенных Ф.Ф. Мартенсом, является принцип исполнения договоров *bona fide*²⁶. Он предложил такое толкование, которое бы наилучшим образом обеспечивало достижение целей, явно выраженных в тексте договора и отражающих волю договаривающихся сторон. Этот принцип был впоследствии закреплён в Венской конвенции. В своих работах Ф.Ф. Мартенс также подчеркивал важность учета контекста и исторического фона при толковании, а также учета целей и намерений договаривающихся сторон. Более того, он отрицал применимость приемов толкования, присущих римскому праву, к международным договорам, поскольку субъекты, объекты и действие международно-правовых норм отличаются от частноправовых.

К толкованию международных договоров обращался еще один отечественный ученый-правовед, специалист в области международного

²⁵ См.: Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Консорциум «Кодекс»: сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901753259> (дата обращения: 21.12.2023).

²⁶ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. С. 327.

права Л.А. Камаровский. Он, отмечая особую роль толкования при исполнении «трактатов», писал, что все договоры должны быть толкуемы *bona fide*. Л.А. Камаровский согласился с мнением Э. де Ваттеля о том, что не должно подлежать толкованию то, что ясно по смыслу текста договора. Также он впервые в истории отечественной доктрины международного права классифицировал методы толкования, дал определение аутентическому или *аутентичному* толкованию²⁷.

Особую роль в развитии отечественной концепции толкования международных договоров сыграл и А. Н. Стоянов. В своей работе «Очерки истории и догматики международного права» учёный исследовал вопрос о субъектах, толкующих международные договоры, представил 5 видов толкования и подробно изложил 12 правил толкования²⁸.

В период до XX века не было единой системы толкования международных договоров, и понимание правил и методов толкования могло варьироваться. В процессе толкования международных договоров ученые-юристы прибегали к использованию логики и обычаев, а также учитывали намерения сторон и цель, которую они хотели достичь посредством заключения международно-правового акта.

В случае возникновения разногласий относительно толкования договора вопрос разрешался в ходе дипломатических переговоров, часто это облекалось в форму дополнительного соглашения к договору. В.А. Уляницкий приводит примеры таких документов, как ноты между Англией и Францией 1870 года относительно толкования договора о гарантии нейтралитета Бельгии; Декларация 1873 г. Франции и Италии о точном смысле договора Бора о выдаче преступников 1870 г. и т.д.²⁹.

²⁷ Камаровский Л.А. Международное право: лекции / Л.А. Камаровский, В.А. Уляницкий. Москва, 1908. С. 130-131.

²⁸ Стоянов А.Н. Очерки истории и догматики международного права. М.: Книга по требованию, 2016. С. 538-542.

²⁹ Золотой фонд российской науки международного права... С. 194.

Таким образом, становление концепции толкования международных договоров в доктрине международного права до XX века демонстрирует длительный процесс формирования методов и средств интерпретации международных договорных норм. На ранних этапах толкование международных договоров было тесно связано с религиозными основаниями и моральными принципами. В античное время развитию подходов к толкованию международных договоров способствовало римское право, выделяя аутентичное толкование как механизм нормотворчества и правоприменения, которое преобладало вплоть до конца эпохи абсолютизма. Зарождающаяся в XVIII веке доктрина международного права характеризовалась естественно-правовым подходом к толкованию международных договоров, который предлагал учитывать наряду с текстом и целями международного договора и намерения сторон.

1.2. Развитие доктрины толковании международных договоров в первой половине XX века

Существенное влияние на концепцию толкования международных договоров в период между двумя мировыми войнами оказало обострившееся международное положение. Коллапс европейской политической системы в начале XX века стимулировал начало кодификации права международных договоров, в том числе и правил толкования международных договоров.

Если до XX века в доктрине международного права преобладали взгляды ученых естественно-правовой теории, то затем на арену международно-правовой науки вышли позитивисты³⁰.

Позитивизм в толковании международных договоров опирается на основной принцип, согласно которому международные договорные обязательства должны толковаться согласно их буквальному значению. Это связано с тем, что текст договора считается главным источником намерений

³⁰ Оппенгейм Л. Наука международного права. Том I. Полутом 1. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1948. С. 117.

его участников. Таким образом, позитивизм исключает субъективное понимание правовых норм. В юридическом позитивизме текст договора интерпретируется объективно, а попытки переосмыслить или модифицировать его через политику или мораль считаются неприемлемыми.

Одним из важных вкладов позитивизма в толкование договоров было развитие теории объективного толкования. Согласно этой теории, целью толкования является определение объективного значения и намерений сторон на основе надлежащей доказательной базы.

Ганс Кельзен – философ и теоретик права, основоположник нормативистской (неопозитивистской) школы права. Его вклад в развитие теории толкования международных договоров весьма значителен.

Г. Кельзен разработал и представил концепцию объективного толкования международных договоров, которая стала основой для дальнейших исследований и разработок в этой области. Согласно его теории, толкование договоров должно осуществляться на основе принципов, которые можно найти в тексте самого договора, а также на основе контекста его заключения³¹.

Позицию Г. Кельзена, отражающую общие теоретические принципы толкования, можно обобщить по трем пунктам.

Во-первых, «традиционная юриспруденция еще не нашла объективно правдоподобного способа разрешить конфликт между волей и её выражением», между намерением и текстом³². Таким образом, утверждает Г. Кельзен, нет никаких оснований считать, что намерение законодателя является подходящим методом толкования, и нет никаких оснований считать, что апелляция к тексту также является подходящим методом, так как «с точки зрения позитивного права одинаково допустимо и пренебрегать буквальным

³¹ Kelsen H. Principles of international law. New York: Rinehart & Company, 1952. P. 320-321. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015021919280&seq=7> (дата обращения: 21.12.2023).

³² Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. С. 424.

смыслом в пользу конструируемой воли законодателя, и строго держаться буквального смысла, не заботясь при этом об обнаружении (как правило, проблематичном) воли законодателя»³³.

Во-вторых, Г. Кельзен настаивает на том, что нет основы для систематического использования аналогии или аргумента от обратного³⁴. Оба знакомых метода толкования, аргумент от обратного и аналогия, бесполезны хотя бы потому, что они приводят к противоположным результатам и нет критерия для принятия решения о том, когда использовать тот или иной метод³⁵. Точка зрения Г. Кельзена такова: из-за отсутствия критериев нет никакого способа оправдать выбор какой-либо конкретной якобы сходной характеристики при построении аналогии. Аргументация также основывается на отсутствии применимых критериев, так как не имея критериев, толкователь не имеет возможности обосновать выбор одного подхода к толкованию в пользу другого.

В-третьих, Г. Кельзен говорит о фикциях, используемых при толковании правовых норм, и приводит примеры юридических фикций в качестве попыток заполнить предполагаемые пробелы в праве. Он настаивает на том, что в законе нет подлинных пробелов, утверждая, что если заявленное право не признается в применимом положении нормативного акта, то для юридических целей этого права не существует. В судебном решении этот результат также считается юридическим решением, основанным на законе, и, утверждает Г. Кельзен, что из этого следует то, что в законе не может быть никаких реальных пробелов. Напротив, распространенное в доктрине мнение гласит, что такие пробелы действительно существуют. Споря с теми, кто защищает общепринятое мнение о пробелах в праве, Г. Кельзен обращается, в частности, к действиям тех, кто хотел бы заполнить эти предполагаемые пробелы в законе. Здесь функция толкования не заключается в обеспечении применения

³³ Там же. С. 425–426.

³⁴ Там же. С. 425.

³⁵ Там же. С. 426

нормы, подлежащей толкованию; напротив – его функция состоит в том, чтобы устранить норму, подлежащую толкованию, чтобы заменить ее нормой, которая является лучшей, более справедливой, более приближенной к истине – нормой, желаемой органом власти, применяющим ее. Под предлогом того, что первоначальная норма дополняется для восполнения ее недостатков, она отменяется в процессе применения и заменяется новой нормой. Эта фикция особенно полезна в тех случаях, когда юридический пересмотр общих норм по каким-либо причинам затруднен или невозможен³⁶.

Кроме того, подход Г. Кельзена к аутентичному толкованию основан на двух основных факторах. Во-первых, оно основывается на идее иерархической структуры («Stufenbau») права. И, во-вторых, он отвергает фикцию о том, что всегда существует только одно правильное толкование норм, подлежащее применению к конкретным случаям. Нормы более высокого уровня определяют создание норм более низкого уровня. Это определение неизбежно является несовершенным и неполным, поскольку норма не может быть обязательной в отношении каждой детали акта, претворяющего его в жизнь. Всегда должен сохраняться диапазон усмотрения, иногда более широкий, иногда более узкий, чтобы норма более высокого уровня по отношению к акту ее применения имела характер рамки, которую необходимо заполнить посредством толкования³⁷.

Иными словами, позитивный закон неизбежно страдает от врожденного несовершенства человеческого языка. Международное право не является исключением. Слова и словосочетания, составляющие международный договор, вряд ли когда-либо будут иметь только одно значение, поэтому практически каждый международный договор неоднозначен. По этой причине те, кто добросовестно применяет международный договор, подвергают его процессу толкования, чтобы устранить двусмысленность, определить

³⁶ Там же. С. 367.

³⁷ Там же. С. 424.

правильное значение международного договора в данный момент времени и в данном контексте, а также установить и реализовать намерение сторон.

Вместо того, чтобы сосредоточиться на методах или средствах толкования, Г. Кельзен выделяет характеристики его различных видов, а именно юридико-научного и аутентичного. Юридико-научное толкование, т. е. осуществляемое учеными-правоведами, представляют собой когнитивные акты, которые устанавливают возможные значения правовой нормы. Аутентичное толкование – это толкование, предпринятое правоприменительными органами государства. Таким образом, аутентичное толкование в кельзенианском смысле не является синонимом аутентичного толкования, традиционно понимаемого в международном публичном праве.

Людвик Эрлих, напротив, называл аутентичные толкования официальными соглашениями между всеми договаривающимися сторонами относительно толкования международного договора³⁸. По его мнению, поведение (практика) государств при применении договора аналогично аутентичному толкованию, поскольку оно помогает установить, как стороны понимают международный договор. Чтобы проиллюстрировать сходство между аутентичным толкованием и последующей практикой применения международных договоров, Л. Эрлих описал последнее как «квазиаутентичное толкование»³⁹.

Другой выдающийся юрист Ласа Франсис Лоурес Оппенгейм в своей работе «International law: a treatise», которая стала классическим доктринальным источником знаний о толковании международных договоров того времени, анализирует различные методы толкования, которые применяются в международном праве. Л. Оппенгейм отмечает важность контекста и намерений сторон при толковании договоров. Он считает, что

³⁸ Ehrlich L. L'interprétation des traités // The Hague Academy Collected Courses Online / Recueil des cours de l'Académie de La Haye en ligne. Brill | Nijhoff, 1928. P. 36. URL: <https://referenceworks.brill.com/display/entries/HACO/A9789028606128-01.xml?language=en&ebody=abstract%2Fexcerpt> (дата обращения: 21.12.2023).

³⁹ Ibid. P. 50.

важно исследовать исторический контекст, в котором был заключен договор, а также намерения сторон, выраженные во время переговоров. Он отрицает возможность ухода от буквы договора и утверждает, что истолкование должно основываться на ясном и однозначном смысле слов, используемых в договоре. Л. Оппенгейм также обращает внимание на дополнительные средства, такие как преамбула, пояснительные записки, другие сопутствующие материалы в толковании международных договоров. Более того, он стремился отделить аутентичное толкование от его истоков в римском праве, связав его с принципом согласования воли в международном праве: «Гроций и последующие авторитеты применяли к толкованию международных договоров общие правила толкования римского права. В общем, такое применение правильно, поскольку нормы римского права проникнуты здравым смыслом. Более поздние авторитеты применяли нормы римского права, касающиеся толкования в целом, к толкованию международных договоров. Но следует подчеркнуть, что толкование международных договоров – это, в первую очередь, вопрос согласия между договаривающимися сторонами. Если они выбирают определенную интерпретацию, то никакая другая не имеет под собой никаких оснований»⁴⁰.

Л. Оппенгейм различал три различных способа толкования в тех случаях, когда толкование договаривающихся сторон выходит за рамки общих правил: неформальные договоренности о толковании международного договора, принятие интерпретационной декларации или протокола в качестве приложения к международному договору, заключение дополнительного договора, содержащего положения о желательном толковании основного договора. Последний способ он и определял как аутентичное толкование в международном праве⁴¹.

Постоянная палата третейского суда (далее – ППТС) была основана в рамках первой Гаагской мирной конференции, проведённой в 1899 году по

⁴⁰ Оппенгейм Л. Указ. соч. С. 469.

⁴¹ Там же.

инициативе Российской империи, высказанной императором Николаем II. Конференция была созвана для обсуждения вопросов мира и разоружения, а также для разработки механизмов, способствующих предотвращению международных конфликтов. Одним из ключевых итогов конференции стало принятие Конвенции о мирном решении международных столкновений, в которой предусматривалось создание международной институции для обеспечения арбитража между государствами – ППТС (Раздел IV. О международном третейском суде)⁴².

Создание ППТС стало ответом на необходимость формализации механизмов мирного разрешения споров, которые ранее имели нерегулярный характер. До конца XIX века арбитраж применялся эпизодически, и механизмы его функционирования зачастую зависели от договорённостей между сторонами. Первая Гаагская конференция предоставила возможность институализировать арбитраж как универсальное средство предотвращения конфликтов и сформировать общепризнанные правила его проведения.

Основой деятельности ППТС стали принципы добровольности участия сторон и консенсуса. ППТС служила административной базой для проведения арбитражей и не имела постоянных судей – каждое государство назначало до четырёх лиц, компетентных в области международного права, которые могли быть выбраны арбитрами для конкретных споров (Статья 44). Такой подход позволял сохранять гибкость в разрешении разногласий и учитывать интересы спорящих сторон.

Одним из первых значимых дел ППТС стало разрешение спора между США и Великобританией по Ньюфаундлендским рыболовным концессиям в 1910 году, которое продемонстрировало успешное функционирование арбитража в разрешении межгосударственного спора⁴³. После этого ППТС

⁴² Конвенция о мирном решении международных столкновений // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Консорциум «Кодекс»: сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901762207?ysclid=m6jc1jiugf71671584> (дата обращения 21.12.2023).

⁴³ The North Atlantic Coast Fisheries Case (Great Britain / United States of America), Award of the Tribunal, PCA, 1910. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/496> (дата обращения: 21.12.2023).

стала играть важную роль в урегулировании споров по вопросам суверенитета, права на использование природных ресурсов, а позже – в решении экономических и инвестиционных споров.

В деле о возмещении ущерба Турцией Российской Империи арбитражный трибунал заявил: «...выполнение обязательств между государствами, как и между отдельными лицами, является самым верным показателем эффективности этих обязательств»⁴⁴.

Лига Наций, первая международная организация, призванная обеспечивать мир и безопасность после Первой мировой войны, предприняла попытку кодифицировать обычные нормы права международных договоров, но она оказалась неудачной. Постоянная палата международного правосудия (далее – ППМП, Палата), созданная на базе Лиги Наций, однако, постоянно обращалась к вопросам толкования международных договоров, так как была наделена полномочиями разрешать межгосударственные споры. В результате своей деятельности она разработала важные подходы к толкованию международных договоров, которые оказали существенное влияние на современное международное право, в частности, на право международных договоров.

Так, кроме уже устоявшихся средств толкования, как текст, объект и цели международного договора, контекст его заключения, подготовительные материалы, в спорах *Wimbledon*⁴⁵, *Interpretation of the Statute of the Memel Territory*⁴⁶, *Free City of Danzig and International Labour Organization*⁴⁷ Палата

⁴⁴ Russian Claim for Interest on Indemnities (Russia / Turkey), Award of the Tribunal, PCA, 1912. URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/89/> (дата обращения: 21.12.2023).

⁴⁵ Case of the S.S. Wimbledon (Judgment), PCIJ Ser. A, № 1, 1923. P. 21, 30. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_A/A_01/03_Wimbledon_Arret_08_1923.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

⁴⁶ Interpretation of the Statute of the Memel Territory (Judgment), PCIJ Ser. A/B, № 47, 1932. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_AB/AB_49/01_Memel_Arret.pdf. (дата обращения: 27.01.2024).

⁴⁷ Free City of Danzig and International Labour Organization (Advisory Opinion), PCIJ Ser. B, № 18, 1930. P. 12-15. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_B/B_18/01_Ville_libre_de_Danzig_et_OIT_Avis_consultatif.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

рассматривала последующую практику применения международных договоров для определения позиций сторон относительно их толкования.

М. О. Хадсон, судья Постоянной палаты международного правосудия 1936-1946 гг., в работе «Permanent Court of International Justice 1920-1942» дал характеристику основных подходов Палаты к толкованию договоров. М. О. Хадсон отмечал, что ППМП придерживался концепции аутентичного толкования, которое бы признавало намерение договаривающихся сторон основным аргументом⁴⁸.

В 1928 году состоялась попытка официальной кодификации права международных договоров. Гаванский проект конвенции о праве международных договоров содержал одну статью 3, ссылающуюся на аутентичное толкование. Проект не был поддержан⁴⁹.

В 1935 году вышел в свет Гарвардский проект конвенции о праве международных договоров, которая содержала только одну статью 19 о толковании международных договоров. Примером подхода Л. Эрлиха к толкованию международных договоров является Гарвардский проект: пункт (а) статья 19 гласит: «Международный договор должен толковаться в свете общей цели, которой он призван служить. Историческая справка о договоре, подготовительные материалы, обстоятельства на момент заключения договора, изменение этих обстоятельств, последующее поведение сторон при применении положений договора и условия, преобладающие на момент толкования, должны рассматриваться в связи с общей целью, которой призван служить международный договор»⁵⁰. В этом положении прямо упоминается квазиаутентичное (последующее поведение (практика) государства при применении международного договора), но не аутентичное толкование. Его формулировка предполагает, что все перечисленные средства толкования

⁴⁸ Современная концепция толкования международных договоров... С. 39.

⁴⁹ Лукашук И.И. Указ. соч. С.86.

⁵⁰ Harvard Draft Convention on the Law of Treaties // The American Journal of International Law. 1935. Vol. 29, Issue Supplement. P. 661. URL: https://archive.org/details/sim_american-journal-of-international-law_1935_29_supplement/page/660/mode/2up (дата обращения: 21.12.2023).

имеют равное значение. Однако комментарий к статье 19 повышает юридический статус квазиаутентичного толкования: «при толковании международного договора поведение или действия его участников не могут игнорироваться»⁵¹.

Таким образом, в период между мировыми войнами доктрина толкования международных договоров претерпела значительные изменения – она охарактеризовалась переходом от господства естественно-правовых идей к позитивистскому подходу. Институционализация ППМП, ее практика толкования международных договоров, а также развитие доктрины международного права о толковании международных договоров послужили причиной признания значимости в толковании международных договоров не только текста, но и последующей практики применения международного договора в качестве одного из средств толкования, указывающего на понимание сторонами объекта и целей международного договора.

1.3. Современные доктринальные подходы к толкованию международных договоров

Современный этап развития международного права в целом и толкования международных договоров в частности отсчитывается от создания Организации Объединенных Наций (далее – ООН).

В 1949 году Генеральный секретарь ООН Трюгве Ли предложил КМП ООН включить право международных договоров в свою повестку дня по кодификации и прогрессивному развитию международного права. Он использовал иллюстративный образ, чтобы описать сферу толкования международных договоров в том виде, в каком она существовала в середине прошлого века, – для него это было «поле, заросшее сорняками технических правил, которые можно использовать – и часто используются – в поддержку

⁵¹ Ibid. P. 966.

противоположных утверждений».⁵² Для разработки проекта конвенции о праве международных договоров были сделаны 17 докладов четырьмя специальными докладчиками – Джеймсом Брайерли, Хершем Лаутерпахтом, Джеральдом Фицморисом и Хамфри Уолдоком⁵³.

Специальный докладчик Дж. Брайерли объяснял, что цель толкования международных договоров состоит в том, чтобы «осуществить намерение сторон настолько полно и справедливо, насколько это возможно»⁵⁴.

Херш Лаутерпахт, британский правовед, в своей известной статье «Ограничительное толкование и принцип эффективности при толковании международных договоров» («Restrictive Interpretation and the Principle of Effectiveness in the Interpretation of Treaties») выступает против так называемого ограничительного толкования международных договоров, которое характеризуется крайним уважением к суверенитету государств, при этом правило заключается в том, что государство намерено быть связанным наименьшим количеством обязательств. Х. Лаутерпахт считал ограничительный подход несовместимым с принципом эффективности толкования, который подчеркивает целостность договора и основан на придании эффективного содержания всем его положениям.

Исследование Х. Лаутерпахта о праве международных договоров и их толковании стало основой резолюции Института международного права о толковании международных договоров (еще одна попытка кодификации права международных договоров), хотя в ней и не были приняты все взгляды Х. Лаутерпахта по этому вопросу.

⁵² Survey of International Law in Relation to the Work of Codification of the International Law Commission: Preparatory Work within the Purview of Art. 18, Para. 1, of the Statute of the International Law Commission – Memorandum Submitted by the Secretary-General. UN Doc. A/CN.4/1/Rev.1. 1949. P. 52, para. 91. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_1_rev1.pdf (дата обращения: 21.12.2023).

⁵³ См.: Все доклады КМП ООН по этому вопросу с дополнениями. URL: <https://digitallibrary.un.org/search?f1=series&as=1&sf=title&sso=a&rm=&m1=p&p1=Report%20on%20the%20Law%20of%20Treaties&ln=ru> (дата обращения: 21.12.2023).

⁵⁴ Brierly J. L. The Law of Nations: An Introduction to the International Law of Peace / by J. L. Brierly. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 1949. P. 168.

Резолюция принимает текстуальный подход за основу. Однако в случае спорного толкования в ней также приводится краткий перечень других средств толкования, которые могут быть использованы международным судом или трибуналом, включая, среди прочего, подготовительные документы и последующую практику применения международного договора. Ограничительное толкование не нашло своего отражения также и в Венских правилах толкования международных договоров⁵⁵.

Дж. Фицморис, судья Международного Суда ООН (далее – МС ООН, Суд), указывал, что анализ судебной практики МС ООН или любого трибунала по толкованию международных договоров может быть должным образом оценен только в контексте различных существующих теорий толкования⁵⁶. Он систематизировал и представил три доктринальных подхода к толкованию международных договоров: текстуальный подход, подход, основанный на намерениях договаривающихся сторон, и телеологический подход. Также он сформулировал 6 принципов толкования международных договоров:

- принцип действительности – международный договор следует толковать в первую очередь в его нынешнем виде и на основе его текста;
- принцип обычного значения – словам и фразам международного договора должно придаваться их естественное значение в том контексте, в котором они употребляются. Это значение может быть изменено только при наличии прямых доказательств того, что используемые термины следует понимать в ином смысле, или они приводят к абсурдному результату толкования;

⁵⁵ Термин «Венские правила толкования» широко используется в отечественной и зарубежной доктрине международного права и подразумевает статьи 31–33 Венской конвенции.

⁵⁶ Fitzmaurice G. The Law and Procedure of the International Court of Justice 1951–54: Treaty Interpretation and Other Treaty Points // The British Yearbook of International Law. London, New York, Toronto: Oxford University Press, 1957. Vol. 33. P. 203–204. URL: <https://archive.org/details/britishyearbook0033unse/page/202/mode/2up> (дата обращения: 21.12.2023).

- принцип интеграции – международный договор должен толковаться как единое целое, а отдельные части, главы или разделы – так же как единое целое;
- принцип эффективности – международный договор должен толковаться в соответствии с его объектом и целями, а конкретные положения должны толковаться таким образом, чтобы придать им наиболее полное действие;
- принцип последующей практики – при толковании международного договора допускается обращение к последующей практике применения сторонами международного договора, поскольку она дает наиболее надежные доказательства того, каково его правильное толкование, отражающееся в процессе реализации условий международного договора⁵⁷;
- принцип современности – термины должны толковаться в соответствии со значением, которое им придавалось в период, когда заключался международный договор⁵⁸.

Х. Уолдок позднее в своем третьем докладе КМП ООН рассматривал этот вопрос в контексте того, что учёные расходятся в своем подходе к толкованию международных договоров в зависимости от относительного «веса», который они готовы придать тексту международного договора, намерениям сторон, объекту и целям международного договора в процессе его толкования.

КМП ООН исходила из того, что попытка кодифицировать условия применения тех принципов толкования, использование которых в любом конкретном случае зависит от конкретного контекста и субъективной оценки различных обстоятельств, была бы явно нецелесообразной. Соответственно, она ограничилась выделением и кодификацией сравнительно небольшого

⁵⁷ В тех случаях, когда практика привела к изменению значения международного договора путем пересмотра его условий, допустимо принимать это изменение в качестве внесения поправок, но не в качестве толкования его первоначальных условий.

⁵⁸ Fitzmaurice G. Op. cit. P. 212.

числа общих принципов, которые, по ее мнению, представляет собой общее правило толкования международных договоров⁵⁹.

Ключевую роль намерений сторон получило признание при разработке проекта Венской конвенции⁶⁰. КМП ООН также подтвердила, что толкование «должно быть направлено на выявление намерений сторон»⁶¹. Кроме того, КМП ООН пояснила, что текст является подлинным выражением намерений сторон. Другими словами, толкование в соответствии с Венскими правилами направлено на приведение в исполнение намерения сторон, то есть, их намерения, выраженные в словах, используемых ими в свете определенных обстоятельств⁶².

В предложениях Х. Уолдока по толкованию международных договоров также использовалось понятие аутентичного (средства) толкования в двух контекстах.

С одной стороны, Х. Уолдок использовал его в более широком смысле, чтобы сопоставить все основные (аутентичные) средства толкования с дополнительными. В этой связи он пояснил, что подготовительные материалы не являются аутентичным средством толкования, поскольку они «являются просто доказательствами, которые следует сопоставлять с любыми другими соответствующими доказательствами намерений сторон, и их убедительность зависит от степени, в которой они предоставляют доказательства общего понимания сторон относительно значения, придаваемого условиям

⁵⁹ Reports of the International Law Commission on the second part of its seventeenth session and on its eighteenth session // Yearbook of the International Law Commission. UN Doc. A/CN.4/SER.A/1966/Add.1. 1966. Vol. II. P. 217–218. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1966_v2.pdf (дата обращения: 21.12.2023).

⁶⁰ Намерение сторон признавали специальные докладчики Дж. Брайерли, Х. Лаутерпахт, Х. Уолдок, Председатель КМП ООН Р. Аго, члены КМП ООН Ш. Розенн, Э. Арчага. См.: Yearbook of the International Law Commission. UN Doc. A/CN.4/SER.A/1964. 1964. Vol. I. P. 36. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1964_v1.pdf (дата обращения: 21.12.2024).

⁶¹ Последующие соглашения и последующая практика в отношении толкования договоров // Ежегодник Комиссии международного права: Доклад Комиссии международного права о работе ее шестидесяти пятой сессии. 2013. Том II, ч. II, глава IV. С. 27. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2013/russian/chp4.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).

⁶² McNair A.D. The Law of Treaties. Oxford: Clarendon press, 1961. P. 365.

договора»⁶³. КМП ООН позже подтвердила, что «различие, проведенное в статьях 27 и 28 (ныне статьи 31 и 32 ВКПМД) между аутентичными и дополнительными средствами толкования является оправданным и желательным»⁶⁴.

С другой стороны, Х. Уолдок использовал понятие аутентичного средства толкования в более узком смысле для описания интерпретационной ценности и обоснования последующих соглашений и последующей практики применения международных договоров. В первом проекте Х. Уолдока не придавалось равного значения последующей практике применения международных договоров и последующим соглашениям о толковании⁶⁵.

Классифицируя последнее как часть контекста, он сослался на последующую практику применения международных договоров как одно из «других средств толкования». Эти «другие средства толкования» соответствуют тому, что позже стало дополнительными средствами толкования в соответствии со статьей 32 ВКПМД. Несмотря на её меньшую интерпретационную ценность, Х. Уолдок утверждал, что последующая практика применения международного договора, «когда она последовательна и охватывает все стороны, по-видимому, будет иметь решающее значение для смысла, который следует придавать договору, во всяком случае, когда это указывает на то, что стороны считают толкование обязательным для них. В этих случаях последующая практика как элемент толкования международного договора и как элемент формирования молчаливого соглашения накладываются друг на друга, и значение, вытекающее из практики,

⁶³ Yearbook of the International Law Commission: Documents of the sixteenth session including the report of the Commission to the General Assembly. UN Doc. A/CN.4/SER.A/1964/ADD.1. 1964. Vol. II. P. 58. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1964_v2.pdf (дата обращения: 21.12.2023).

⁶⁴ Draft Articles on the Law of Treaties with commentaries // Yearbook of the International Law Commission. UN Doc. A/CN.4/SER. A/1966/Add. 1. 1966. Vol. II. P. 220. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_1_1966.pdf (дата обращения: 21.12.2023).

⁶⁵ Third Report on the law of treaties by Sir Humphrey Waldock, Special Rapporteur // Yearbook of the International Law Commission. UN Doc. A/CN.4/167 and Add.1-3. 1964. Vol. II. P. 52. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_167.pdf (дата обращения: 21.12.2023).

становится аутентичным толкованием, установленным соглашением. Более того, если толкование, принятое сторонами, расходится, как это иногда случается с обычным значением терминов, может произойти размывание границы между толкованием и внесением изменений в международный договор в результате последующей практики»⁶⁶.

Здесь может создаваться впечатление, что последующая практика применения международных договоров была подкатегорией аутентичного толкования наряду с соглашениями о толковании. Но в ходе обсуждений в КМП ООН Х. Уолдок это исправил. В частности, он охарактеризовал последующую практику применения международных договоров как «свидетельство своего рода аутентичного толкования» и заявил, что «упомянутая последующая практика применения была согласованной практикой всех участников договора, которая ясно указывала на их аутентичное толкование договора»⁶⁷.

КМП ООН в итоге внесла поправки в первый проект Х. Уолдока таким образом, что последующие соглашения о толковании и последующая практика применения международных договоров были поставлены в равное положение и оба представляли собой основные (аутентичные) средства толкования. В связи с этим Х. Уолдок и КМП ООН последовательно ссылались на последующие соглашения о толковании и последующую практику применения международных договоров в равной степени как на аутентичные средства толкования⁶⁸.

В отношении последствий этих аутентичных средств толкования трудно определить четкую позицию по этому вопросу в проектах Х. Уолдока и в докладах КМП ООН. Очевидно, следуя традиционному пониманию

⁶⁶ Ibid. P. 60.

⁶⁷ Yearbook of the International Law Commission: Summary records of the sixteenth session. UN Doc. A/CN.4/SER.A/1964. 1964. Vol. I. P. 282. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1964_v1.pdf (дата обращения: 21.12.2023).

⁶⁸ Sixth Report on the law of treaties by Sir Humphrey Waldock, Special Rapporteur // Yearbook of the International Law Commission. UN Doc. A/CN.4/186 and Add.1, 2/Rev.1. 1966. Vol. II. P. 98 URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_186.pdf (дата обращения: 21.12.2023).

аутентичного толкования, они утверждали, что «соглашение относительно толкования положения, достигнутое после заключения международного договора, представляет собой аутентичное толкование сторонами, которое должно быть включено в международный договор для целей его толкования»⁶⁹. Кроме того, они также ссылались на последующую практику применения международных договоров как на авторитетное свидетельство толкования международного договора и утверждали, что такая практика является решающей для значения, которое следует придавать договору⁷⁰. Эти заявления подтверждают вывод о том, что как последующие соглашения, так и последующая практика применения международных договоров могут иметь обязательную юридическую силу, если стороны пришли к общему соглашению относительно толкования международного договора.

Так, толкование международных договоров связано с определением значения его содержания и пределов действия его положений, которые стороны намеревались установить в своих международных отношениях. Процесс толкования в соответствии с Венской конвенцией направлен на установление намерения сторон⁷¹.

Венская конвенция успешно устранила большую часть технических правил, предложив набор кратких и юридически обязательных правил толкования международных договоров. Конвенция включает, среди прочего, три статьи о толковании договоров, все они составлены с целью кодификации обычных норм международного права.

Статьи 31-33 ВКПМД прямо не упоминают намерения сторон. Однако в комментарии, сопровождающем проекты статей КМП ООН о праве международных договоров, разъясняется, что эти правила были разработаны

⁶⁹ Draft Articles on the Law of Treaties with commentaries // Yearbook of the International Law Commission. UN Doc. A/CN.4/SER. A/1966/Add. 1. 1966. Vol. II. P. 221. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_1_1966.pdf (дата обращения: 21.12.2023).

⁷⁰ Ibid. P. 236.

⁷¹ Ibid. P. 218.

для оценки «содержания, которое стороны, возможно, намеревались придать выражениям, использованным в документе»⁷².

Что касается отечественной доктрины толкования международных договоров, то она получила свое развитие с конца 50-х годов XX века.

В 1959 году были опубликованы работы И.С. Перетерского «Толкование международных договоров» и В. М. Шуршалова «Основные вопросы теории международного договора».

Согласно И.С. Перетерскому цель толкования международного состоит в том, чтобы «уяснить смысл данного договора, то есть совместное намерение контрагентов, ту цель, которую они преследовали заключением договора»⁷³. По его мнению, существуют 4 вида толкования: толкование, производимое органами одного из государств, заключивших договор; толкование, производимое контрагентами по договору, по их соглашению; толкование, производимое особыми органами, уполномоченными на то сторонами, заключившими договор; неофициальное толкование⁷⁴. Исследуя правила толкования международных договоров, И.С. Перетерский отмечал, что они не являются нормами международного права и не составляют предмет международно-правового регулирования⁷⁵.

Не претендуя на полноту своего определения, В.М. Шуршалов утверждал, что «толкование международных договоров есть установление их подлинного смысла и содержания специально уполномоченными на то органами и должностными лицами с целью наиболее полной и точной реализации условий договора»⁷⁶. Определение В. М. Шуршалова примечательно тем, что оно фокусируется на субъектах, осуществляющих толкование, т.е. автор даёт определение официальному виду толкования. В.М.

⁷² Ibid.

⁷³ Перетерский И.С. Толкование международных договоров / Отв. ред. С. Б. Крылов и Г. И. Тункин. – Москва: Госюриздат, 1959. С.11.

⁷⁴ Там же. С. 37.

⁷⁵ Там же. С. 73.

⁷⁶ Шуршалов В.М. Основные вопросы теории международного договора / Шуршалов В.М.; Отв. ред.: Евгеньев В. В. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 373.

Шуршалов поддерживает школу намерений, отмечая, что «вред толкования, основывающегося на нормативном содержании толкуемого документа, состоит именно в том, что оно может увести в сторону от действительных намерений договаривающихся сторон и тем самым привести к искаженному применению договора, которое окажется в противоречии с теми правовыми последствиями, для достижения которых был предназначен международный договор подписавшими его сторонами»⁷⁷. Он также сформулировал 9 принципов и 9 приемов толкования международных договоров. Кроме того, исследуя субъекты толкования международных договоров, он писал: «Толкование международных договоров [договаривающимися государствами] может осуществляться: а) по взаимному согласию сторон и тогда оно является общеобязательным толкованием, б) отдельно каждой из сторон, в частности их государственными органами, включая национальные суды. Во втором случае толкование, если оно не принято другой стороной, связывает только одно государство, которое несет полную ответственность за последствия подобного толкования международного договора»⁷⁸.

А.Н. Талалаев, советский и российский ученый-юрист и специалист в сфере права международных договоров, в своих работах также занимался проблематикой толкования международных договоров. Одно из главных положений А. Н. Талалаева заключается в том, что толкование международных договоров должно осуществляться исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, а также с учетом особенностей и контекста каждого конкретного договора. Он выделил несколько основных видов толкования (внутригосударственное, толковательные декларации, аутентичное, международное, неофициальное) и способы толкования, которые следует применять при анализе международных договоров. Во-первых, это грамматическое толкование, которое предполагает разбор текста договора с учетом его языковой структуры и лексических

⁷⁷ Там же. С. 375.

⁷⁸ Там же. С. 459–460.

значений слов и выражений. Во-вторых, это логическое толкование, которое заключается в анализе положений договора в общей связи. В-третьих, это систематическое толкование на основании сопоставления его с другими, связанными с ним договорами. В-четвертых, историческое толкование путем изучения исторической обстановки, обстоятельств заключения договора и взаимоотношений сторон во время его заключения, то есть тех целей, которые они совместно преследовали, заключая договор. Наконец, обычное толкование, которое определяется действиями сторон, которые свидетельствуют о их понимании содержания международного договора. Это еще называется практическим толкованием и основано на практике применения договора. При этом практика применения может быть односторонней или коллективной, что влияет на ее значимость. Если все стороны применяют международный договор одинаково, этот факт может рассматриваться как молчаливое соглашение о толковании договора. Важно использовать только практику применения конкретного договора для обычного толкования, а если привлечена практика применения других международных договоров, то это уже является не обычным, а систематическим толкованием⁷⁹.

И. И. Лукашук определяет толкование международного договора как «выяснение содержания его объекта и целей, а также иных постановлений с учетом результатов их применения в конкретной ситуации»⁸⁰. Анализируя средства толкования согласно Венской конвенции, И. И. Лукашук приходит к выводу, что наряду с контекстом основными средствами толкования выступают «последующие соглашения и последующая практика применения договора, устанавливающая соглашение участников относительно толкования»⁸¹. Особое место в его работе занимает определение правового

⁷⁹ Талалаев А. Н. Право международных договоров: действие и применение договоров. Договоры с участием международных организаций. Том 2: монография / А. Н. Талалаев; отв. ред. Л. Н. Шестаков. Москва: Издательство «Зерцало», 2011. С. 77–96.

⁸⁰ Лукашук И.И. Указ. соч. С. 610.

⁸¹ Лукашук И.И. Указ. соч. С. 616.

статуса односторонних заявлений о толковании. Также И. И. Лукашук проводит детальный обзор существующих принципов и правил толкования международных договоров. Среди них: принцип эффективности, принцип правомерности, принцип единства толкования, принцип уважения прав субъектов, принцип справедливости. К правилам толкования И. И. Лукашук относит обычное значение терминов с учетом контекста и правило специальной нормы (приоритет специальной нормы перед общими). Способы толкования И. И. Лукашук подразделяет на специально-юридическое, грамматическое, логическое, историческое, политическое, телеологическое, систематическое, буквальное, распространительное, ограничительное, нормативное, казуальное, нормативно-рекомендательное.

Так, исследование И. И. Лукашука о праве международных договоров в двух томах стало одним из первых фундаментальных работ по данному вопросу в отечественной науке XXI века. Учитывая малочисленность российских исследований в области толкования международных договоров, И. И. Лукашук осуществил ценный вклад в развитие отечественной доктрины международных договоров.

С развитием интеграционных процессов в конце XX века фокус ученых международного права сместился с вопросов толкования международных договоров на интеграционное право. Тем не менее, как в отечественной, так и в зарубежной науке международного права проводились исследования, внесшие значительный вклад в развитие концепции толкования международных договоров.

А.И. Ковлер, профессор, российский ученый-правовед и судья Европейского суда по правам человека в отставке, посвятил значительную часть своей научной деятельности изучению вопросов интерпретации Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ). В его монографии «Европейская конвенция по правам человека: проблемы толкования и реализации» (2019) внимание сосредоточено не на теоретико-методологических аспектах интерпретации, а на детальном практическом

анализе её отдельных положений. Этот анализ проводится на базе обширной судебной практики Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Особый акцент автор делает на исследовании вопросов, связанных с толкованием так называемых «новых прав», которые вытекают из расширительного подхода к защите прав человека. В заключительной главе работы поднимается тема реализации ЕКПЧ, которая рассматривается в рамках правовой теории и практических аспектов исполнения Российской Федерацией постановлений ЕСПЧ, демонстрируя комплексный характер взаимодействия международных правовых механизмов и национального законодательства⁸².

Профессор А. Я. Капустин, российский учёный в сфере международного права, последние несколько лет уделяет особое внимание актуальным вопросам толкования международных договоров. Одним из наиболее значимых результатов его деятельности стало издание в 2022 году под его редакцией коллективной монографии «Современная концепция толкования международных договоров»⁸³. В данном труде освещаются ключевые аспекты и современные подходы к толкованию международных договорных норм, как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Монография охватывает широкий круг вопросов, включая анализ исторического процесса формирования концепции толкования международных договоров. Детально исследуются как теоретические основы понятия толкования, так и его практическое применение. Особое внимание уделяется анализу норм Венской конвенции: авторский коллектив рассматривает, как общие нормы толкования, изложенные в Венской конвенции, адаптируются к изменяющимся условиям современного международного права.

⁸² См.: Европейская Конвенция: проблемы толкования и имплементации: монография / А. И. Ковлер. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма : ИНФРА-М, 2019. 400 с.

⁸³ См.: Современная концепция толкования международных договоров: монография / под ред. А. Я. Капустина. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма : ИНФРА-М, 2022. 432 с.

Существенным вкладом работы является изучение особенностей толкования договоров в контексте деятельности международных организаций и интеграционных объединений. В частности, монография раскрывает специфику интерпретационных подходов, используемых такими судебными органами, как ЕСПЧ, Международный уголовный суд и Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС). Особый акцент сделан на эволютивном толковании, широкое применение которого наблюдается в практике ЕСПЧ. Этот подход основывается на учёте динамичных изменений в международной практике и предполагает адаптацию договорных обязательств к новым вызовам. Помимо этого, в монографии представлены выводы, посвящённые специфике толкования международных инвестиционных соглашений, а также вопросам толкования норм в рамках решений международных коммерческих арбитражей. Отдельная глава посвящена сравнительному анализу различных подходов к интерпретации договоров, основанному на исследовании судебной и арбитражной практики. Авторы подчёркивают, насколько важную роль играет контекстуальное и системное толкование в обеспечении эффективной реализации международных договоров, что особенно актуально в условиях глобальных интеграционных процессов. Таким образом, работа не только предлагает глубокий теоретический анализ, но и раскрывает практическую значимость правильного применения норм международного права.

Кроме того, в научной статье «Международное судебное толкование международных договоров: современные тренды» А. Я. Капустин определяет международное судебное толкование международного договора как самостоятельный вид интерпретационной деятельности⁸⁴. Заслуживают внимания тезисы автора о том, что Венские правила пока не обрели широкое

⁸⁴ Капустин А. Я. Международное судебное толкование международного договора: современные тренды // Журнал российского права. 2021. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-sudebnoe-tolkovanie-mezhdunarodnogo-dogovora-sovremennye-trendy> (дата обращения 21.12.2023).

признание как обычные нормы международного права на основе практики Содружества Независимых Государств, Евразийского Экономического Союза (далее – ЕАЭС, Союз), и их членов, включая договорную практику Российской Федерации. Профессор А. Я. Капустин считает, что практика МС ООН и Европейского Союза (далее – ЕС), а также их государств-членов, указывает на развитие Венских правил в сторону формирования универсального стандарта интерпретации международного договора.

В монографии «Толкование и применение правил Всемирной торговой организации» А.С. Смбатян исследует институциональную и нормативную систему Всемирной торговой организации (далее – ВТО), юридическую природу обязательств членов этой международной организации, толкование правил ВТО, принципы разрешения нормативных конфликтов, причины возникновения и особенности урегулирования международных торговых споров. Следует согласиться с автором: «международные договоры не существуют в вакууме. Они являются частью правовой и социальной действительности, взаимодействуют с иными правовыми источниками, испытывают на себе влияние последующего поведения и соглашений сторон, функционируют в широкой палитре международных отношений»⁸⁵.

Профессор Т. Н. Нешатаева уделяет значительное внимание толкованию международных договоров, в особенности толкованию международно-правовых актов органами международного правосудия. Она отмечает, что «в настоящее время основной функцией международных судов является не функция арбитра по разрешению спора, но функция толкователя с целью создания единообразного правоприменения, единых стандартов для всех акторов международного правоотношения. Суд, избежавший политизации и функционально толкующий нормы международного права, способен создать позицию, влияющую на правовое регулирование в конкретном

⁸⁵ Смбатян А. С. Толкование и применение правил Всемирной торговой организации: монография / А.С. Смбатян. – М.: ИНФРА-М, 2018. С.112. URL: <https://znanium.com/catalog/product/965320> (дата обращения 21.12.2023).

интеграционном объединении. Суд не создает конкретную правовую норму, но формулирует правило (позицию), которое в будущем через прецедентную практику становится обычной нормой, в том числе и когентной, императивной, или через регулирующую практику, прогрессивно развиваясь, оформляется в статутную норму»⁸⁶.

В современной зарубежной доктрине толкования международных договоров выделяются исследования учёных Р. Гардинера, У. Линдерфалька, П. Меркуриса, Г. Нольте, М. Фицморис.

Р. Гардинер отмечает, что его работа «Treaty interpretation» не о теории – «речь идет о практическом применении Венских правил»⁸⁷. Однако автор также анализирует теоретические и исторические предпосылки некоторых положений Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года и дает широкое представление различных точек зрения, включая обширный обзор докладов КМП ООН во время разработки Венской конвенции. Как объясняет Р. Гардинер, Венские правила инструктируют толкователей, какие элементы должны быть приняты во внимание (текст, преамбула, приложения, соответствующие соглашения, подготовительные материалы и т. д.) и, в определенной степени, как обращаться с этими материалами⁸⁸. Автор замечает, что определенные исторические особенности толкования международных договоров мало чем отличаются от современных и «передаются современности благодаря работам Гроция и других и составляют эффективную основу современного международного права»⁸⁹. Более того, он подробно анализирует приемы толкования, предложенные Г. Гроцием, С. Пуфендорфом и Э. де Ваттелем. Р. Гардинер также

⁸⁶ Нешатаева Т. Н. Слышать жизнь: действие актов международного суда в национальных правовых системах // Международное правосудие. 2018. №1 (25). С. 53–66. URL: <https://academia.ilpp.ru/catalog/mp/mp-1-25-2018/slyshat-zhizn-dejstvie-aktov-mezhdunarodnogo-suda-v-natsionalnyh-pravovyh-sistemah/> (дата обращения 21.12.2023).

⁸⁷ Gardiner R. K. Treaty Interpretation / Richard K. Gardiner. Second edition. – Oxford University Press, 2015. P.8.

⁸⁸ Ibid. P.9.

⁸⁹ Ibid. P.54.

комментирует Гарвардский проект конвенции о праве международных договоров 1935 года. Анализ комментария к пункту «а» статьи 19 Гарвардского проекта конвенции приводит Р. Гардинера к выводу, что подход, на котором основан Гарвардский проект, практически идентичен подходу КМП ООН⁹⁰. Автор признаёт, что каждый случай толкования договора требует определённой гибкости, поскольку универсальные правила, изложенные в Венской конвенции, должны быть применены с учётом специфики конкретного случая. Это особенно важно, когда речь идёт о многосторонних договорах, затрагивающих интересы множества сторон с различными правовыми традициями и политическими подходами⁹¹. Р. Гардинер подчёркивает значимость органов международного правосудия, включая Международный Суд ООН, ЕСПЧ⁹² и другие органы, в создании интерпретационной практики. Решения таких судебных органов становятся своего рода ориентиром для последующих случаев толкования схожих договорных норм.

Работа У. Линдерфалька «On the interpretation of treaties» представляет собой исследование юридической природы правил толкования, содержащихся в статьях 31-33 ВКПМД. Автор приходит к выводу, что Венская конвенция не только предоставляет информацию о средствах толкования, которые должны использоваться при толковании того или иного положения договора. Венская также инструктирует толкователя о том, какое значение должны иметь различные средства толкования в процессе толкования. Следовательно, статьи 31-33 ВКПМД описываются как система правил. В данной работе исследуется содержание и структура этой системы. У. Линдерфальк создает модель, дающую представление о концепции правил толкования. Опираясь на эту модель, автор затем переходит к реконструкции содержания различных

⁹⁰ Ibid. P.63.

⁹¹ Ibid. P.203.

⁹² С 2022 года Российская Федерация денонсировала ЕКПЧ и перестала признавать юрисдикцию ЕСПЧ.

правил толкования и дает характеристику каждому из них. Одним из ключевых выводов работы является анализ значения последующей практики применения международного договора его участниками. У. Линдерфальк подчеркивает, что последующая практика применения международного договора играет критическую роль в уточнении смысла спорных положений, выступая в качестве дополнения к основным средствам толкования⁹³.

Примечательной является идея П. Меркуриса о «движении» международных договоров и договорного права в контексте изменений в «объектном состоянии» рассматриваемых норм. Согласно его представлению, динамика этих правовых инструментов проявляется как в пространственном, так и в временном измерении. Наиболее ярко данное понятие, по мнению исследователя, проявляется в процессах толкования международных договоров. П. Меркурис уделяет особое внимание влиянию времени на сущность договорных прав и обязательств, а также анализирует наличие или отсутствие норм, регулирующих процессы данного «движения» (или эволюции) международных договоров. В рамках своей теории автор рассматривает динамику договоров через два ключевых аспекта. Первый касается того, изменяется ли содержание международного договора с течением времени, а именно речь идёт о различии между статичным подходом к толкованию договора и эволютивным подходом, в рамках которого договор трактуется в соответствии с новыми реалиями. Второй аспект касается самих правил толкования: автор задаётся вопросом, остаются ли правила толкования неизменными элементами права международных договоров или они, как и другие нормы, могут подвергаться изменениям под влиянием временных и политико-правовых факторов. Таким образом, П. Меркурис подчеркивает, что динамика международного договорного права неизбежно связана с взаимодействием неизменного текста договора и изменчивого социально-

⁹³ Linderfalk U. On the interpretation of treaties: the modern international law as expressed in the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. Springer. 2007. 437 p. URL: <https://www.corteidh.or.cr/tablas/r32592.pdf> (дата обращения 21.12.2023).

правового контекста. Анализируя эти вопросы, он изучает, как международное право может адаптироваться к новым вызовам, одновременно сохраняя предсказуемость и стабильность интерпретационных механизмов⁹⁴.

Г. Нольте, специальный докладчик КМП ООН, ныне судья МС ООН, фокусируется на последующей практике применения международных договоров как средстве их толкования. В работе «*Treaties and Subsequent Practice*» исследуется роль и актуальность последующей практики применения международного договора в процессе динамичного толкования международных договоров. В ней приводится всестороннее рассмотрение этой темы выдающимися учеными материалов, в которых основное внимание уделяется практическим случаям, исследуются теоретические основы толкования международных договоров. Концепция последующей практики применения международного договора раскрывается в более общем контексте договорного права и международного права. Автор рассматривает вопросы о том, какую роль играет последующая практика применения международного договора в толковании договорных норм международного права и может ли она использоваться в качестве частичной замены официальных поправок к международным договорам⁹⁵.

В 2018 году КМП ООН представила Генеральной Ассамблее ООН доклад, в который был включен проект выводов о последующих соглашениях и последующей практике в связи с толкованием международных договоров вместе с комментариями к ним⁹⁶. Основной целью представленных выводов являлось прояснение роли последующей практики применения

⁹⁴ Fitzmaurice M, Merkouris P. Treaty Interpretation and Its Rules: Of Motion through Time, “Time-Will”, and “Time-Bubbles”// *Treaties in Motion: The Evolution of Treaties from Formation to Termination*. Cambridge Studies in International and Comparative Law. Cambridge University Press, 2020. P. 121-181.

⁹⁵ Nolte G. (ed.). *Treaties and Subsequent Practice*. Online Edition. Oxford Academic, 2013. URL: <https://doi.org/10.1093/law/9780199679195.001.0001> (дата обращения 21.12.2023).

⁹⁶ Draft conclusions on subsequent agreements and subsequent practice in relation to the interpretation of treaties, with commentaries. UN Doc. A/73/10. 2018. 116 p. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_11_2018.pdf (дата обращения 21.12.2023).

международных договоров и последующих соглашений в процессе толкования международных договоров, а также уточнение принципов их использования в качестве аутентичных средств толкования. Кроме того, проекты выводов указывают, что последующие соглашения и последующая практика применения международных договоров могут быть использованы как дополнительные средства толкования в соответствии со статьями 31-32 Венской конвенции. Тем не менее, важно отметить, что данные проекты не охватывают все возможные обстоятельства, при которых последующая практика применения международных договоров или последующие соглашения могут быть использованы в процессе толкования, в том числе судебного.

Итак, исследование современных доктринальных подходов к толкованию международных договоров позволяет определить ключевые характеристики концепции последующей практики применения международных договоров как средства толкования. Эта концепция основывается на систематизации интерпретационной деятельности различных ОМП, выявлении тенденций к формированию универсального стандарта толкования международных договоров, а также на анализе специфики толкования международных договоров в контексте интеграционных процессов. Динамика толкования международных договоров проявляется в пространственном и временном измерениях, что обуславливает необходимость учета изменений в межгосударственных отношениях и развитии международно-правовых норм.

В современной доктрине международного права представляется возможным выделить три основных подхода к толкованию международных договоров. Первый — текстуальный метод, основанный на анализе буквального значения терминов, используемых в международном договоре в соответствии с их обычным значением. Этот подход ориентирован на объективное восприятие содержания договора без учета внешних факторов. Второй — телеологический, сосредоточенный на выяснении объекта и целей

международного договора, что позволяет толковать его положения с учетом намерений сторон. Третий — интегративный подход, предусматривающий комплексное использование различных средств толкования, закрепленных в статьях 31–33 Венской конвенции. Данный подход сочетает текстуальный анализ, учет контекста заключения международного договора и последующую практику применения его сторонами, обеспечивая более комплексное понимание положений международного договора.

ГЛАВА 2. ТОЛКОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ ОРГАНАМИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ

2.1. Органы международного правосудия: понятие и институциональные особенности

Мирное разрешение международных споров является одним из основополагающих принципов международного права и важным инструментом обеспечения международного мира и безопасности. Этот принцип направлен на сохранение мира, поддержание международной стабильности и предотвращение эскалации конфликтов «путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору»⁹⁷. Органы международного правосудия играют важную роль в реализации этого принципа, выступая как гарант поддержания международного правопорядка и обеспечения верховенства права в отношениях между государствами, а также способствуя прогрессивному развитию международного права. Л.А. Камаровский отмечал, что «идея международного суда с течением веков отделилась от другой гораздо более древней и более широкой идеи мира. Призванная служить ей, она, однако, существенно отличается от нее своим юридическим основанием и практическими выводами. Ее никак нельзя считать только одним из

⁹⁷ Статья 33 Устава Организации Объединённых Наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 27.01.2024).

видоизменений проектов вечного мира, хотя весьма многие писатели впадают в эту немаловажную ошибку. В этих проектах она берет свое начало, но по своей внутренней природе, в силу присущего ей юридического принципа и по всему своему дальнейшему направлению она принимает самостоятельный характер. Не мир сам по себе или во что бы то ни стало, но мир, юридически организованный и обеспеченный, – ее идеал. Только по своей конечной цели, как и в начале, обе эти идеи, можно допустить, призваны слиться в одну – высшего и гармоничного порядка человеческой жизни на всех ее ступенях, – но это не лишает идею международного суда ее самостоятельности»⁹⁸.

В научной литературе понятия «органы международного правосудия», «органы по разрешению международных споров», «международные судебные учреждения», «международные суды и трибуналы» зачастую используются как тождественные.

Действительно, В. В. Матвеев отмечает, что «что в рамках международной правовой доктрины не существует универсального и однозначного подхода к определению конкретной сущности международных судебных учреждений»⁹⁹. В монографии «Мирные средства разрешения споров между государствами» А.М. Ладыженский и И.П. Блищенко выделяют «органы, созданные с целью мирного урегулирования споров, решения которых обязательно должны выполняться обеими сторонами конфликта»¹⁰⁰. М. Л. Энтин ввел в отечественную науку международного права термин «международные судебные учреждения», который с тех пор является одним из самых распространённых в российской правовой доктрине¹⁰¹.

⁹⁸ Камаровский Л.А. О международном суде // Соч. Гр. Л. Камаровского. – Москва: тип. Т. Малинского, 1881. С. 287–288.

⁹⁹ Матвеев В.В. Международно-правовые механизмы защиты иностранных инвестиций: проблемы современной институционализации. Дис. соиск... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 120

¹⁰⁰ Ладыженский А. М., Блищенко И. П. Мирные средства разрешения споров между государствами. М., 1962. С. 97.

¹⁰¹ Энтин М. Л. Международные судебные учреждения: роль международных арбитражных и судебных органов в разрешении межгосударственных споров. М.: Междунар. отношения, 1984. С. 6.

По мнению И. И. Лукашука международный суд – «учреждение, существующее на постоянной основе, состоящее из независимых судей, призванное решать споры на основе международного права и принимать юридически обязательные решения»¹⁰². А.С. Смбатян в исследовании «Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права» использует термин «органы международного правосудия», который «включает в себя всю систему судебных, квазисудебных и арбитражных органов (суды, трибуналы, центры, палаты, арбитражи и др.), основной функцией которых является урегулирование международных споров»¹⁰³.

Профессор А. Я. Капустин считает, что «анализируя категорию «международный суд», очевидно, можно допустить обобщение и рассматривать его в качестве одной из разновидностей органов, осуществляющих функцию урегулирования социальных конфликтов (внутригосударственных судов, негосударственных органов по урегулированию споров, межгосударственных органов)»¹⁰⁴.

М. О. Хадсон подразделял эволюцию международных судов на 4 периода: 1794-1871 гг., 1872-1898 гг., 1899-1919 гг., 1920-1944 гг.¹⁰⁵ Каждый период ознаменовался выдающимися событиями: подписание англо-американского договора о дружбе, торговле и мореплавании 1794 г. (Договор Джея), третейский суд по делу «Алабамы» 1872 г., Гаагская мирная конференция 1899 г., принятие Статута ППМП 1920 г.¹⁰⁶ В.Л. Толстых выделяет 4 этапа развития истории международного правосудия: рубеж XVIII

¹⁰² Лукашук И.И. Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. - Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 270.

¹⁰³ Смбатян А.С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. – М.: Статут, 2012. С. 11.

¹⁰⁴ Судебные доктрины в российском праве: теория и практика : монография / П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев и др. ; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. – Москва: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 59–60.

¹⁰⁵ Хадсон, Менли О. Международные суды в прошлом и будущем / Менли О. Хадсон; Пер. с англ. Ф. Е. Богомольной; Под ред. проф. С. Б. Крылова; Предисл. проф. Н. Н. Полянского [с. 5-24]. – Москва: Гос. изд-во иностр. лит., 1947. С.31.

¹⁰⁶ Там же.

и XIX вв. - 1919 г.; 1919-1945 гг.; 1945 г. - начало 90-х гг. XX в.; 90-е гг. XX в. — настоящее время¹⁰⁷.

Как отмечалось выше, органы международного правосудия представляют собой неотъемлемые институты международного права, которые чаще всего исследуются с учетом их институциональных характеристик. Такой анализ охватывает их организационную структуру, юрисдикцию, функции. Институциональный анализ позволяет выяснить, как устроены судебные механизмы и что влияет на выбор определенных методов толкования и применения международно-правовых норм при разрешении международных споров. Несмотря на то, что в международном праве действует презумпция того, что существует единый подход к толкованию, который закреплен в Венской конвенции и является общим правилом для всех органов международного правосудия, они разрабатывают свою собственную герменевтику, связанную со многими из этих институциональных факторов – так, Орган по разрешению споров ВТО (далее – ОРС ВТО) стремится придерживаться текстов Соглашений ВТО¹⁰⁸, в то время как Суд ЕС может быть более телеологичным в стремлении достичь целей договоров ЕС, что по мнению некоторых ученых-юристов является одним из драйверов фрагментации международного права¹⁰⁹. В этой связи невозможно игнорировать специфику функционирования различных органов международного правосудия.

¹⁰⁷ Институты международного правосудия: учебное пособие / Ануфриева Л. П. и др.; под ред. В. Л. Толстых]. – Москва: Международные отношения, 2014. С. 102–116.

¹⁰⁸ Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации от 15.04.1994 г. и приложения к нему // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Консорциум «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902152?ysclid=m6tbwepif547167710> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁰⁹ Singh S. The Potential of International Law: Fragmentation and Ethics // Leiden Journal of International Law. 2011. Vol. 24, Iss. 1. P. 23–43. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1648556 (дата обращения: 27.01.2024); Report of the Study Group of the International Law Commission, finalized by Mr. Martti Koskeniemi // Fragmentation of international law: difficulties arising from the diversification and expansion of international law. UN Doc. A/CN.4/L.682 and Add.1. 2006. Para. 489. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_l682.pdf (дата обращения: 27.01.2024); Толстых В. Л. Международные суды и их практика: учебное пособие / В. Л. Толстых. – Москва: Международные отношения, 2015. С. 69.

А.Я. Капустин систематизирует международные суды по географическому критерию (универсальные (МС ООН, Международный трибунал по морскому праву, ОРС ВТО, административные трибуналы международных организаций и др.) и региональные (ЕСПЧ, Суд ЕАЭС, административные трибуналы региональных организаций и др.)); по компетенции (общей компетенции (МС ООН) и специальной компетенции (Международный трибунал по морскому праву, ОРС ВТО, ЕСПЧ, Суд ЕАЭС и др.))¹¹⁰. Третейские суды автор выделяет в отдельную группу.

В. Л. Толстых подразделяет международные суды на универсальные и региональные, общей и специальной компетенции, рассматривающие межгосударственные споры и споры с участием частных лиц, постоянные и временные¹¹¹.

А.С. Смбатян классифицирует органы международного правосудия:

- по субъектному составу участников: ОМП, правом доступа в которые наделены только государства; ОМП, в которые могут обращаться и частные лица;

- по юрисдикции *in personam*: в отношении государств (МС ООН, Международный трибунал по морскому праву, ОРС ВТО); в отношении государств и частных лиц (ЕСПЧ, Межамериканский суд по правам человека, Африканский суд по правам человека и народов, Суд ЕС, Международный центр по разрешению инвестиционных споров, Суд ЕАЭС, Суд Европейской ассоциации свободной торговли, арбитраж МЕРКОСУР); только в отношении частных лиц (все органы уголовной юстиции);

- по сфере деятельности: универсальные (МС ООН, арбитражи *ad hoc*); специализированные;

¹¹⁰ Правосудие в современном мире: монография / В. М. Лебедев, Т. Я. Хабриева, А. С. Автономов и др.; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Норма, 2017. С. 360.

¹¹¹ Толстых, В. Л. Международные суды и их практика: учебное пособие / В. Л. Толстых. – Москва: Международные отношения, 2015. С. 47.

- по периоду деятельности: постоянно действующие и временные (инвестиционные арбитражи и все органы международного уголовного правосудия, кроме Международного уголовного суда))¹¹².

Для целей настоящего исследования предлагается провести классификацию ОМП на основе четырех критериев: географический критерий, период деятельности, функциональное назначение, компетенция.

По географическому критерию ОМП подразделяются на универсальные (МС ООН, ОРС ВТО, Административные трибуналы международных организаций, арбитражи *ad hoc*, др.) и региональные (ЕСПЧ, Суд ЕАЭС, Суд ЕС, др.).

Период деятельности подразумевает деление ОМП на постоянные и временные. К постоянным можно отнести МС ООН, ЕСПЧ, Суд ЕАЭС и др., а к временным – арбитражи *ad hoc*, международные уголовные трибуналы *ad hoc*.

По функциональному назначению ОМП представляется возможным выделить международные суды (МС ООН, Суд ЕАЭС и др.), международные арбитражи (арбитражный трибунал между США и Ираном, временный апелляционный арбитраж в рамках ВТО, др.), органы международной уголовной юстиции (Международный уголовный суд, международные уголовные трибуналы *ad hoc*). Также в эту категорию необходимо включить в качестве отдельной группы различные международные квазисудебные органы¹¹³ (ОРС ВТО, Компенсационная комиссия ООН и др.).

Наконец, существуют ОМП с общей компетенцией (МС ООН) и со специальной компетенцией (ЕСПЧ, Суд ЕАЭС, ОРС ВТО, Международный уголовный суд и др.).

¹¹² Смбатян А. С. Органы международного правосудия: классификация в рамках общей системы / А. С. Смбатян // Право и политика. 2013. № 4. С. 541–547.

¹¹³ Шинкарецкая Г.Г. Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров. М., 2009. С. 77-78; Romano C. The Project on International Courts and Tribunals // The International Judiciary in Context. 2004. P. 1. URL: https://cesareromano.com/wp-content/uploads/2015/06/synoptic_chart2.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

Для достижения цели исследования используется термин «органы международного правосудия» т. е. международные судебные, квазисудебные, арбитражные учреждения, созданные на основе международных договоров или решений международных организаций, уполномоченные на основе международного права толковать международно-правовые нормы и разрешать споры между субъектами международного права, а также субъектами международного права и юридическими и физическими лицами.

Таким образом, ОМП представляют собой международные учреждения, призванные разрешать международные споры. Поскольку юрисдикция ОМП в отношении государств основывается на их согласии, возникает вопрос, почему государства соглашались передать межгосударственный спор на урегулирование третьей стороне. Б. Кингсбери сравнил такой выбор с координационной игрой, в которой стороны спора получают больше выгод от выполнения решения, вынесенного нейтральной третьей стороной в соответствии с международным правом, чем от продолжения спора¹¹⁴. Передача спора ОМП вместо двусторонних переговоров может объясняться политически обусловленным желанием избежать внутригосударственной критики со стороны избирателей, если компромисс оказывается для них менее выгодным, чем другие возможные решения. Например, в деле о делимитации морской границы в районе залива Мэн Сенат США не захотел нести политические издержки от одобрения границы с Канадой, согласованной исполнительной властью обоих государств, тогда как политическая элита США признала, что потери от отсутствия фиксированной границы с Канадой превышают возможные убытки от выполнения судебного решения¹¹⁵.

¹¹⁴ Kingsbury B. International Courts: Uneven Judicialization in Global Order // Cambridge companion to International Law. Public Law Research Paper № 11-05. NYU School of Law, 2011. P. 10-11. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1753015 (дата обращения: 27.01.2024).

¹¹⁵ Case concerning delimitation of the maritime boundary in the Gulf of Maine area (Canada/United States of America), Memorial of Canada, 27 September 1982, para. 325. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/67/13122.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

Впоследствии совершались попытки оценить стоимость неразрешенных территориальных споров¹¹⁶. Так, пограничные споры между Аргентиной и Чили в период с 1967 по 1994 годы привели к предполагаемому сокращению торговли на сумму около 9 млрд долларов США, в то время как ожидаемый объем торговли мог составить 900 млн долларов США. Тем не менее, передавая спор на урегулирование в ОМП, государства также рискуют политическими издержками. Например, реакция населения Нигерии на решение МС ООН, передавшего полуостров Бакасси Камеруну, включала критику правительства, что привело к задержке выполнения судебного решения на несколько лет¹¹⁷.

Ответ на вопрос, в чем заключается причина передачи государствами спора в ОМП, лежит в основаниях создания государствами ОМП, а именно отправной точкой служит взаимность в международных отношениях, однако принятие юрисдикции ОМП также связано с вопросом повышения доверия государств друг к другу. При заключении международного договора, например, торгового соглашения, требующего внесения изменений во внутригосударственное регулирование, а также преобразований в частном секторе национальной экономики, возможность обращения в ОМП укрепляет доверие к тому, что взаимные международно-правовые обязательства будут выполнены. Развивающиеся государства особенно нуждаются в таких гарантиях со стороны развитых стран. Гарантии выполнения обязательств также критически важны в случаях, когда под действие международного договора подпадают и частные акторы.

¹¹⁶ Simmons B. A. Capacity, Commitment, and Compliance // Journal of Conflict Resolution. 2002. 46(6). P. 829–856. URL: https://www.wcfia.harvard.edu/files/wcfia/files/986_capacitycommitmentcompliance.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

¹¹⁷ См.: Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria (Cameroon v. Nigeria: Equatorial Guinea intervening), Judgment, I.C.J. Report 1998. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/94/094-19980611-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

Однако, несмотря на преимущества деятельности ОМП, они также не лишены недостатков. Пролиферация ОМП, то есть значительное увеличение их количества, стала ключевой особенностью развития системы международного права в прошлом веке. Хотя на первый взгляд рост числа таких институтов может способствовать укреплению принципа мирного разрешения международных споров и поддержанию международного правопорядка, в реальности этот процесс тесно связан с тенденцией к фрагментации международного права¹¹⁸. Она выражается в увеличении числа автономных международно-правовых режимов, конкурирующих юрисдикций ОМП и противоречий в толковании и применении ими международно-правовых норм.

Пролиферация ОМП обусловлена необходимостью учитывать возрастающее количество отраслевых вопросов международного права. Например, Международный трибунал по морскому праву сосредоточен на спорах по морскому праву, а ВТО предлагает механизмы разрешения торговых споров. Однако такая специализация может быть одной из причин фрагментации, поскольку каждый ОМП интерпретирует нормы международного права в рамках своей сферы деятельности, что может порождать различные и даже несовместимые подходы к разрешению схожих вопросов¹¹⁹.

Кроме этого, отсутствие координирующего механизма между различными ОМП может усиливать фрагментацию. Международное право не предусматривает иерархичность ОМП с высшим судебным органом, который мог бы согласовывать решения нижестоящих ОМП, или обязательной системы прецедентов, что нередко вызывает юрисдикционные конфликты¹²⁰. Вследствие этого государства могут выбирать более «удобный» ОМП для

¹¹⁸ Институты международного правосудия: учебное пособие / Ануфриева Л. П. и др.; под ред. В. Л. Толстых]. — Москва: Международные отношения, 2014. С. 22.

¹¹⁹ Там же. С. 24.

¹²⁰ Shany Yu. The Competing Jurisdictions of International Courts and Tribunals. Oxford, 2003. P. 109-114.

урегулирования спора, руководствуясь политическими интересами, а не стремлением разрешить спор в соответствии с принципом справедливости. Это создает риски неоднообразного применения норм, когда отдельные области международного права становятся «полем битвы» между специализированными ОМП¹²¹.

Фрагментация международного права, в свою очередь, привела к замедлению процесса «правосудиялизации» международных отношений, которая была следствием стремительной пролиферации ОМП¹²². «Правосудиялизация» международных отношений характеризует зависимость государств от ОМП в разрешении межгосударственных споров. Такое делегирование полномочий государствами ОМП также рассматривается как один из аспектов более широкого процесса легализации международных отношений.

Кроме того, в настоящее время многие ОМП сталкиваются с юрисдикционными проблемами. Например, ранее ЕСПЧ сталкивался с критикой использования расширительного толкования норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ) и пренебрежением правовой идентичностью государств-членов Совета Европы при разрешении споров¹²³. В результате всероссийского голосования в 2020 году были внесены поправки в Конституцию Российской Федерации, в частности статья 79 была дополнена следующим содержанием: «Решения межгосударственных

¹²¹ Орлова Е.С. Конкуренция юрисдикций международных судебных органов при рассмотрении международных морских споров: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.10 / Орлова Екатерина Сергеевна. – Москва, 2020. С. 65.

¹²² Alter K. The High Water Mark of International Judicialization? // Courts Working Paper Series, № 250 / Brower, Ch., Donoghue, J., Murphy, C., Payne, C., Shirlow, E. (Eds.). By Peaceful Means. Oxford University Press, 2021. P. 5-7. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3857526> (дата обращения: 27.01.2024); Abebe D., Ginsburg T. The Dejudicialization of International Politics? // International Studies Quarterly. 2019. Vol. 63, Iss. 3. P. 521-530. URL: <https://doi.org/10.1093/isq/sqz032> (дата обращения: 27.01.2024); Ming Du, Delei Peng. The Dejudicialization of International Dispute Settlement: A Paradigm Shift in International Economic Law? // Journal of World Trade. 2024. Vol. 58, Iss. 6. P. 895-918. URL: <https://kluwerlawonline.com/journalarticle/Journal+of+World+Trade/58.6/TRAD2024044> (дата обращения: 14.05.2024).

¹²³ Зорькин: Недостатки в Конституции можно устранить точечными изменениями // Российская Газета RG.RU: сайт. 2018. URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniiami.html> (дата обращения: 27.01.2024).

органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации»¹²⁴. Федеральным законом от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» Российская Федерация денонсировала, в том числе, и ЕКПЧ, в связи с чем перестала признавать юрисдикцию ЕКПЧ в отношении дел, инициированных против Российской Федерации в этом ОМП, и перестала быть участником Совета Европы¹²⁵.

Наряду с этим, ключевой механизм разрешения споров в рамках ВТО столкнулся с серьезным кризисом, основной причиной которого является блокирование США назначения новых членов Апелляционного органа ВТО, что вызвало временное прекращение его деятельности с декабря 2019 года из-за нехватки минимально необходимого числа судей для обеспечения пересмотра докладов нижестоящих третейских групп и предоставления гарантий справедливости, предсказуемости и последовательности решений данного ОМП.

Причины кризиса многогранны. США критиковали Апелляционный орган ВТО за превышение мандата и принятие решений, которые, по их мнению, выходят за рамки установленных правилами ВТО полномочий. Кроме того, поднимались вопросы о сроках рассмотрения дел, прозрачности и отчётности процедур. В то же время, другие государства-члены ВТО неоднократно заявляли о важности сохранения Апелляционного органа ВТО как фундаментальной составляющей системы Органа разрешения споров в

¹²⁴ Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/?ysclid=livvmksb6x290260446> (дата обращения: 27.01.2024).

¹²⁵ Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280017?ysclid=m7alwy18e1292953483> (дата обращения: 27.01.2024).

рамках ВТО, что привело к серьезным разногласиям. Так, в апреле 2020 года группа государств-членов ВТО выступила с инициативой создания временной альтернативы Апелляционному органу ВТО – арбитраж на основе Многостороннего временного апелляционного арбитражного соглашения (далее – МРІА, арбитраж МРІА) с более гибким механизмом разрешения торговых споров. Для этого участники МРІА заранее обязались не подавать апелляции в соответствии со статьями 16.4 и 17 Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров (далее – ДРС), и использовать предусмотренную в статье 25 ДРС альтернативу в виде апелляционного арбитража для подачи будущих апелляций в спорах между участниками МРІА¹²⁶.

21 декабря 2022 года, более чем через два с половиной года после своего создания, арбитраж МРІА вынес свое первое апелляционное решение в рамках спора, инициированном ЕС в ноябре 2019 года против Колумбии из-за введенных антидемпинговых пошлин на замороженный картофель фри из Бельгии, Германии и Нидерландов. Три апелляционных арбитра МРІА не приняли один вывод третейской группы и поддержали три других вывода, которые оспаривались Колумбией¹²⁷. Решение арбитража МРІА было доведено до сведения ОРС ВТО. В соответствии с пунктом 3 статьи 25 ДРС, нет формальной необходимости в официальном принятии ОРС ВТО решения арбитража¹²⁸.

¹²⁶ Multi-party Interim Appeal Arbitration Arrangement pursuant to Article 25 of the DSU // WTO Documents Online. URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=263504 (дата обращения: 27.01.2024).

¹²⁷ Colombia – Anti-Dumping Duties on Frozen Fries from Belgium, Germany and The Netherlands, Arbitration under Article 25 of the DSU, Award of the Arbitrators, WT/DS591/ARB25, 2022. URL: [https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=\(@Symbol=%20wt/ds591/arb25*\)%20and%20\(@Title=%20\(\(arbitration%20under%20article%2025\)%20and%20\(\(award%20of%20the%20arbitrator\)%20or%20\(report%20of%20the%20arbitrator\)\)\)\)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#](https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=(@Symbol=%20wt/ds591/arb25*)%20and%20(@Title=%20((arbitration%20under%20article%2025)%20and%20((award%20of%20the%20arbitrator)%20or%20(report%20of%20the%20arbitrator))))&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#) (дата обращения: 27.01.2024).

¹²⁸ Panels established to review EU complaints regarding Chinese trade measures // WTO: official website. 2023. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news23_e/dsb_27jan23_e.htm (дата обращения: 27.01.2024).

Так, основной целью МРІА является сохранение двухуровневого судебного разбирательства ВТО: коллегиальный этап, который остается таким же, как и раньше, и апелляционный этап, который проводится через арбитраж в соответствии со статьей 25 ДРС, закрепляющий более гибкую процедуру обжалования докладов третейских групп ВТО.

В феврале 2024 года состоялась 13-я Министерская встреча ВТО, которая была посвящена, среди прочего, реформированию ОРС ВТО. США в очередной раз заявили, что будут добиваться аутентичного толкования статьи XXI Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года (далее – ГАТТ-1994) в рамках реформирования всей системы ВТО¹²⁹. В отсутствие прогресса по возобновлению деятельности Апелляционного органа ВТО, давление на МРІА может расти. По состоянию на 2024 год участниками МРІА являются 53 члена ВТО: Австралия; Бенин; Бразилия; Гватемала; Гонконг, Китай; ЕС и его государства-члены; Исландия; Канада; Китай; Колумбия; Коста-Рика; Макао, Китай; Мексика; Никарагуа; Новая Зеландия; Норвегия; Пакистан; Перу; Сингапур; Украина; Уругвай; Черногория; Чили; Швейцария; Эквадор и Япония;¹³⁰ 8 споров находятся на рассмотрении. Количество участников МРІА вероятно будет увеличиваться. В связи с этим, следует рассмотреть политико-правовые вопросы, с которыми придется столкнуться будущим участникам МРІА.

Во-первых, буквальное толкование статьи 25 ДРС предполагает, что члены ВТО могут согласовать арбитраж в отношении конкретного спора. Соответственно, ставится под сомнение такое толкование статьи 25 ДРС, которое позволило создать такое многостороннее соглашение, как МРІА.

¹²⁹ Members briefed on informal dispute settlement reform talks // WTO: official website. 2023. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news23_e/dsb_31mar23_e.htm (дата обращения: 27.01.2024).

¹³⁰ Растет интерес членов ВТО к Многосторонней временной договоренности об апелляционном арбитраже // Центр экспертизы ВТО: сайт. 2023. URL: <https://wto.ru/our-blog/rastet-interes-chlenov-vto-k-mnogostoronney-vremennoy-dogovorennosti-ob-apellyatsionnom-arbitrazhe/> (дата обращения: 27.01.2024).

Во-вторых, крупные торговые державы не являются участниками МРІА. Помимо явного нежелания США становиться участником МРІА, можно отметить отсутствие африканских государств, Индии, Южной Кореи, Российской Федерации. Профессор Башар Х. Малкави объясняет нежелание присоединяться к альтернативе Апелляционному органу ВТО выжидательной стратегией – некоторые государства могут присоединиться к соглашению, если арбитраж МРІА докажет свою эффективность¹³¹. С другой стороны, такие члены ВТО, как, например, Индия, которая стала ответчиком в сложном споре о субсидиях на сахар, скорее заинтересованы в статусе-кво¹³². В целом, ограниченный круг участников снижает эффективность МРІА.

В-третьих, арбитраж МРІА в качестве альтернативы Апелляционному органу ВТО не удовлетворяет основные критические замечания в адрес системы ВТО в отношении развивающихся и наименее развитых стран. В условиях дискриминационной международной политики крупных торговых партнеров развивающиеся и наименее развитые страны предпочитают не принимать чью-либо сторону и продолжают искать иные пути для дальнейшей интеграции в глобальные рынки, чаще всего с помощью региональных международно-правовых механизмов.

В-четвертых, терминология МРІА крайне неясна. Согласно пункту 15 Приложения 1 МРІА, решение арбитража только доводится до сведения ОРС ВТО, но не принимается, как это принято в соответствии с пунктом 14 статьи 17 ДРС. Это значит, что, фактически, у решений арбитража МРІА нет прецедентного значения для будущих споров. Кроме этого, несмотря на то, что арбитры МРІА обязаны соблюдать нормы Соглашений ВТО, они не связаны предыдущими решениями Апелляционного органа ВТО или арбитражей МРІА. Тем не менее, стоит отметить приверженность большинства

¹³¹ МРІА and Use of Arbitration: Bypassing the WTO Appellate Body// Jurist news: website. 2020. URL: <https://www.jurist.org/commentary/2020/05/bashar-malkawi-mpia-wto-appellate-body/> (дата обращения: 27.01.2024).

¹³² См.: India – Measures Concerning Sugar and Sugarcane, DS580. 2022. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds580_e.htm (дата обращения: 27.01.2024).

государств-участников ВТО сохранению функционирования механизма урегулирования споров в рамках ВТО и предотвратить «апелляции в пустоту», то есть заморозку процесса разрешения споров путем оспаривания доклада третейской группы ВТО в Апелляционном органе ВТО, который больше не функционирует.

Таким образом, принцип мирного разрешения международных споров является краеугольным камнем, обеспечивающим поддержание стабильности международного правопорядка, ключевую роль в реализации которой играют ОМП. При этом институциональные особенности ОМП, такие как их юрисдикция, процедура и подходы к толкованию международно-правовых норм, оказывают значительное влияние на процесс урегулирования споров. Вместе с тем тенденции последних десятилетий, включая рост числа специализированных ОМП, а также связанное с этим явление фрагментации международного права, остаются важной проблемой для международной правовой системы. Для достижения цели исследования в соответствии с произведенной классификацией научный интерес представляют некоторые ОМП, в которых участвует Российская Федерация: МС ООН и его предшественница ППМП как универсальные международные суды с общей компетенцией, ОРС ВТО – универсальное специализированное квазисудебное учреждение, Суд ЕАЭС – региональный международный суд со специальной компетенцией.

2.2. Основные характеристики подходов органов международного правосудия к толкованию международных договоров

В международном праве толкование международных договоров играет важную роль и имеет фундаментальное значение для обеспечения стабильности и справедливости в международных отношениях. Этот сложный процесс, как показывает деятельность органов международного правосудия, представляет собой искусство разрешения противоречий в толковании и применении норм и принципов международного права его субъектами.

Судебное толкование, т. е. юридическая деятельность, которая «позволяет выявить смысл правового предписания в его привязке к применению в конкретном случае общественного конфликта (спора), проявившего недостатки словесного и юридического оформления правовой нормы»¹³³. Данный процесс решает сразу несколько задач в международном праве – способствует надлежащей реализации международно-правовых норм, разрешению межгосударственных споров мирными средствами, способствуя предотвращению международных конфликтов, развитию международного права¹³⁴.

Взаимосвязь между деятельностью МС ООН и разработкой правил толкования, закрепленных в Венской конвенции, очевидна в работе КМП ООН. При создании проекта конвенции о праве международных договоров КМП ООН опиралась на судебную практику зарождающегося в то время МС ООН и его предшественницы – ППМП, которая служила основой для формирования статей 31-33 ВКПМД. Так, в своем третьем докладе при подготовке проекта статей о праве международных договоров Х. Уолдок отмечал, что проекты статей о толковании были вдохновлены Резолюцией Института международного права о кодификации права международных договоров и статьей Дж. Фицмориса, опубликованной в 1957 году в Британском ежегоднике международного права и посвященной практике толкования международных договоров МС ООН¹³⁵.

Тем не менее, несмотря на тесную связь между МС ООН и Венскими правилами толкования, интерпретационная деятельность Суда многогранна. Предыдущие исследования, посвященные этому вопросу, в частности исследования Дж. Фицмориса и Х. Терлуэя, содержат тщательный анализ

¹³³ Нешатаева Т. Н. Судебное толкование // Пермский юридический альманах. 2023. №6. С. 128. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnoe-tolkovanie> (дата обращения: 27.01.2024).

¹³⁴ Смбатян А. С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права / А.С. Смбатян. – Москва: Статут, 2012. С. 61.

¹³⁵ Third Report on the law of treaties by Sir Humphrey Waldock, Special Rapporteur // Yearbook of the International Law Commission. UN Doc. A/CN.4/167 and Add.1-3. 1964. Vol. II. P. 55. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_167.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

конкретных периодов деятельности Суда¹³⁶. Однако с момента публикации этих работ прошло достаточно много времени, что обусловило необходимость актуализации исследования этого вопроса не только в контексте функционирования ППМП и МС ООН, но и других ОМП.

В частности, необходимо установить, насколько интерпретационная деятельность ОМП демонстрирует особое понимание положений, изложенных в статьях 31-33 Венской конвенции; на какие источники они опираются при применении этих положений; используют ли ОМП иные принципы толкования, кроме тех, которые закреплены в статьях 31-33 ВКПМД. Понимание сложного процесса международного судебного толкования, в которых оно методологически расходится с Венскими правилами толкования или развивает их, дополняет отечественные научные исследования последних лет, в которых толкование международных договоров рассматривается с более практической точки зрения¹³⁷.

Практика МС ООН и его предшественницы, ППМП, не следует определенному подходу к толкованию международных договоров, так как обстоятельства каждого дела оказывают существенное влияние на выбор

¹³⁶ Fitzmaurice G. The Law and Procedure of the International Court of Justice: Treaty Interpretation and Certain Other Treaty Points // The British Yearbook of International Law. London, New York, Toronto: Oxford University Press, 1951. Vol. 28. P. 1-28. URL: <https://archive.org/details/britishyearbook0028unse/page/n3/mode/2up> (дата обращения: 27.01.2024); Thirlway H. W. A. The International Court of Justice / Hugh Thirlway. First edition. Oxford, United Kingdom; Oxford University Press, 2016. 223 p.

¹³⁷ См.: Современная концепция толкования международных договоров: монография / под ред. А. Я. Капустина. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2022. 432 с.; Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права: монография / В.Р. Авхадеев, Г.М. Азнагулова, С.Б. Бальхаева и др.; отв. ред. А.Я. Капустин. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2023. 336 с.; Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы / А. Я. Капустин, А. И. Ковлер, А. М. Белялова [и др.] // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 6(85). С. 116-134; Мехтиев, М. Г. Международно-правовые механизмы преодоления дисбалансов в мировой финансовой системе / М. Г. Мехтиев // Экономика. Право. Общество. 2021. Т. 6, № 4(28). С. 43-56; Налетов, К. И. Задачи современного международного права в условиях дезинтеграции мирового сообщества // Тенденции развития системы международных отношений и их влияние на управление национальной обороной Российской Федерации. – Москва: Издательский дом «УМЦ», 2023. С. 291-298; Шулятьев, И. А. Регионализация международного торгового права / И. А. Шулятьев, Л. А. Берг // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2023. № 2. С. 69-74.

средств и способов толкования. МС ООН, во многом похожий на ППМП, призван разрешать споры относительно толкования большого разнообразия договорных норм международного права. Конкретный международный договор, сопутствующие материалы для толкования, аргументы сторон – это факторы, которые, помимо прочего, оказывают влияние на выбор средств, которые Суд использует для определения содержания положений международного договора в каждом рассматриваемом им деле. В целом Суд сохранил преемственность с ППМП и стремится достичь последовательности в своем подходе к толкованию международных договоров. Можно утверждать, что катализирующим событием стало постепенное включение норм ВКПМД в судебную практику Суда. Безусловно, Венские правила толкования не привели к каким-либо радикальным изменениям, поскольку они в значительной степени отражали предшествующую судебную практику ППМП и МС ООН. Тем не менее, они стали незаменимой основой для вынесения решений по вопросам толкования и применения международных договоров.

ППМП, функционировавшая в период с 1922 по 1946 год, внесла значительный вклад в развитие практики толкования международных договоров. Деятельность ППМП в этом направлении стала важным этапом в становлении международного правопорядка и формирования единых принципов толкования международно-правовых договорных норм, которые впоследствии оказали влияние на все международное право, включая положения статьи 31 Венской конвенции. Толкуя нормы международных договоров, Палата использовала методы текстуального, контекстуального и телеологического толкования, обеспечивая системный и функциональный подход к их интерпретации. М. Хадсон отмечал, что многочисленные судебные решения и мнения ППМП ссылались на намерения сторон в качестве основного средства толкования. Например, ППМП заявила, что нет необходимости принимать во внимание подготовительные материалы (*travaux*

préparatoires)¹³⁸, если текст достаточно ясен, однако это правило применялось не во всех случаях¹³⁹. Если ППМП сосредоточилась на «естественном», «буквальном», «обычном», «логичном» значении терминов рассматриваемого документа, такой подход не повлек за собой исключения других средств толкования¹⁴⁰. Также, ППМП ссылалась на «природу», «сферу охвата», «объект», «дух», «содержание», «цель», «намерение», «принципы», лежащие в основе международных договоров, в поддержку своих выводов о толковании того или иного международного договора¹⁴¹. Кроме того, в нескольких случаях, ППМП придавала важное значение правовому, политическому и социальному контексту рассматриваемого международного договора¹⁴².

Одним из наиболее известных примеров является дело *Wimbledon*, в котором ППМП столкнулась с необходимостью истолковать Версальский договор¹⁴³. Германия утверждала, что условия о предоставлении свободного прохода через Кильский канал являются нарушением её суверенитета. ППМП, опираясь на текстуальный и телеологический методы толкования, указала, что

¹³⁸ The case of S.S. “Lotus” (Judgment), PCIJ Ser. A, № 10, 1927. P.16. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_A/A_10/30_Lotus_Arret.pdf (дата обращения: 27.01.2024); Serbian Loans (Judgment), PCIJ Ser. A, № 20, 1929. P. 30. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_A/A_20/62_Emprunts_Serbes_Arret.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

¹³⁹ Factory at Chorzów (Indemnity) (Jurisdiction), PCIJ Ser. A, № 9, 1927. P. 24. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_A/A_09/28_Usine_de_Chorzow_Competence_Arret.pdf (дата обращения: 27.01.2024); Interpretation of Article 3, Paragraph 2, of the Treaty of Lausanne (Advisory Opinion), PCIJ Ser. B, № 12, 1925. P. 23. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_B/B_12/01_Article_3_du_traite_de_Lausanne_Avis_consultatif.pdf (дата обращения: 27.01.2024); Interpretation of the Convention of 1919 Concerning Employment of Women During the Night (Advisory Opinion), PCIJ Ser. A/B, № 50, 1932. P. 373, 378. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_AB/AB_50/01_Travail_de_nuit_Avis_consultatif.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁴⁰ Ibid.

¹⁴¹ Hudson Manley O. The Permanent Court of International Justice, 1920-1942: A Treatise / by Manley O. Hudson. New York: Macmillan, 1943. P. 650-652; German Settlers in Poland (Advisory Opinion), PCIJ Ser. B, № 6, 1923. P. 25. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_B/B_06/Colons_allemands_en_Pologne_Avis_consultatif.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁴² Hudson Manley O. Op. cit. P. 655-657.

¹⁴³ Case of the S.S. Wimbledon (Judgment), PCIJ Ser. A, № 1, 1923. P. 21, 30. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_A/A_01/03_Wimbledon_Arret_08_1923.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

цель договора заключается в обеспечении свободы судоходства для всех стран, что превышало сугубо национальные интересы Германии. В этом деле Палата подчеркнула приоритет целей международного договора перед национальными интересами, укрепив значение телеологического толкования международных договоров.

Ещё одним значимым примером является дело *Interpretation of the Statute of the Memel Territory*, в котором ППМП интерпретировала положения Конвенции, регулирующие статус Мемельского края¹⁴⁴. Палата проанализировала текст и исторический контекст договора, чтобы установить, что сторонам требуется выполнять договор в том виде, в каком их обязательства служат общим интересам региональной стабильности. Кроме этого, ППМП приняла поведение сторон после заключения договора как свидетельство их взаимного понимания содержания договорных обязательств. Это решение укрепило использование контекстуального подхода к толкованию, необходимого в комплексных спорах.

Наконец, ППМП активно принимала во внимание последующую практику сторон договора, как это было в деле *Free City of Danzig and International Labour Organization* сослалась на последующую практику применения Версальского мирного договора для того, чтобы определить, как Польша и Вольный город Данциг понимают его положения¹⁴⁵.

Таким образом, кроме осторожного использования подготовительных материалов, судебная практика ППМП не установила иерархии средств толкования. Примеры работы ППМП демонстрируют, что её деятельность способствовала созданию стандартов для разрешения споров по вопросу применения международных договоров. Прецеденты, созданные Палатой, не

¹⁴⁴ Interpretation of the Statute of the Memel Territory (Judgment), PCIJ Ser. A/B, № 47, 1932. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_AB/AB_49/01_Memel_Arret.pdf. (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁴⁵ Free City of Danzig and International Labour Organization (Advisory Opinion), PCIJ Ser. B, № 18, 1930. P. 12-15. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_B/B_18/01_Ville_libre_de_Danzig_et_OIT_Avis_consultatif.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

только оказали влияние на современную практику МС ООН, но также сформировали основу для кодификации средств толкования в международном праве.

Общее направление судебной практики МС ООН соответствовало направлению судебной практики ППМП. До принятия ВКПМД Дж. Фицморис писал, что Суд в целом отдает предпочтение текстуальному подходу, в то время как некоторые из его отдельных судей являются телеологами¹⁴⁶. Он также отметил, что за исключением тех, кто поддерживает крайнюю телеологическую школу, никто не отрицает, что целью толкования международных договоров является выявление намерений сторон¹⁴⁷.

Х. Терлуэй отмечал, что практика толкования МС ООН с 1991 года вновь вернулась к более текстуальному подходу¹⁴⁸. Например, в деле *El Salvador/Honduras: Nicaragua* Суд сослался на основное правило статьи 31 Венской конвенции, согласно которому международный договор должен толковаться в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам¹⁴⁹. Судья Бернардес в особом мнении резко осудил это заключение: «Для правил толкования международных договоров не существует «обычного значения» в абсолютном или абстрактном смысле. Вот почему в статье 31 Венской конвенции говорится о добросовестности и обычном значении, которое следует придавать терминам международного договора в их контексте и в свете его объекта и цели. Я намерен оставаться верным правилам, регулирующим толкование международных договоров, кодифицированным в Венской конвенции, существенной характеристикой которой является то, что

¹⁴⁶ Fitzmaurice G. The Law and Procedure of the International Court of Justice: Treaty Interpretation and Certain Other Treaty Points // The British Yearbook of International Law. London, New York, Toronto: Oxford University Press, 1951. Vol. 28. P. 7. URL: <https://archive.org/details/britishyearbooko0028unse/page/n3/mode/2up> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁴⁷ Fitzmaurice G. The Law and Procedure of the International Court of Justice / by Sir Gerald Fitzmaurice. Cambridge: Grotius Publications, 1986. P. 204.

¹⁴⁸ Thirlway H. W. A. Op. cit. P. 143.

¹⁴⁹ Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras: Nicaragua intervening), Judgment, I.C.J Reports 1992, para. 373. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/75/075-19920911-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

все ее принципы и элементы толкования образуют «единое целое», включая элемент «обычного значения»¹⁵⁰.

С тех пор Суд избегал ссылок на свои собственные решения, вынесенные до 1991 года, как и каких-либо фрагментарных цитат из ВКПМД при изложении основного правила толкования, а точно воспроизводил формулировку положений. Возможно, это изменение было направлено на то, чтобы развеять любое впечатление иерархии между элементами основного правила толкования, изложенного в статье 31 ВКПМД.

Правила толкования ВКПМД прямо не указывались в решениях Суда до 1989 г., однако ссылки на положения Венской конвенции о толковании можно найти даже до её вступления в силу в особых мнениях судей¹⁵¹. В большинстве случаев Венские правила толкования не применялись, поскольку одна или обе стороны в споре не являлись участниками ВКПМД или рассматриваемый международный договор был заключен до вступления ВКПМД в силу. Это не помешало Суду ссылаться на нормы ВКПМД о толковании как отражающие обычное международное право и применять их как таковые по отношению к договорам, существовавшим до 1969 года¹⁵².

¹⁵⁰ Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras: Nicaragua intervening) Judgment, Separate Opinion of Judge Torres Bernárdez, I.C.J. Reports 1992, paras. 190-191. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/75/075-19920911-JUD-01-03-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁵¹ Barcelona Traction, Light and Power Company Limited (Belgium v Spain), Judgment, Separate Opinion of Judge Ammoun, I.C.J. Reports 1970, para. 11. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/50/050-19700205-JUD-01-10-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024); Appeal Relating to the Jurisdiction of the ICAO Council (India v Pakistan), Judgment, Separate Opinion of Judge Dillard, I.C.J. Reports 1972, p. 107. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/54/054-19720818-JUD-01-05-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024); Fisheries Jurisdiction (Germany v Iceland), Merits, Judgment, Separate Opinion of Judge De Castro, I.C.J. Reports 1974, p. 226. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/56/056-19740725-JUD-01-06-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024); Aegean Sea Continental Shelf (Greece v Turkey), Judgment, Dissenting Opinion of Judge de Castro, I.C.J. Reports 1978, para. 13. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/62/062-19781219-JUD-01-06-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁵² Jadhav (India v Pakistan), Judgment, I.C.J. Reports 2019, para. 71. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/168/168-20190717-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024); Immunities and Criminal Proceedings (Equatorial Guinea v France), Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2018, para. 91. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/163/163-20180606-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

Тем не менее, такой прагматичный подход применялся постепенно с течением времени. Например, в Арбитражном решении 1989 года (*Guinea-Bissau v. Senegal*) Суд, проанализировав свой собственный подход к толкованию международных договоров, сделал вывод: «Эти принципы отражены в статьях 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров, которые во многих отношениях могут рассматриваться как кодификация существующего обычного международного права по данному вопросу»¹⁵³. В деле *Pulau Litigan & Pulau Sipadan* Суд, опираясь на свои предыдущие решения, пришел к выводу, что правила толкования ВКМПД применимы «в соответствии с международным обычным правом, отраженным в статьях 31 и 32 этой Конвенции»¹⁵⁴. В деле *LaGrand* Суд постановил, что пункт 4 статьи 33 ВКМПД отражает обычное международное право¹⁵⁵. В 2016 году Суд снова признал: «Хорошо известно, что статьи 31-33 Конвенции отражают нормы обычного международного права»¹⁵⁶. Таким образом, понимание Судом Венских правил толкования было однозначным.

Что касается средств толкования, обращение к обычному значению терминов было наиболее часто используемым элементом практики Суда по толкованию международных договоров еще задолго до появления Венских правил¹⁵⁷. Однако Суд редко разъяснял то, как он определяет обычное

¹⁵³ Arbitral Award of 31 July 1989 (*Guinea-Bissau v. Senegal*), Judgement, I.C.J. Reports 1991, para. 48. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/82/082-19911112-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁵⁴ Sovereignty over Pulau Litigan and Pulau Sipadan (*Indonesia/Malaysia*), Judgement, I.C.J. Reports 2002, para. 37. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/102/102-20021217-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁵⁵ *LaGrand* (*Germany v. United States of America*), Judgement, I.C.J. Reports 2001, para. 101. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/104/104-20010627-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁵⁶ Alleged Violations of Sovereign Rights and Maritime Spaces in the Caribbean Sea (*Nicaragua v. Colombia*), Preliminary Objections, Judgement, I.C.J. Reports 2016, para. 35. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/155/155-20160317-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024); Question of the Delimitation of the Continental Shelf between Nicaragua and Colombia beyond 200 Nautical Miles from the Nicaraguan Coast (*Nicaragua v. Colombia*), Preliminary Objections, Judgement, I.C.J. Reports 2016, para. 25. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/155/155-20160317-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁵⁷ Competence of the International Labour Organization in regard to International Regulation of the Conditions of Labour of Persons Employed in Agriculture (Advisory Opinion), PCIJ Ser. B, № 2, 1922, p.

значение того или иного термина. Чаще всего МС ООН ограничивается упоминанием содержащихся в международном договоре терминов, за которым следует заявление о понимании Судом их обычного значения. Иногда он может ссылаться на источники, отличные от рассматриваемого международного договора. Например, в деле *Oil Platforms* Суд обратился к Оксфордскому словарю английского языка, юридическому словарю Блэка и Словарю терминов международного права, чтобы продемонстрировать, что значение слова «коммерция» распространяется на сделки, выходящие за рамки купли-продажи¹⁵⁸. В деле *Aegean Sea Continental Shelf* Суд сослался на французский словарь «Dictionnaires Le Robert» в подтверждение своего вывода о том, что обычное значение термина «*notamment*» не было узким пониманием термина, предложенным Грецией¹⁵⁹.

Другим средством толкования, являющимся неотъемлемой частью практики Суда по толкованию международных договоров, выступает контекст. Например, в деле *Bosnian genocide* возник вопрос о том, запрещает ли Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (далее – Конвенция) совершать государствам действия, представляющие собой геноцид, и сопутствующие акты геноцида, как указано в статье III Конвенции. Суд отметил, что такое обязательство прямо не налагается фактическими положениями Конвенции¹⁶⁰. Однако он установил, что такое обязательство вытекает из статьи I Конвенции. Суд подтвердил этот вывод ссылкой на компромиссную клаузулу в статье IX Конвенции, которая

32-35. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_B/B_02/Competence_OIT_Agriculture_Avis_consultatif.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁵⁸ *Oil Platforms* (Islamic Republic of Iran v. United States of America), Preliminary Objections, Judgement, I.C.J. Reports 1996, para. 45. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/90/090-19961212-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁵⁹ *Aegean Sea Continental Shelf* (Greece v Turkey), Judgment, I.C.J. Reports 1978, para. 54. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/62/062-19781219-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁶⁰ *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (Bosnia and Herzegovina v Serbia and Montenegro), Judgment, I.C.J. Reports 2007, para 166. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/91/091-20070226-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

предоставляла Суду юрисдикцию, в частности, «включая споры относительно ответственности того или другого государства за совершение геноцида или одного из других перечисленных в статье III деяний»¹⁶¹.

Кроме того, согласно общему правилу толкования, отраженному в статье 31 ВКПМД, понятие контекста не ограничивается текстом международного договора и взаимосвязью его терминов и положений. В качестве технического термина права международных договоров слово «контекст» также включает в себя определенные материалы для толкования помимо самого текста международного договора, которые являются неотъемлемой частью процесса толкования. В частности, пункт 2 статьи 31 Венской конвенции разъясняет, что контекст международного договора включает также документы и иные материалы, принятые в связи с заключением международного договора.

Также, средством толкования в практике МС ООН в соответствии с общим правилом толкования является объект и цели международного договора. Суд несколько раз заявлял, что они могут быть определены из текста соглашения, его названия и преамбулы¹⁶². Этот подход отражает аргументацию Суда в его предыдущих решениях. Наглядным примером является дело *Oil Platforms*. В этом деле Суд определил, что объектом и целью Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах 1955 года между США и Ираном было «не регулирование мирных и дружественных отношений между двумя государствами в общем смысле» (как утверждал Иран), а скорее «установление конкретных обязательств для эффективной

¹⁶¹ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года) // Организация Объединенных наций: сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁶² *Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2019, para. 57. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/164/164-20190213-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024); *Jadhav (India v Pakistan)*, Judgment, I.C.J. Reports 2019, para. 74. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/168/168-20190717-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

реализации таких отношений»¹⁶³. Этот объект и цель вытекали как из преамбулы, так и из основных статей этого международного договора.

Тем не менее, объект и цели как средство толкования в практике Суда не обязательно ограничиваются анализом конкретных разделов рассматриваемого международного договора. С одной стороны, определение объекта и цели международного договора может привести Суд к материалам, выходящим за рамки текста международного договора. Например, в деле *Qatar v. United Arab Emirates* Суд сослался на резолюцию 1514(XV) Генеральной Ассамблеи ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам при рассмотрении объекта и цели Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации¹⁶⁴. С другой стороны, Суд иногда ссылается на объект и цель конкретного положения международного договора, а не всего международного договора в целом¹⁶⁵. Так, например, в деле *LaGrand* Суд исходил из положений статьи 41 своего Статута, что «полномочия [указывать временные меры] основаны на необходимости, когда этого требуют обстоятельства, защищать права сторон и избегать нанесения ущерба им, как это определено окончательным решением Суда»¹⁶⁶. На этом основании Суд пришел к выводу, что «утверждение о том, что временные меры, указанные в статье 41, могут не иметь обязательной силы, противоречило бы объекту и цели этой статьи»¹⁶⁷.

¹⁶³ Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America), Preliminary Objections, Judgement, I.C.J. Reports 1996, para. 27. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/90/090-19961212-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁶⁴ Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Qatar v. United Arab Emirates), Preliminary Objections, Judgement, I.C.J. Reports 2021, para. 86. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/172/172-20210204-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁶⁵ Reservations to Convention on Genocide (Advisory Opinion): I.C.J. Reports 1951, para. 23. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/12/012-19510528-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁶⁶ LaGrand (Germany v. United States of America), Judgment, I.C.J. Reports 2001, para. 102. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/104/104-20010627-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁶⁷ Ibid.

Средства толкования, изложенные в общем правиле толкования (статья 31 ВКПМД), не ограничиваются международным договором или материалами, которые связаны с его заключением, но также могут быть внешними по отношению к международному договору. В соответствии с пунктами 3(а) и (b) статьи 31 Венской конвенции толкователь обязан также принимать во внимание любые последующие соглашения сторон относительно его толкования и любую последующую практику его применения, устанавливающую соглашение сторон относительно его толкования¹⁶⁸. МС ООН часто использует эти материалы, хотя он никогда не давал свое определение ни последующей практике применения международного договора, ни последующим соглашениям по смыслу соответствующих положений Венской конвенции¹⁶⁹.

В деле *Kasikili/Sedudu Island* Суд придерживался определений последующего соглашения и последующей практики применения международного договора, изложенных КМП ООН в ее комментарии к проекту Конвенции о праве международных договоров¹⁷⁰. Так, например, в деле *Whaling in the Antarctic* Суд признал, что резолюции, принятые в рамках международной организации (Международной китобойной комиссией), могут рассматриваться как последующие соглашения для целей толкования¹⁷¹. Также, в деле *Macedonia v Greece* Суд признал, что отсутствие протеста может рассматриваться как последующая практика применения международного договора для этой цели¹⁷².

¹⁶⁸ Последующая практика применения международного договора в соответствии с пунктом 3 (b) статьи 31 ВКПМД будет подробно рассмотрена в следующих параграфах настоящего исследования.

¹⁶⁹ *Kasikili/Sedudu Island (Botswana/Namibia)*, Judgment, I.C.J. Reports 1999, para. 50. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/98/098-19991213-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁷⁰ Ibid. Para. 49.

¹⁷¹ *Whaling in the Antarctic (Australia v. Japan: New Zealand intervening)*, Judgment, I.C.J. Reports 2014, para. 83. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/148/148-20140331-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁷² *Application of the Interim Accord of 13 September 1995 (The Former Yugoslav Republic of Macedonia v Greece)*, Judgment of 5 December 2011, I.C.J. Reports 2011, para. 99. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/142/142-20111205-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

По мнению Суда, соглашение или поведение квалифицируются как последующее соглашение или последующая практика применения международного договора для целей пунктов 3(a) и (b) статьи 31 Венской конвенции только в той мере, в какой они свидетельствуют о согласии Договаривающихся сторон относительно толкования международного договора¹⁷³. Чтобы проиллюстрировать этот факт, в деле *Whaling in the Antarctic* резолюции Комиссии не могли рассматриваться в соответствии с общим правилом толкования, поскольку они были приняты без поддержки всех государств-участников соответствующего договора и, в частности, без согласия Японии, которая была ответчиком по этому делу¹⁷⁴. Также, в деле *Equatorial Guinea v. France* Суд не мог согласиться с тем, что представленные Францией доказательства практики 14 государств по применению Венской Конвенции о дипломатических сношениях 1961 года обязательно свидетельствовали бы о согласии сторон по смыслу пунктов 3(a) и (b) статьи 31 ВКПМД¹⁷⁵.

При толковании международных договоров Суд обязан принимать во внимание соответствующие материалы или поведение в той мере, в какой эти материалы или поведение устанавливают соглашение или практику в соответствии с пунктами 3(a) и (b) статьи 31 Венской конвенции. Однако материалы, не соответствующие последующему соглашению или последующей практике применения международного договора по смыслу

27.01.2024); Arbitral Award of 3 October 1899 (*Guyana v. Venezuela*), Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 2020, para. 99. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/171/171_20201218_JUD-01-00-EN.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁷³ *Kasikili/Sedudu Island (Botswana/Namibia)*, Judgment, I.C.J. Reports 1999, para. 63. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/98/098-19991213-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁷⁴ *Whaling in the Antarctic (Australia v. Japan: New Zealand intervening)*, Judgment, I.C.J. Reports 2014, para. 83. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/148/148-20140331-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁷⁵ *Immunities and Criminal Proceedings (Equatorial Guinea v. France)*, Judgment, I.C.J. Reports 2020, para. 69. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/163/163-20201211-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

положений ВКПМД, не обязательно исключаются из решения Суда¹⁷⁶. Скорее, относительная ценность таких материалов для толкования международного договора варьируется в зависимости от обстоятельств дела. Например, в деле *Somalia v. Kenya* Суд постановил, что проведение Кенией переговоров до вынесения рекомендаций Комиссией по границам континентального шельфа, демонстрировало тот факт, что «Кения не считала себя обязанной ждать этих рекомендаций при вступлении в переговоры о делимитации морских пространств», как она была обязана это сделать в соответствии с условиями Меморандума о взаимопонимании¹⁷⁷. Суд не сослался ни на пункт 3(b) статьи 31 Венской конвенции, ни рассмотрел, подкреплялась ли эта последующая практика применения международного договора соглашением сторон. Также, несмотря на то, что Суд в деле *Nicaragua v. USA* не принял в качестве доказательства практику 14 государств достаточной для целей пунктов 3(a) и (b) статьи 31 ВКПМД, постановил, что такая практика оказывает влияние на толкование Венской Конвенции о дипломатических сношениях 1961 года¹⁷⁸.

Как указано выше, доминирующей тенденцией в судебной практике МС ООН является отсылка к Венским правилам толкования. Несмотря на это, иногда Суд также указывает на принципы толкования, прямо не упомянутые в ВКПМД, и которые часто применялись ППМП при толковании международных договоров¹⁷⁹. По очевидным причинам эта тенденция была более распространена в эпоху, предшествовавшую принятию Венской

¹⁷⁶ Draft conclusions on subsequent agreements and subsequent practice in relation to the interpretation of treaties, with commentaries. UN Doc. A/73/10. 2018. Para. 16. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_11_2018.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁷⁷ Maritime Delimitation in the Indian Ocean (*Somalia v. Kenya*), Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2017, para. 92. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/161/161-20170202-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁷⁸ Immunities and Criminal Proceedings (*Equatorial Guinea v. France*), Judgment, I.C.J. Reports 2020, para. 69. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/163/163-20201211-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024); Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (*Nicaragua v. United States of America*), Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1984, para. 39-42. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/70/070-19841126-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁷⁹ Среди них: *in dubio mitius*, *per analogiam*, *contra proferentem*, *argumentum a contrario*. См.: Hudson, Manley O. Op. cit. P.659-661.

конвенции, однако МС ООН сохранил преемственность с ППМП в этом вопросе. В настоящее время, за некоторыми исключениями, такая ссылка либо вызвана аргументами сторон, либо подкрепляет результат толкования, к которому уже пришли путем применения средств толкования, закрепленных в статьях 31-33 Венской конвенции.

Принцип *in dubio mitius*, иногда ошибочно называемый принципом ограничительного толкования, требует, если формулировка положения договора неясна, при выборе между несколькими допустимыми толкованиями следует принять то, которое налагает минимум обязательств на Договаривающиеся стороны.

Как и в случае с большинством из подобных принципов, даже если они считаются обязательными принципами толкования, их роль является дополнительной. Они должны применяться только в том случае, если применение статей 31-33 не приводит к окончательному результату толкования. Как постановила ППМП в деле *United Kingdom v. Poland, in dubio mitius* «следует применять с осторожностью. Только тогда, когда намерения Сторон все еще остаются сомнительными, следует принять такое толкование, которое наиболее благоприятствует свободе государств»¹⁸⁰.

Следует также отметить тот факт, что *in dubio mitius* действует в качестве ограничения пересмотра толкования договора, как указано в деле *Wimbledon*¹⁸¹.

МС ООН также с осторожностью применяет *in dubio mitius*. В большинстве случаев на этот принцип ссылается одна из сторон, но Суд либо игнорирует его, сосредоточившись на стандартном применении статей 31-33

¹⁸⁰ Case relating to the Territorial Jurisdiction of the International Commission of the River Oder (United Kingdom v Poland), 1928, PCIJ Series A, № 23, 1928. P. 26. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_A/A_23/74_Commission_internationale_de_l'Oder_Arret.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁸¹ Case of the S.S. Wimbledon (Judgment), PCIJ Ser. A, № 1, 1923. P. 24-25. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_A/A_01/03_Wimbledon_Arret_08_1923.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

ВКПМД, связывает его с намерением сторон и/или подчеркивает его дополнительную роль¹⁸². В целом, использование *in dubio mitius* скорее описывает результат толкования, чем является самостоятельным принципом толкования.

Принцип *contra proferentem* требует, чтобы, когда текст является двусмысленным, он должен быть истолкован против стороны, которая его подготовила. Как и в случае с *in dubio mitius*, подход Суда состоит в том, чтобы подчеркнуть дополнительный характер этого принципа и отметить, что статей 31-33 достаточно без необходимости прибегать к подобным принципам толкования. В деле *Spain v. Canada* МС ООН отметил, что «правило *contra proferentem* может сыграть определенную роль в толковании договорных положений»¹⁸³. Однако далее разъяснил, что в отношении толкования односторонних заявлений в соответствии со статьей 36 Статута МС ООН анализируется необходимость в этой норме в зависимости от источника обязательства. В деле *Qatar v. Bahrain* судья Шахабуддин подтвердил дополнительную роль *contra proferentem* и отметил необходимость его осторожного применения¹⁸⁴.

Согласно принципу *argumentum a contrario* вывод о неприменимости определенной нормы к определенному случаю делается на основе противопоставления их тем случаям, которые прямо в норме не предусмотрены. Суд использует данный принцип толкования в редких

¹⁸² Nuclear Tests (New Zealand v. France), Judgment, I.C.J. Reports 197, para. 47. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/59/059-19741220-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024); Frontier Dispute (Burkina Faso/Republic of Mali), Judgment, I.C.J. Reports 1986, para. 39. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/69/069-19861222-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024); Dispute regarding Navigational and Related Rights (Costa Rica v. Nicaragua), Judgment, I.C.J. Reports 2009, para. 48. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/133/133-20090713-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁸³ Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada), Jurisdiction of the Court, Judgment, I. C.J. Reports 1998, para. 51. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/96/096-19981204-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁸⁴ Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, Dissenting Opinion of Judge Shahabuddeen, I.C.J. Reports 1995, p.54. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/87/087-19950215-JUD-01-03-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

случаях, если Венские правила не приводят к приемлемому и логичному результату толкования¹⁸⁵. При этом недопустимо, чтобы он не поддерживался или противоречил Венским правилам толкования.

Суд обобщил судебную практику по делу *Nicaragua v. Colombia*, где он постановил, что обращение к толкованию *a contrario* «оправдано только тогда, когда это уместно в свете содержания всех соответствующих положений, их контекста, объекта и цели договора. Более того, даже в тех случаях, когда необходимо толкование *a contrario*, важно точно определить, какого вывода требует ее применение в каждом конкретном случае»¹⁸⁶.

Суд оставался непоколебимым в своем подходе к толкованию *a contrario* и в сложном деле *Certain Iranian Assets*¹⁸⁷.

Принцип *per analogiam* неоднократно использовался в практике МС ООН¹⁸⁸. Суд воздержался от выражения своей позиции относительно роли этого принципа в процессе толкования, предусмотренного ВКПМД. При этом его принятие или отклонение происходит в результате применения статей 31-32 ВКПМД.

Принцип эффективности понимается Судом таким образом: «В тех случаях, когда слова или термины документа могут иметь два значения, объект, в соответствии с которым он используется, как указано в документе или любых других допустимых доказательствах, может быть принят во внимание, чтобы прийти к пониманию смысла, в котором они были использованы, и когда одно из толкований согласуется с тем, что, по-

¹⁸⁵ Asylum Case (Colombia v Peru), Judgment, Dissenting Opinion of Judge Badawi Pasha, I.C.J. Reports 1950, p. 44. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/7/007-19501120-JUD-01-02-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁸⁶ Alleged Violations of Sovereign Rights and Maritime Spaces in the Caribbean Sea (Nicaragua v. Colombia), Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2016, para. 37. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/155/155-20160317-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁸⁷ Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America), Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2019, para. 63. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/164/164-20190213-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024);

¹⁸⁸ Reparation for injuries suffered in the service of the United Nations, Advisory Opinion: I.C. J. Reports 1949, para. 182. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/4/004-19490411-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

видимому, было намерение сторон и другое, противоречащее ему, Суд приведет в исполнение это очевидное намерение. Суд всегда предпочтет толкование, которое делает соглашение действительным и эффективным, толкованию, которое делает его недействительным и неэффективным, при условии, что можно справедливо сказать, что первое не противоречит намерениям сторон. Этот принцип изложен в правиле *ut res magis valeat quam pereat*»¹⁸⁹.

Принцип эффективности, по собственному признанию Суда, играет важную юридическую роль при толковании международных договоров и в его собственной судебной практике¹⁹⁰. До принятия Венской конвенции Дж. Фицморис в своей серии статей в Британском ежегоднике международного права квалифицировал его как один из основных принципов толкования¹⁹¹. Однако он также отметил, что «часто неправильно понимается, что соглашениям всегда следует придавать максимально возможный эффект, в то время как его реальная цель состоит лишь в том, чтобы не допустить их полного провала»¹⁹².

Суду ранее также приходилось сталкиваться с подобными обвинениями: «Можно настаивать на том, что Суд имеет право участвовать в процессе

¹⁸⁹ South West Africa Cases (Ethiopia v. South Africa; Liberia v. South Africa), Preliminary Objections, Judgment of 21 December 1962: Dissenting Opinion of Judge van Wyk, I.C. J. Report; 1962, para. 582. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/47/047-19621221-JUD-01-09-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁹⁰ Lighthouses Case between France and Greece (France v Greece), PCIJ Ser. A/B, №. 62, 1934, para. 27. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_AB/AB_62/01_Affaire_des_phares_Arret.pdf (дата обращения: 27.01.2024); Factory at Chorzów (Indemnity) (Jurisdiction), PCIJ Ser. A, № 9, 1927. P. 24. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_A/A_09/28_Usine_de_Chorzow_Competence_Arret.pdf (дата обращения: 27.01.2024); Reparation for injuries suffered in the service of the United Nations, Advisory Opinion: I.C. J. Reports 1949, para. 179, 183. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/4/004-19490411-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024); Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970), Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1971, para. 66. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/53/053-19710621-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁹¹ Thirlway H. The Law and Procedure of the International Court of Justice 1960–1989: Supplement 2006, Part Three // British Yearbook of International Law, 2006. Vol. 1. P. 52–55.

¹⁹² Fitzmaurice G. “Vae victis or Woe to the Negotiators: Your Treaty or our “Interpretation” of it?”, // American Journal of International Law, 1971. Vol. 65. P. 373. – URL:

восполнения пробелов, применяя телеологический подход толкования, в соответствии с которым средствам должно быть придано максимальное значение, чтобы обеспечить достижение их основополагающих целей. Суду нет необходимости здесь исследовать сферу применения подхода, точное значение которого является весьма спорным, поскольку ясно, что он не может быть применен в обстоятельствах, при которых Суду пришлось бы выйти за рамки процесса толкования, и ему пришлось бы участвовать в процессе пересмотра международного договора»¹⁹³.

Это демонстрирует обоснованную осторожность МС ООН при установлении пределов принципа эффективности. Применение этого принципа не может привести к толкованию, которое противоречило бы букве и духу толкуемого договора и не противоречило намерениям сторон, что следует из аргументации ППМП в деле *Free Zones of Upper Savoy*¹⁹⁴. МС ООН в меньшей степени сосредоточился на пределах принципа эффективности, а скорее подчеркнул его связь с положениями статей 31-33 ВКПМД, такими как контекст, намерение, объект и цели, обстоятельства, связанные с заключением международного договора¹⁹⁵.

Вышеизложенное подводит к вопросу о том, в чем именно заключается принцип эффективности по отношению к статьям 31-33 ВКПМД. Судья Бернардес в деле *El Salvador/Honduras* высказал мнение, что принцип

¹⁹³ South West Africa (Liberia v South Africa), Second Phase, Judgment, I.C.J. Reports 1966, para. 91. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/47/047-19660718-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁹⁴ Free Zones of Upper Savoy and the District of Gex (France v Switzerland), PCIJ Ser. A, № 22, 1929, para. 13. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_A/A_22/68_Zones_franches_Haute_Savoie_et_Pays_de_Gex_Ordonnance_19290819.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁹⁵ Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America), Preliminary Objections, Judgement, I.C.J. Reports 1996, para. 24. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/90/090-19961212-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024); Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada), Jurisdiction of the Court, Judgment, I. C.J. Reports 1998, para. 52, 66. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/96/096-19981204-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024); Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation), Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2011, para. 133-135. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/140/140-20110401-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

эффективности «в той мере, в какой он отражает истинное общее правило толкования, воплощен, как разъяснила КМП ООН, в пункте 1 статьи 31 Венской конвенции»¹⁹⁶. Судья Триндаде также выразил мнение, что этот принцип лежит в основе статьи 31 Венской конвенции¹⁹⁷.

В деле *Georgia v. Russia* Суд применил принцип под названием «обычное значение» рассматриваемого положения, но без дальнейшего уточнения его связи с ВКПМД¹⁹⁸. Этот вывод Суда критиковался несколькими судьями в совместном особом мнении. Однако судьи, высказавшие особое мнение, также не заняли четкой позиции относительно того, как принцип эффективности вписывается в правила ВКПМД¹⁹⁹. Они подвергли критике тот факт, что «общее правило толкования, т. е. обычное значение, которое следует придавать терминам международного договора в их контексте и в свете его объекта и цели, применяется в Судебном решении таким образом, что это равносильно не более чем применению принципа эффективности»²⁰⁰. Тем не менее, они «не отрицали актуальность или не недооценивали важность принципа, согласно которому толкователь международного договора должен, как правило, стремиться придать его терминам значение, которое приводит к их практическому применению, а не такое, которое лишает их какого-либо эффекта («принцип эффективности»)»²⁰¹.

¹⁹⁶ Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras: Nicaragua intervening) Judgment, Separate Opinion of Judge Torres Bernárdez, I.C.J. Reports 1992, para. 205. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/75/075-19920911-JUD-01-03-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁹⁷ Whaling in the Antarctic (Australia v. Japan: New Zealand intervening), Judgment, Separate Opinion of Judge Cançado Trindade, I.C.J. Reports 2014, para. 32. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/148/148-20140331-JUD-01-05-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁹⁸ Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation), Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2011, para. 123-141. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/140/140-20110401-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁹⁹ Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation), Preliminary Objections, Judgment, Joint Dissenting Opinion of President Owada, Judges Simma, Abraham, Donoghue, and Judge ad hoc Gaja, I.C.J. Reports 2011, para. 20-22. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/140/140-20110401-JUD-01-01-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

²⁰⁰ Ibid.

²⁰¹ Ibid.

Таким образом, судебная практика МС ООН демонстрирует прагматичный подход к толкованию международных договоров, несмотря на взаимосвязь с Венскими правилами толкования. Этот подход предоставляет МС ООН большую свободу выбора как в отборе материалов для толкования, так и в определении значения различных средств толкования в конкретном споре. Судом признаются некодифицированные принципы толкования²⁰², которые применяются в качестве вспомогательных, для поддержки выводов, полученных на основе применения статей 31-33 Венской конвенции.

Судебные решения и консультативные заключения Суда являются наглядными примерами использования различных приемов, в том числе не предусмотренных ВКПМД, из которых состоит процесс толкования, и, что более важно, того, как они взаимодействуют, дополняют или противоречат друг другу. Изучение судебной практики Суда демонстрирует зависящий от контекста характер толкования, при котором важность средств толкования и выбора материалов меняется от дела к делу.

1 января 1948 года вступило в силу Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1947 года (далее – ГАТТ-1947), и это ознаменовало начало функционирования многосторонней торговой системы. ГАТТ-1947 включило в себя более 45 000 тарифных уступок, предоставленных 23 первоначальными подписавшими его сторонами, а также обеспечило более широкую основу для регулирования международной торговли. Семь последующих раундов переговоров привели к дальнейшему снижению тарифов и введению правил, регулирующих различные нетарифные барьеры в торговле. Уругвайский раунд, результатом которого стало создание ВТО, а также распространение правил торговли на многие услуги, согласовал режим интеллектуальной

²⁰² Некодифицированные принципы толкования международных договоров представляют собой правила, используемые в практике толкования международных соглашений, но напрямую не закрепленные в таких кодифицированных источниках международного права, как Венская конвенция. Эти принципы имеют доктринальное, практическое или прецедентное происхождение, основываясь на развитии практики ОМП и международной практики в целом. Они способствуют заполнению пробелов в случаях, когда кодифицированных правил толкования недостаточно для уяснения смысла положений международных договоров.

собственности и установил процедуры урегулирования споров. К 2024 году ВТО выросла до 162 членов, которые вместе осуществляют более 96 процентов мировой торговли. Между тем, многосторонние Соглашения ВТО существуют наряду с более чем двумя сотнями двусторонних и региональных торговых соглашений, которые также во многом регулируются правилами ВТО.

Точный объем прав и обязанностей, содержащихся в Соглашениях ВТО, не всегда очевиден при обычном прочтении их текстов. Правовые положения часто формулируются в общих чертах, чтобы иметь общую применимость и охватывать множество индивидуальных случаев, не все из которых могут быть урегулированы конкретным набором средств. Таким образом, на вопрос о том, приводит ли наличие определенного набора фактов к нарушению юридического обязательства, содержащегося в том или ином конкретном положении, не всегда легко ответить. В большинстве случаев ответ можно найти только после толкования рассматриваемых положений.

Кроме того, правовым положениям международных соглашений часто не хватает ясности, поскольку они являются компромиссными формулировками, полученными в результате многосторонних переговоров. Участники переговорного процесса часто согласовывают свои расходящиеся позиции, соглашаясь с текстом, который может быть истолкован по-разному. Таким образом, участники переговоров могут понимать конкретное положение по-разному.

По этим причинам требуется толкование соответствующих положений. Пункт 2 статьи IX Марракешского соглашения об учреждении ВТО (далее – Марракешское соглашение) предусматривает, что Конференция министров и Генеральный совет ВТО обладают исключительными полномочиями принимать толкования Соглашений ВТО. Однако в ДРС прямо указано, что система урегулирования споров предназначена для разъяснения положений Соглашений ВТО «в соответствии с обычными правилами толкования международного публичного права» (статья 3.2 ДРС).

ДРС признает необходимость разъяснения правил ВТО и требует, чтобы это разъяснение проводилось в соответствии с обычными правилами толкования. Кроме того, в статье 17.6 ДРС косвенно признается, что третейские группы могут разрабатывать юридические толкования. Таким образом, исключительные полномочия, закрепленные в пункте 2 статьи IX Марракешского соглашения следует понимать как возможность принятия аутентичного толкования Соглашений ВТО, которое имеет обязательную силу для всех членов ВТО, в отличие от толкований третейских групп и Апелляционного органа ВТО, которые применимы только к сторонам и к предмету конкретного спора.

Это подтверждается позицией Апелляционного органа ВТО в отношении заключения третейской группы в деле *Japan – Alcoholic beverages*. Третейская группа утверждала, что «отчеты третейских групп, принятых договаривающимися сторонами ГАТТ 1994 года и ОРС ВТО, представляют собой последующую практику применения международного договора в конкретном случае в силу решения об их принятии. Статья 1(b)(iv) ГАТТ 1994 года предусматривает институциональное признание того, что принятые отчеты третейских групп представляют собой последующую практику применения. Такие отчеты являются неотъемлемой частью ГАТТ 1994, поскольку они представляют собой «другие решения договаривающихся сторон ГАТТ 1947»²⁰³. С этим выводом обоснованно не согласился Апелляционный орган ВТО, утверждая, что «принятые отчеты третейских групп являются важной частью ГАТТ. Они часто рассматриваются последующими третейскими группами. Они создают правовые ожидания среди членов ВТО и, следовательно, должны приниматься во внимание, если имеют отношение к какому-либо спору. Однако они не обладают обязательной

²⁰³ Japan – Taxes on Alcoholic Beverages – Report of the Panel, 1996. P. 106. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/8R.pdf&Open=True> (дата обращения: 27.01.2024).

силой, за исключением случаев разрешения конкретного спора между сторонами в этом споре»²⁰⁴.

Что касается правил толкования, ДРС ссылается на обычные нормы толкования международного публичного права (статья 3.2 ДРС), а не на статьи 31-33 Венской конвенции. Сделано это в силу того, что Венские правила толкования понимаются органами ВТО как обычные нормы международного публичного права.

В Соглашении по применению статьи VI ГАТТ-1994 (далее – Антидемпинговое соглашение) также содержится положение о правилах толкования третейскими группами Антидемпингового соглашения (пункт II статьи 17.6): «третейская группа толкует соответствующие положения Соглашения в соответствии с обычными правилами толкования международного публичного права. Если третейская группа констатирует, что соответствующее положение Соглашения допускает более чем одно разрешенное толкование, то она делает вывод о том, что принятая компетентными органами мера соответствует Соглашению, если она основана на одном из таких разрешенных толкований»²⁰⁵.

Подход третейской группы и арбитража МРІА к толкованию Антидемпингового соглашения демонстрируются в уже упомянутом арбитражном решении по делу *Colombia – Anti-dumping duties on frozen fries* о законности антидемпинговых мер, введенных Колумбией на замороженный картофель из Бельгии, Германии и Нидерландов²⁰⁶. В связи с этим 21 декабря 2022 г. арбитраж МРІА вынес решение по спору, в котором рассматривались

²⁰⁴ Japan – Taxes on Alcoholic Beverages – AB-1996-2 – Report of the Appellate Body. 1996. P. 14. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/8ABR.pdf&Open=True> (дата обращения: 27.01.2024).

²⁰⁵ Соглашение по применению статьи VI Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 // Центр экспертизы ВТО: сайт. URL: <https://wto.ru/upload/iblock/4c1/4c1eb3716510d692d1346e918cec8a9b.doc> (дата обращения: 27.01.2024).

²⁰⁶ Colombia – Anti-Dumping Duties on Frozen Fries from Belgium, Germany and The Netherlands, Arbitration under Article 25 of the DSU, Award of the Arbitrators, WT/DS591/ARB25, 2022. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/591ARB25.pdf&Open=True> (дата обращения: 27.01.2024).

определенные правовые вопросы антидемпинговых мер и толкования Антидемпингового соглашения.

Третейская группа определила, что возможность сосуществования нескольких допустимых толкований применяется в соответствии с пунктом 2 статьи 17.6 Антидемпингового соглашения. Однако данный принцип может использоваться только после толкования его положений с применением обычных правил толкования международных договоров. Руководствуясь этим, третейская группа при разрешении спора опиралась на правила толкования, закрепленные в статьях 31-32 Венской конвенции. В отличие от нее, арбитраж МРІА применил иной подход, отметив, что изолированное толкование отдельного пункта 1 статьи 17.6 Антидемпингового соглашения не позволяет в полной мере учитывать его контекст, который включает в себя как пункт 1, так и пункт 2 данной статьи в их совокупности. Арбитраж МРІА поддержал ключевые выводы третейской группы, касающиеся нарушения Колумбийским министерством торговли, промышленности и туризма (MINCIT) статей 3.1, 3.2, 3.4 и 3.5 Антидемпингового соглашения. Эти нарушения состояли в неправомерном включении в определение демпинга таких критериев, как ущерб (по смыслу статьи VI ГАТТ-1994) и связь между демпинговым импортом и выявленным ущербом, несмотря на наличие минимальной демпинговой маржи. Арбитры пришли к заключению, что расширительное толкование терминов «демпинговый импорт» и «демпинговая маржа» противоречит принципу эффективности, поскольку предполагает разрозненность статей Антидемпингового соглашения, что недопустимо с точки зрения системного толкования. Было отмечено, что положения статьи 5 Антидемпингового соглашения применимы ко всему процессу антидемпингового расследования. Следовательно, если в отношении экспортера уже установлена минимальная демпинговая маржа, дальнейшее расследование является необоснованным. Арбитраж МРІА отклонил аргумент Колумбии об особенностях ее правовой системы и поддержал позицию ЕС, отметив, что применимость нормы о минимальной демпинговой марже

вытекает из системного толкования положений Антидемпингового соглашения.

Признание Венских правил толкования как обычных норм отражено и в деле *US-Gasoline*. Как заявил Апелляционный орган ВТО, обычные нормы толкования международного публичного права, упомянутые в статье 3.2 ДРС, являются теми, что изложены в ВКПМД²⁰⁷.

В этой связи стоит отметить следующее. Тот факт, что Венская конвенция является международным договором, не препятствует тому, чтобы Венские правила толкования носили обычно-правовой характер для государств, не являющихся стороной Венской конвенции. Как следствие, в тех случаях, когда государство ратифицировало Соглашения ВТО, но не ратифицировало ВКПМД, как это имеет место в случае США, статьи 31-33 ВКПМД, тем не менее, могут применяться в качестве обычных норм международного права.

Кроме того, в контексте толкования положений Генерального соглашения по торговле услугами А.В. Петренко отмечает, что «в то же время, Конвенция не содержит исчерпывающего набора правил толкования международных договоров. Формулировка статьи 3.2 ДРС также предполагает, что для понимания смысла ГАТС могут применяться правила толкования, отличные от тех, которые содержатся в Конвенции. Потенциально полезные юридические приемы включают принципы *lex specialis*, *эффективность при толковании международных договоров*, *ejusdem generis*, *in dubio mitius*, *a contrario sensu*, опора на аргументированное предположение, и многие другие. Таким образом, положения ГАТС следует рассматривать через призму обычных норм толкования международного публичного права. Как подтверждает практика урегулирования споров ВТО, к ним относятся,

²⁰⁷ United States – Standards for Reformulated and Conventional Gasoline – AB-1996-1 – Report of the Appellate Body. 1996. P.17. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/2ABR.pdf&Open=True> (дата обращения: 27.01.2024).

прежде всего, нормы, предусмотренные статьями 31-33 ВКПМД. Их применение является необходимой предпосылкой для достижения допустимого толкования. Могут также применяться юридические методы, отличные от тех, которые прямо указаны в этих статьях Венской конвенции, при условии, что они являются частью применимого обычного права»²⁰⁸.

Таким образом, при урегулировании споров в ВТО задачей толкования международных договоров является разъяснение сложной системы соглашений, охватываемых ВТО, что позволяет третейским группам и Апелляционному органу ВТО или арбитражу МРІА разрешать споры между членами ВТО о толковании и применении этих соглашений с опорой как на статьи 31-33 Венской конвенции, так и на некодифицированные принципы толкования международных договоров.

Как отмечает в своем критическом замечании А.С. Смбатян, «Апелляционный орган при толковании Соглашения ВТО всегда исходит из целостного понимания нормативной системы ВТО. Приверженность толкования Соглашения ВТО как единого целого проявляется во все более частых обращениях к принципу эффективности, в установлении контекстуального обычного значения истолковываемых формулировок, расширительном понимании объекта и целей Соглашения ВТО и составляющих его многосторонних торговых соглашений»²⁰⁹. Это в свою очередь порождает трудности толкования, так как «ни по своей структуре, ни тем более по содержанию Соглашение ВТО не является монолитным... В частности, чрезмерное заострение внимания на Соглашении ВТО как едином целом и вытекающей из этого необходимости последовательного, гармоничного толкования различных положений Соглашения ВТО как частей целого может вести к «размыванию» содержания конкретных прав и

²⁰⁸ Petrenko A. The Right to Regulate in International Economic Law. Universitätsverlag Göttingen, 2024. P. 68. <https://doi.org/10.17875/gup2024-2652>.

²⁰⁹ Смбатян А. С. Толкование и применение правил Всемирной торговой организации: монография / А.С. Смбатян. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 130. URL: <https://znanium.com/catalog/product/965320> (дата обращения: 27.01.2024).

обязанностей и, соответственно, расширительной трактовке обязательств членов Организации»²¹⁰.

Согласимся с А.С. Смбатян в том, что Апелляционный орган ВТО на практике толкует систему международных договоров, которые не применяются в равной степени ко всем государствам-членам ВТО. Восприятие Соглашений ВТО Апелляционным органом ВТО как одного единого международного договора проявилось в его решениях благодаря частому использованию принципа эффективности для связки этих различных международных договоров, составляющих основу Соглашений ВТО.

Однако следует отметить, что для выполнения сторонами своих обязательств по международным договорам, как того требует принцип *pacta sunt servanda*, необходимо привести в действие положения Соглашения ВТО. В этом ключе становится актуальным правило *ut regis valeat quam paereat*, характеризующий принцип эффективности толкования. Апелляционный орган ВТО, применяя этот принцип в деле *US-Gasoline*, пришел к следующему выводу: «толкователь не волен принимать такое толкование, которое приводило бы целые положения договора до избыточности или бесполезности»²¹¹. Аналогичную позицию Апелляционный орган ВТО занял в делах *Canada-Patent Term*²¹² и *Korea-Dairy*²¹³.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ United States – Standards for Reformulated and Conventional Gasoline – AB-1996-1 – Report of the Appellate Body. 1996. P. 21. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/2ABR.pdf&Open=True> (дата обращения: 27.01.2024).

²¹² В этом деле третейская группа признала, что принцип эффективного толкования отражает общее правило толкования, которое требует, чтобы международный договор толковался таким образом, чтобы придать смысл и действие всем положениям договора. Например, одному положению не следует давать толкование, которое приведет к аннулированию действия другого положения того же договора. См.: Canada – Term of Patent Protection – WT/DS170/R – Report of the Panel. 2000. Para. 6.49. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/170R-00.pdf&Open=True> (дата обращения: 27.01.2024).

²¹³ В этом деле Апелляционный орган заявил, что он неоднократно признавал принцип эффективности при толковании международных договоров, который требует, чтобы толкователь международных договоров придавал значение и действие всем положениям договора. См.: Korea – Definitive Safeguard Measure on Imports of Certain Dairy Products – AB-1999-8 – Report of the Appellate Body. 1999. Para. 80. URL:

Кроме того, когда общие и специальные нормы вступают в противоречие, применение общей нормы может привести к тому, что государство будет избегать соблюдения специальной нормы. Возможно, осознавая это явление, Апелляционный орган ВТО обычно следуют принципу *lex specialis*, отдавая предпочтение специальной норме над общей. Подводя итог, представляется, что принципы *ut regis valeat quam paereat* и *lex specialis* выражают принцип добросовестности; они также могут рассматриваться как средства обеспечения эффективности принципа *pacta sunt servanda*.

Если ВТО является универсальной международной организацией, целью которой является регулирование свободной торговли и стимулирование экономического роста своих государств-членов, то ЕАЭС – пример международной региональной интеграционной организации, которая сосредоточена на развитии национальных экономик государств-членов, повышении их конкурентоспособности, создании единого рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы в рамках Союза (статья 4 Договора о ЕАЭС). ЕАЭС функционирует на основе общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности; уважения особенностей политического устройства государств-членов, обеспечения взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов всех государств-членов, соблюдения принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции, функционирования таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов (статья 3 Договора о ЕАЭС).

Толкование положений Договора о ЕАЭС и других правовых актов Союза, осуществляемое Судом ЕАЭС, является одним из ключевых элементов интеграционного процесса государств-членов ЕАЭС. Системное и единообразное применение права ЕАЭС, обеспечиваемое Судом ЕАЭС,

<https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/98ABR.pdf&Open=True> (дата обращения: 27.01.2024).

способствует не только укреплению правового регулирования в рамках Союза, но и гармонизации национальных законодательств его участников, создавая условия для более эффективного функционирования интеграционной структуры. Суд ЕАЭС содействует правовой унификации, что, в свою очередь, минимизирует правовые конфликты и обеспечивает предсказуемость и стабильность взаимодействия между государствами-членами ЕАЭС. Компетенция Суда ЕАЭС по толкованию права ЕАЭС закреплена в статье 46 Статута и статье 85 Регламента Суда ЕАЭС. Соответственно, он толкует нормы права ЕАЭС при разрешении споров, а также при вынесении консультативных заключений. Суд ЕАЭС рассматривает споры, возникающие по вопросам применения Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках ЕАЭС и/или решений органов ЕАЭС по заявлению государства (решения носят обязательный характер для сторон спора); по заявлению физического или юридического лица (решения носят обязательный характер для Евразийской экономической комиссии); по запросу о разъяснении норм права ЕАЭС консультативные решения носят рекомендательный характер.

Как справедливо отмечает Т. Н. Нешатаева, Суд ЕАЭС не только сам познает содержание нормы, но и раскрывает свое знание сторонам спора²¹⁴. В силу того, что Суд ЕАЭС существует не так давно, он находится на стадии выработки собственных подходов и принципов толкования, которые наиболее эффективно развивали бы как правовую позицию Суда ЕАЭС, так и право Союза в целом.

Анализ решений Суда ЕАЭС приводит к выводу о том, что он опирается на правила толкования, изложенные в Венской конвенции. Основным, наиболее базовым подходом Суда ЕАЭС к толкованию права ЕАЭС является буквальный (грамматический) метод толкования. Например, в Решение

²¹⁴ Нешатаева, Т. Н. Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву // Международное правосудие. 2017. №2 (22). С. 68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sud-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-ot-pravovoy-pozitsii-k-deystvuyuschemu-pravu> (дата обращения: 27.01.2024).

Коллегии Суда ЕАЭС от 03.10.2023 по делу по заявлениям АО «Альфа-Медика»; ООО «СиЭс Медика»; ООО «Фирма Консалтинг и Коммерция» при определении субпозиции товара «ирригатор полости рта» Суд опирался не только на предоставленные сторонами материалы, но и использовал Большой медицинский словарь 2000 года и текст пояснений к Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности ЕАЭС для выделения характеристик данного товара²¹⁵.

Стоит отметить, что Суд ЕАЭС часто обращается за доктринальным толкованием при вынесении своих решений. В этом же деле он обращался к ряду научных медицинских центров за их позициями относительно данного спора для подкрепления своей аргументации²¹⁶. Кроме того, Суд ЕАЭС также часто обращается в Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и другим научным учреждениям за правовыми заключениями по спорным вопросам.

Системный метод толкования используется в практике Суда ЕАЭС по разрешению споров также довольно часто. Ярким примером служит дело «Дженерал Фрейт»²¹⁷. В своем решении Апелляционная палата Суда ЕАЭС рассмотрела взаимосвязь между положениями Конвенции о Гармонизированной системе описания и кодификации товаров, Договора о ЕАЭС и Таможенного кодекса Таможенного союза. Таким образом, Апелляционная палата Суда ЕАЭС пришла к выводу, что несмотря на то, что Конвенция не является частью права Союза, она должна применяться в рамках

²¹⁵ Решение Коллегии Суда от 03.10.2023 по делу по заявлениям АО «Альфа-Медика»; ООО «СиЭс Медика»; ООО «Фирма Консалтинг и Коммерция», п. 5.4.1. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01441851/ac_01112023 (дата обращения: 27.01.2024).

²¹⁶ Решение Коллегии Суда от 03.10.2023 по делу по заявлениям АО «Альфа-Медика»; ООО «СиЭс Медика»; ООО «Фирма Консалтинг и Коммерция», п. 5.4.2. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01441851/ac_01112023 (дата обращения: 27.01.2024).

²¹⁷ См.: Решение Апелляционной палаты Суда от 21 июня 2016 года по делу по жалобе закрытого акционерного общества «Дженерал Фрейт». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420664/ac_10012019 (дата обращения: 27.01.2024); Обобщение правовых позиций и практики Суда Евразийского экономического союза (актуализировано по состоянию на 1 сентября 2024 года, утв. Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ) // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. 2024. URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/34043/ (дата обращения: 03.11.2024).

функционирования Союза, так как все государства-члены ЕАЭС ратифицировали эту Конвенцию, и она относится к области единой политики Союза.

При вынесении консультативных заключений наблюдается тенденция к использованию Судом ЕАЭС телеологического толкования²¹⁸. Это обуславливается тем, что консультативные заключения направлены на эффективную реализацию не только целей Договора о ЕАЭС, но и целей всех сфер регулирования в рамках Союза. Например, в консультативном заключении по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь о разъяснении положений Соглашения о маркировке товаров средствами идентификации в ЕАЭС от 2 февраля 2018 года и отдельных решений органов Союза Большая коллегия пришла к выводу, «что нормы Соглашения и принятые на его основе акты органов ЕАЭС необходимо толковать как в свете общих целей Союза, так и целей Соглашения, призванных обеспечить свободу движения товаров наряду с защитой прав потребителей без ущерба для реализации цели построения внутреннего рынка»²¹⁹. Таким образом, в консультативных заключениях Суд ЕАЭС часто ссылается на цели нормативно-правовых актов Союза, что, как известно, является основой телеологического толкования.

²¹⁸ См.: Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 17.10.2023 № Р-3/23 «О разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и отдельных решений, входящих в право Союза» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=459810> (дата обращения: 27.01.2024); Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 12.02.2025 № Р-6/24 «О разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=498578> (дата обращения: 13.02.2025); Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 11.07.2023 № Р-2/23 «По заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 и отдельных решений органов Евразийского экономического союза» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=451933> (дата обращения: 27.01.2024).

²¹⁹ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 30.05.2023 № Р-1/23 «О разъяснении положений Соглашения о маркировке товаров средствами идентификации в Евразийском экономическом союзе от 2 февраля 2018 года и решений Совета ЕЭК, предусматривающих введение маркировки отдельных товаров средствами идентификации». С. 4. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaau/P-1.23/ (дата обращения: 27.01.2024).

В соответствии с вышеизложенным, толкование международных договоров ОМП является центральным аспектом правоприменения в международном праве, обеспечивая стабильность, единообразие и справедливость в регулировании отношений между государствами. Практика таких органов, как МС ООН, ППМП, ОРС ВТО и Суд ЕАЭС, демонстрирует многообразие подходов к интерпретации международно-правовых договорных норм. Несмотря на различия в институциональных особенностях и сферах их деятельности, прослеживается доминирование в использовании средств толкования, закрепленных в статьях 31–33 Венской конвенции.

ППМП и МС ООН, активно использовали правила толкования задолго до их кодификации Венской конвенцией. При этом толкование нередко дополняется такими некодифицированными принципами, как *in dubio mitius*, *принцип эффективности (ut res magis valeat quam pereat)*, *contra proferentem*, *per analogiam*, *a contrario*, что позволяет устранить неопределенности в спорных результатах толкования.

Правила толкования Венской конвенции применяются ОРС ВТО чаще всего в качестве обычных норм международного права в силу того, что не все члены ВТО являются участниками Венской конвенции. Кроме того, подход ОРС ВТО к толкованию характеризуется стремлением к гармонизации применения большого количества Соглашений ВТО, что приводит к активному использованию принципа эффективности и системного подхода к толкованию, а также некодифицированными принципами толкования.

Суд ЕАЭС, являющийся институционально новым ОМП, активно использует средства толкования, предусмотренные Венской конвенцией, в сочетании с собственной интеграционной спецификой. Его задача – не только толкование договорных норм права ЕАЭС, но и обеспечение функционирования права Союза. Суд часто обращается к телеологическому и системному подходу, стремясь достичь целей, закрепленных в правовых актах Союза.

В завершение необходимо отметить, что общим направлением для всех ОМП при толковании международных договоров является приверженность нормам ВКПМД о толковании международных договоров, хотя каждый ОМП адаптирует их под собственные задачи, учитывая особенности сферы своей деятельности и конкретные обстоятельства дела. Данный подход позволяет достичь баланса между текстуальной строгостью международно-правовых актов и гибкостью в подходах к толкованию международных договоров, необходимых для разрешения международных споров.

ГЛАВА 3. ПОСЛЕДУЮЩАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В СТРУКТУРЕ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ

3.1. Последующая практика применения международных договоров в деятельности органов международного правосудия

Венская конвенция регулирует широкий круг вопросов действия международных договоров между государствами. Она не только регламентирует заключение, вступление в силу, внесение поправок и прекращение действия таких договоров, но и закрепляет правила толкования международных договоров.

Толкование международных договоров является важным средством для понимания намерений и обязательств договаривающихся сторон, и помогает определить значение и сферу применения положений международного договора.

Следует согласиться с мнением Б.И. Осминина, который констатирует: «Отметим ставшую в последнее время все более заметной тенденцию к тому, что одна и та же международно-правовая норма понимается и толкуется различными государствами или группами государств по-разному, а иногда и противоположным образом. Это приводит к тому, что едва ли не каждое государство конструирует «свое» международное право, которым оно и

руководствуется».²²⁰ Формирование и продвижение национальных подходов к пониманию международного права негативно влияет на международный правопорядок, поэтому в этих условиях возрастает роль толкования международного права, включая международные договоры, независимыми органами, обладающими юрисдикционными полномочиями, к которым можно отнести органы международного правосудия. Их правотолковательная деятельность способствует становлению единообразного понимания и применения международных договоров.

Наряду с доктриной международного права органы международного правосудия признают, что статьи 31-33 ВКМПД являются кодифицированным стандартом толкования международных договоров²²¹. Как государства и международные организации, так и универсальные и региональные ОМП, а также национальные суды ссылаются на ВКМПД как на основной источник права международных договоров. Прежде чем углубиться в ключевые положения, следует отметить несколько важных аспектов, касающихся общих правил толкования международных договоров.

В соответствии с ВКМПД целью толкования международных договоров является определение значения договора, рассматриваемого с точки зрения общего понимания его положений договаривающимися сторонами. В результате основой для толкования будет поведение сторон и их взаимодействие в ходе применения международного договора в той мере, в какой оно (поведение) демонстрирует это общее понимание.

Хотя правила толкования Венской конвенции изложены всего лишь в трех статьях, толкование международных договоров не является шаблонным, что показывает судебная практика. Более того, несмотря на то, что в статьях 31 и 32 неоднократно указывается на значение текста договора, ВКМПД не

²²⁰ Осминин Б. И. Международное право, право внешних сношений и концепция "сравнительного международного права" / Б. И. Осминин // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 2. С. 145–159. – DOI 10.12737/jrl.2021.025.

²²¹ Современная концепция толкования международных договоров... С. 75.

предлагает ранжирования средств толкования, поскольку значение, вытекающее из одной комбинации средств, переопределяет значение, вытекающее из обращения к другим средствам – за одним очевидным исключением – прежде всего обращаются к тексту международного договора. В то же время среди ОМП существует общее понимание того, что некоторые средства толкования будут в большей степени демонстрировать понимание сторонами значения договора, чем другие. К тому же статьи 31 и 32 следует учитывать вместе, поскольку они представляют собой целостную систему толкования международных договоров, «единую комбинированную операцию»²²².

Толкование международных договоров может привести к более чем одному приемлемому результату толкованию договора. Точно так же, как государства-участники международного договора могут иметь серьезные расхождения во мнениях относительно его значения, так же могут поступать и ОМП. В то же время средства толкования международных договоров, как правило, позволяют сузить диапазон таких толкований, иногда до одного.

Положения ВКПМД о толковании международных договоров являются правилами по умолчанию. Стороны договора свободны включать в текст или в последующие соглашения положения, которые закрепляют конкретное толкование договора; конкретный перечень положений для рассмотрения или исключения при будущих толкованиях; конкретный подход к толкованию, который может отличаться от методологии, изложенной в ВКПМД.

ОМП, в свою очередь, разработали свои подходы к толкованию или, по крайней мере, уделяют особое внимание одному подходу к толкованию. Например, примечательно, что и ЕСПЧ, и Суд ЕС используют эволютивный подход к толкованию международных договоров, который подчеркивает

²²² Термин взят из комментария Комиссии международного права ООН к проектам статей 1966 года о праве международных договоров. См.: Yearbook of the International Law Commission. UN Doc. A/CN.4/SER. A/1966/Add. 1. 1966. Vol. II. P. 219. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_1_1966.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

общие цели европейского режима в области прав человека²²³. Кроме того, ЕСПЧ разработал доктрину о свободе усмотрения, которая, безусловно, не предусмотрена положениями ВКПМД (хотя она также не запрещается ВКПМД), и заслуживает отдельного рассмотрения²²⁴.

Традиционно в научной литературе дискуссии на тему последующей практики применения международных договоров ведутся в контексте их толкования и применения. Часто положения договоров являются двусмысленными и требуют толкования, однако при этом обращения к тексту международного договора недостаточно. В таких случаях целесообразно обратиться к последующей практике применения международного договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования, последующим соглашением между участниками относительно толкования договора или применения его положений и любым соответствующим нормам международного права, применяемым в отношениях между участниками, как это указано в пункте 3 статьи 31 ВКПМД²²⁵. Подробнее рассмотрим понятие последующей практики применения международных договоров.

Венская конвенция не содержит определения термина «последующая практика применения международного договора». Это, в том числе, стало объектом доклада «Последующая практика и последующие соглашения в отношении толкования договоров» КМП ООН. Согласно его выводам, последующая практика применения международного договора может быть, как аутентичным средством толкования, так и дополнительным²²⁶.

²²³ Современная концепция толкования международных договоров... С. 134.

²²⁴ Кузнецова С. Н. Свобода усмотрения в практике Европейского Суда по правам человека: границы допустимого и пределы уступчивости // Вестник ННГУ. 2016. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-usmotreniya-v-praktike-evropeyskogo-suda-po-pravam-cheloveka-granitsy-dopustimogo-i-predely-ustupchivosti> (дата обращения: 27.01.2024).

²²⁵ Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года (Принята 23 мая 1969 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 27.01.2024).

²²⁶ Комиссия международного права в своем комментарии к проектам статей о праве договоров определила последующую практику применения международного договора относительно его толкования как аутентичное средство толкования. Yearbook of the International Law Commission. UN Doc. A/CN.4/SER. A/1966/Add. 1. 1966. Vol. II. P. 221. URL:

Последующая практика применения международного договора как аутентичное средство толкования «... состоит из поведения в ходе применения договора после его заключения, которое устанавливает соглашение участников относительно толкования договора»²²⁷. В силу статьи 32 Венской конвенции последующая практика применения международного договора может выступать как дополнительное средство толкования и «...состоит из поведения одного или нескольких участников в ходе применения договора после его заключения»²²⁸. Её также называют другой или общей последующей практикой применения международного договора.

Для использования последующей практики применения международного договора относительно его толкования необходимо ее установить. Она может проявляться в различных формах: официальные заявления относительно толкования, дипломатическая переписка, действия и бездействие, внутригосударственные правовые акты²²⁹. Только та практика, которая отвечает требованиям статьи 31 ВКПМД, будет использоваться в качестве средства толкования применимого договора. Стоит отметить, что в деле *Mexico v. United States of America* третейская группа Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА) отказалась признать внутреннее право в качестве средства толкования, ссылаясь на статью 27 ВКПМД, хотя это положение запрещает ссылаться на национальное законодательство в обоснование невыполнения международного договора, но никак не в целях его толкования²³⁰. Таким образом, выявление и обоснование

https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_1_1966.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

²²⁷ Draft conclusions on subsequent agreements and subsequent practice in relation to the interpretation of treaties, with commentaries. UN Doc. A/73/10. 2018. Para. 16. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_11_2018.pdf (дата обращения: 21.12.2023).

²²⁸ Ibid. Para 17.

²²⁹ Ibid. Para 18.

²³⁰ Cross-border Trucking Services (*Mexico v. United States of America*), NAFTA Arbitral Panel Final Report, № USA-MEX-98-2008-01. 2001. Para. 224. URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-in-the-matter-of-cross-border-trucking-services-final-report-of-the-panel-tuesday-6th-february-2001#decision_25072 (дата обращения: 21.12.2023).

последующей практики применения международного договора относительно его толкования имеет основополагающее значение также и для стороны, ссылающейся на данную последующую практику применения международного договора в поддержку своего толкования.

Однако применение договора не обязательно означает, что оно является единственно возможным с юридической точки зрения. Более того, поведение должно быть мотивировано договорным обязательством, чтобы подпадать под действие статей 31-32 ВКПМД. Таким образом, последующая практика применения международного договора, противоречащая договорным обязательствам, выходит за рамки указанных положений.

Последующая практика применения международного договора относительно его толкования согласно пункту 3 (b) статьи 31 ВКПМД должна относиться к применению договора и устанавливать согласие относительно его толкования. Между понятиями «толкование» и «применение» в пункте 3 (b) статьи 31 ВКПМД не имеется строго определенной взаимосвязи. Толкование представляет собой процесс прояснения смысла договора, в том числе одного или нескольких его положений. Применение включает в себя поведение, которым осуществляются предусмотренные договором права или полностью или частично выполняются обязательства по нему. Толкование означает умственный процесс, а применение заключается в первую очередь в фактическом поведении. По мнению КМП ООН с этой точки зрения эти два понятия могут быть отграничены друг от друга и могут служить разным целям пункта 3 (b) статьи 31 ВКПМД, однако при этом они тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга: не каждое толкование подразумевает применение договора (например, доктринальное, неофициальное толкование); но применение всегда включает элемент толкования данного договора²³¹.

²³¹ Draft conclusions on subsequent agreements and subsequent practice in relation to the interpretation of treaties, with commentaries. UN Doc. A/73/10. 2018. Para. 20. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_11_2018.pdf (дата обращения: 21.12.2023).

Последующая практика применения международного договора включает в себя любое поведение стороны при применении данного договора относительно его толкования, будь то при осуществлении своих исполнительных, законодательных, судебных или иных функций. Как упомянуто выше, поведение может выражаться в действиях или бездействии. Осуществление государственных функций – это то, что определяет последующую практику применения международного договора государствами. Таким образом, поведение частных субъектов с делегированными государственными полномочиями также может представлять собой поведение при применении договора²³².

Однако стоит отметить, что уместность молчания или бездействия в значительной степени зависит от обстоятельств конкретной ситуации, поскольку правило заключается не в том, что молчание подразумевает молчаливое согласие, а скорее в том, что в конкретной ситуации, в которой было ясно, что требуется реакция, такой реакции не последовало. Такую позицию заняли также государства, которые дали свои комментарии к докладу КМП ООН «Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров»²³³.

Последующая практика применения международного договора относительно его толкования должна обязательно быть логичной, повторяющейся на протяжении длительного времени и согласованной сторонами, чтобы в процессе судебного толкования ОМП признавали ее релевантным средством толкования. Обращаясь к последующей практике применения международного договора, которая устанавливает соглашение сторон относительно его толкования в соответствии с пунктом 3(b) статьи 31

²³² Доклад Комиссии международного права: шестьдесят восьмая сессия (2 мая – 10 июня и 4 июля – 12 августа 2016 года) // Ежегодник Комиссии международного права, 2016. Т. II. С. 179. URL: https://legal.un.org/ilc/reports/2016/russian/a_71_10.pdf (дата обращения: 21.12.2023).

²³³ Комментарии правительств Беларуси, Нидерландов, Узбекистана и Соединенных Штатов Америки. См.: Comments by Governments: 70th session of the International Law Commission (2018) // Subsequent agreements and subsequent practice in relation to interpretation of treaties. URL: https://legal.un.org/ilc/guide/1_11.shtml#govcoms (дата обращения: 21.12.2023).

ВКПМД, ОМП развивают два основных подхода. Один из них поддерживается Апелляционным органом ВТО, который требует согласованной и последовательной практики применения. В деле *Japan — Taxes on Alcoholic Beverages* указывается на то, что в целях толкования может использоваться только та последующая практика применения международного договора, которая устанавливает соглашение сторон относительно толкования положений договора, а не любая последующая практика применения международного договора одной или нескольких сторон²³⁴. Апелляционный орган ВТО повторил в деле *US — Gambling*, что установление последующей практики применения международного договора по смыслу пункта 3(b) статьи 31 Венской конвенции включает в себя два элемента: должны иметь место логичные, повторяющиеся во времени и согласованные действия и заявления; эти действия или заявления должны подразумевать соглашение о толковании положений договора²³⁵. Второй, более гибкий, применяется МС ООН, практика которого свидетельствует о том, что последующая практика применения международного договора, несоответствующая критериям статьи 31 ВКПМД, может быть также релевантным средством толкования в некоторых случаях²³⁶.

Общая последующая практика применения международного договора в качестве средства толкования в соответствии со статьей 32 ВКПМД также должна быть логичной и последовательной, но может не достигать соглашения всех сторон относительно толкования договора. В таком случае,

²³⁴ Japan – Taxes on Alcoholic Beverages – AB-1996-2 – Report of the Appellate Body. 1996. P. 14. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/8ABR.pdf&Open=True> (дата обращения: 21.12.2023).

²³⁵ United States – Measures Affecting the Cross-Border Supply of Gambling and Betting Services – AB-2005-1 – Report of the Appellate Body. 2005. Para. 192. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/285ABR.pdf&Open=True> (дата обращения: 21.12.2023).

²³⁶ Kasikili/Sedudu Island (Botswana/Namibia), Judgment, I.C.J. Reports 1999, para. 80. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/98/098-19991213-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).

учитывается последующая практика применения международного договора одной или нескольких сторон.

Последующая практика применения международного договора и объект и цель международного договора могут быть тесно взаимосвязаны. В этой связи последующая практика применения международного договора используется для определения объекта и цели международного договора в первую очередь²³⁷. Например, в деле *Maritime Delimitation in the Area Between Greenland and Jan Mayen* главный вопрос заключался в том, применим ли двусторонний договор между Данией и Норвегией, в котором определены принципы делимитации границ континентального шельфа между ними ко всем таким границам, включая границы между их отдаленными территориями, а именно датской Гренландией и норвежским островом Ян-Майен к северу от Исландии. Несмотря на общий характер положения, относящегося к районам континентального шельфа, на разведку и эксплуатацию которых Дания и Норвегия имеют суверенные права, МС ООН сделал следующий вывод: то, что в их соглашении конкретно определены точки на границе в Северном море, в сочетании с тем, каким образом оба государства применяли Конвенцию о континентальном шельфе, показывает, что объектом и целью двустороннего соглашения было достижение делимитации континентального шельфа в Северном море, и что стороны не могли иметь в виду возможность делимитации шельфа между Гренландией и островом Ян-Майен²³⁸. В деле *Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria* Суд постановил:

²³⁷ Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970), Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1971, para. 53. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/53/053-19710621-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 21.12.2023); Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004, para. 109. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/131/131-20040709-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 21.12.2023); Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America), Preliminary Objections, Judgement, I.C.J. Reports 1996, para. 27. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/90/090-19961212-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).

²³⁸ Case concerning Maritime Delimitation in the Area between Greenland and Jan Mayen (Denmark v. Norway), Judgement, I.C.J. Reports 1993, para. 27. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/78/078-19930614-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).

«Из текстов договоров и практики, проанализированных в пунктах 64 и 65 выше, следует, что Комиссия по бассейну озера Чад является международной организацией, осуществляющей свои полномочия в пределах определенного географического района; однако ее целью не является урегулирование на региональном уровне вопросов, касающихся поддержания международного мира и безопасности, и, таким образом, она не подпадает под действие главы VIII Устава ООН»²³⁹.

Дж. Фицморис назвал этот метод определения объекта и цели международного договора с учетом последующей практики применения международного договора его сторонами «возникающей целью» (*emergent purpose*), «в соответствии с которой объект и цель... могут изменяться или, скорее, развиваться по мере накопления опыта в применении конвенции»²⁴⁰. Он противопоставил этот подход субъективному подходу, который восходит к первоначальным намерениям сторон международного договора. Дж. Фицморис утверждал, что использование последующей практики применения международного договора является основным средством, которым толкователь может ссылаться на объект или возникающую цель. Толкование термина «совпадающее голосование» в консультативном заключении по Намибии основывалось главным образом на последующей практике Совета Безопасности ООН²⁴¹. В консультативном заключении *Certain Expenses of the United Nations* МС ООН сослался на практику Генеральной Ассамблеи ООН²⁴². Эти примеры показывают, что доктрина возникающей цели использовалась

²³⁹ Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 1998, para. 67. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/94/094-19980611-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).

²⁴⁰ Crnic-Grotic V. Object and purpose of treaties in the Vienna Convention on the Law of Treaties// Asian Yearbook of International Law. Leiden, The Netherlands: Brill | Nijhoff, 1997. P. 156. URL: https://doi.org/10.1163/9789004400665_008 (дата обращения 21.12.2023).

²⁴¹ Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970), Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1971, para. 22. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/53/053-19710621-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).

²⁴² Certain Expenses of the United Nations, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1962, p. 160. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/49/049-19620720-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).

главным образом в контексте международных организаций и что это имеет некоторое сходство с доктриной подразумеваемых полномочий (Implied powers)²⁴³. Однако вполне возможно, что доктрина возникающей цели может также применяться вне контекста международных организаций.

Эволютивное толкование не является отдельным методом толкования, а скорее результатом применения средств толкования, закрепленных в статье 31 ВКПМД. Поэтому уместно утверждать, что последующая практика применения международного договора играет важную роль в тех спорах, в которых ОМП признавали и практиковали эволютивное толкование. Например, в консультативном заключении по Намибии МС ООН сослался на практику применения Устава ООН, чтобы конкретизировать выводы, которые он сделал из эволютивного толкования права на самоопределение. В деле *Aegean Sea Continental Shelf* МС ООН определил «обычный, обобщенный смысл» термина «территориальный спор» («любые вопросы, которые должным образом следует рассматривать как относящиеся к целостности и правовому режиму территории государства»). Свое определение он подтвердил последующей практикой применения Общего акта о мирном разрешении международных споров от 26 сентября 1928 г.²⁴⁴.

Международное право предусматривает различные способы установления согласия сторон относительно толкования договора. Один из таких способов – проведение переговоров и достижение общего понимания относительно толкования международного договора. Это может происходить в рамках международных организаций, международных конференций, дипломатических переговоров, консультаций между правительствами и в других формах взаимодействия между договаривающимися сторонами. Кроме

²⁴³ Лебединец И.Н. К вопросу о подразумеваемой компетенции международных организаций // Актуальные проблемы российского права. 2016. №2 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-podrazumevaemoy-kompetentsii-mezhdunarodnyh-organizatsiy> (дата обращения: 23.01.2024).

²⁴⁴ *Aegean Sea Continental Shelf (Greece v Turkey)*, Judgment, I.C.J. Reports 1978, para. 74. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/62/062-19781219-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

того, стороны могут обратиться к ОМП для толкования международного договора. Эти органы могут дать окончательное толкование договора, которое будет обязательным для сторон, обратившимся за заключением.

Важно отметить, что установление согласия относительно толкования договора в международном праве имеет принципиальное значение, поскольку от этого зависит определение правомерности действий сторон и исполнения ими обязательств, предусмотренных международным договором.

Статья 31 Венской конвенции не содержит конкретных ограничений в отношении формы, в которой может быть выражено «соглашение» сторон для использования последующей практики применения международного договора в качестве средства толкования.

Письменная форма. Наиболее очевидными формами общего понимания являются письменные проявления соглашения, такие как дополнительные меморандумы о взаимопонимании. Однако даже письменные документы должны быть тщательно проанализированы на предмет того, выражают ли они общее понимание по какому-либо правовому вопросу или просто отражают политическое соглашение. Примером трудности подобного рода является Соглашение о взаимопонимании по туристической деятельности в пограничной зоне реки Сан-Хуан между министрами туризма Коста-Рики и Никарагуа²⁴⁵.

Единообразная практика. Общее соглашение также может быть выражено посредством единообразной практики. Например, в деле *Temple of Preah Vihear* МС ООН постановил, что Таиланд и Франция «своим поведением признали линию [французской карты] и тем самым фактически согласились считать ее пограничной линией», поскольку Таиланд на протяжении пятидесяти лет продолжал пользоваться преимуществами Мирного договора

²⁴⁵ Dispute regarding Navigational and Related Rights (Costa Rica v. Nicaragua), Judgment, Separate Opinion of Judge Skotnikov, I.C.J. Reports 2009, para. 9-10. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/133/133-20090713-JUD-01-02-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

1904 года, не выражая протеста, и потому Таиланд не может отрицать, что он был согласившейся с такой практикой стороной²⁴⁶. Таким образом, МС ООН подтвердил, что последующая практика применения международного договора, чтобы предоставить достаточные доказательства общего понимания между сторонами, должна быть единообразной на протяжении длительного времени²⁴⁷.

Параллельная или скоординированная практика. Еще одна возможность выражения общего понимания заключается в параллельной или скоординированной практике. Она имеет место, например, когда два государства предоставляют нефтяные концессии независимо друг от друга таким образом, что можно предположить, что они тем самым неявно признают определенное прохождение границы в морском районе. Так, в деле *Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria*, Суд заявил, что нефтяные концессии «могут приниматься во внимание», если они «основаны на явно выраженном или молчаливом соглашении между сторонами»²⁴⁸. Противоположное решение было принято в деле *Pulau Ligitan/Pulau Sipadan*, когда МС ООН не признал обоюдное предоставление нефтяных концессий отражающим молчаливое соглашение, так как скоординированная практика сторон проводилась потому, что «вскоре после этого должны были начаться

²⁴⁶ Case concerning the Temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand), Merits, Judgment of 15 June 1962: I.C.J. Reports 1962, p. 33. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/45/045-19620615-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

²⁴⁷ Reservations to the Convention on Genocide, Advisory Opinion: I.C.J. Reports 1951, p. 14-15. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/12/012-19510528-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024). ; Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1984, para. 43. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/70/070-19841126-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

²⁴⁸ Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria (Cameroon v. Nigeria: Equatorial Guinea intervening), Judgment, I.C.J. Reports 2002, para. 304. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/94/094-20021010-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

переговоры между Индонезией и Малайзией с целью делимитации континентального шельфа»²⁴⁹.

Молчание или бездействие. На практике наиболее важный вопрос, связанный с выявлением соглашения сторон, касается роли молчания или бездействия. КМП ООН имплицитно признала возможность того, что соглашение сторон может частично проявляться в молчании или бездействии, когда она объясняла, почему было использовано выражение «понимание сторон» в проекте пункта 3(b) статьи 27 (позже стал пунктом 3(b) статьи 31 ВКПМД), а не выражение «понимание всех сторон: «Считалось, что фраза «взаимопонимание сторон» обязательно означает «стороны в целом». В ней опущено слово «всех» для того, чтобы избежать любого возможного неправильного представления о том, что каждая сторона должна участвовать в практике, когда достаточно того, чтобы она эту практику приняла»²⁵⁰. Однако принятие последующей практики применения международного договора путем молчания или бездействия, которое отражало бы необходимое общее понимание, устанавливается нелегко, поскольку сначала необходимо определить, требует ли сама ситуация явной реакции, а молчание означает непринятие практики; либо ситуация предусматривает молчаливое принятие конкретной практики применения договора, если нет явного протеста сторон против.

Молчание в отношении внутригосударственной практики. Последующая практика применения международного договора его одной стороной, которая остается внутренней и по этой причине остается неизвестной другой стороне, не может быть основой для общего понимания,

²⁴⁹ Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia v. Malaysia), Judgment, I.C.J. Reports 2002, para. 79. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/102/102-20021217-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

²⁵⁰ Yearbook of the International Law Commission. UN Doc. A/CN.4/SER. A/1966/Add. 1. 1966. Vol. II. P. 222. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_1_1966.pdf (дата обращения: 21.12.2023).

вытекающего из молчания этой другой стороны²⁵¹. Однако вопрос заключается в том, при каких обстоятельствах определенную практику следует считать внутренней и когда можно ожидать, что другое государство примет к сведению такую практику и отреагирует на неё.

Одним из важных вопросов, возникающих в этом контексте, является вопрос о значении внутригосударственных нормативных актов и процедур как индикатора позиции участника международного договора. Хотя такие документы и процедуры в основном являются публичными, они не обязательно доводятся до сведения других участников международного договора. ОМП в прошлом ссылались на такие документы в первую очередь для того, чтобы продемонстрировать, какую позицию заняла та или другая сторона²⁵². В деле *Pulau Ligitan/Pulau Sipadan* рассматривался случай, когда карта с указанием определенной пограничной линии была включена в пакет документов для ратификации международного договора в Нидерландах. Хотя британский дипломат передал эту карту вместе с другими документами своему правительству, обратив на неё внимание, тем не менее, Суд постановил: «Однако сэр Гораций Рамболд не обратил внимания своих властей на красную линию, проведенную на карте среди остальных линий. Британское правительство никак не отреагировало. В этих обстоятельствах такое отсутствие реакции на эту линию на карте, не может рассматриваться как молчаливое согласие с этой линией»²⁵³. Такое бездействие имеет место быть, поскольку внутригосударственная практика, хотя и публичная, не была адресована другой стороне, и нельзя было ожидать, что другая сторона примет её к сведению.

²⁵¹ Kasikili/Sedudu Island (Botswana/Namibia), Judgment, I.C.J. Reports 1999, para. 54. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/98/098-19991213-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).

²⁵² Case concerning Maritime Delimitation in the Area between Greenland and Jan Mayen (Denmark v. Norway), Judgment, I.C.J. Reports 1993, para. 29. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/78/078-19930614-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).

²⁵³ Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia v. Malaysia), Judgment, I.C.J. Reports 2002, para. 48. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/102/102-20021217-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

Молчание в отношении поведения, не требующего реакции. Когда сторона своим поведением выражает определенную позицию относительно толкования международного договора, как правило, оно не требует реакции других сторон. Таким образом, в деле *Kasikili/Sedudu Island* МС ООН постановил, что государство, которое не отреагировало на выводы совместной комиссии экспертов, которой стороны поручили определить конкретную фактическую ситуацию в отношении спорного вопроса, тем самым не дало повода для вывода о том, что соглашение было достигнуто в отношении данного спора. Это произошло потому, что стороны рассматривали работу экспертов как подготовительный этап к отдельному решению, которое впоследствии будет принято на политическом уровне²⁵⁴.

Молчание как составляющее соглашения сторон. С другой стороны, «когда ясно, что обстоятельства требуют определенной реакции в течение определенного периода»²⁵⁵, государство, столкнувшееся с определенной последующей практикой применения международного договора его другой стороной и не отреагировавшее на него, должно считаться молчаливо согласившимся. Этот момент был подтвержден в ряде решений органов международного правосудия²⁵⁶.

Роль молчания для установления соглашения сторон была четко разъяснена в арбитражном решении по делу *Beagle Channel*. После того, как он вывел границы толкования международного договора с помощью других

²⁵⁴ *Kasikili/Sedudu Island (Botswana/Namibia)*, Judgment, I.C.J. Reports 1999, para. 65-68. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/98/098-19991213-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).

²⁵⁵ *Case concerning the Temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand)*, Merits, Judgment of 15 June 1962: I.C.J. Reports 1962, p. 23. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/45/045-19620615-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

²⁵⁶ *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1984, para. 39. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/70/070-19841126-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024); *Case concerning the Arbitral Award made by the King of Spain on 23 December 1906 (Honduras v. Nicaragua)*, I.C.J. Reports 1960, p. 209. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/39/039-19601118-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024); *Dispute between Argentina and Chile concerning the Beagle Channel*, Award of 18 February 1977, Reports of International Arbitral Awards, vol. XXI, para. 168, 169. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_xxi/53-264.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

средств толкования, трибунал рассмотрел утверждение Аргентины о том, что юрисдикционные акты Чили в отношении некоторых островов не могли быть расценены как соответствующая последующая практика применения международного договора, поскольку Аргентина никак не отреагировала на них. Однако трибунал постановил: «Суд не может согласиться с утверждением о том, что никакое последующее поведение, включая юрисдикционные акты, не может иметь доказательной силы в качестве вспомогательного средства толкования, если оно не представляет собой официально признанное «соглашение» между сторонами. Условия Венской конвенции не определяют способы, которыми может проявляться соглашение. Доказательства подтверждают мнение о том, что юрисдикционные акты были публичными и хорошо известными Аргентине и что они могли основываться только на договоре. В этих обстоятельствах молчание Аргентины позволяет сделать вывод о том, что акты подтверждали толкование значения международного договора»²⁵⁷.

В контексте международно-правовых последствий поведения государств Р.А. Каламкрян отмечает, что «поведение государства можно рассматривать в международно-правовом смысле в форме прогрессирующего по времени проявления государственной воли»²⁵⁸. Более того ученый указывает, что «пассивное поведение государства, выражающееся в его длительном бездействии, следует рассматривать как молчаливое согласие каждый раз, когда логически можно было ожидать поступления дипломатического протеста со стороны данного государства против активных

²⁵⁷ Dispute between Argentina and Chile concerning the Beagle Channel, Award of 18 February 1977, Reports of International Arbitral Awards, vol. XXI, para. 169. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_xxi/53-264.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

²⁵⁸ Каламкрян Р.А. Юридические последствия правомерного поведения государств / Р. А. Каламкрян; Отв. ред. В. И. Менжинский; АН СССР, Ин-т государства и права. - Москва: Наука, 1987. С. 26.

действий противоположной стороны»²⁵⁹. Того же мнения придерживались и некоторые западные ученые²⁶⁰.

Следует рассмотреть и последствия, к которым может привести использование последующей практики применения международного договора в качестве средства толкования.

Последующая практика применения международного договора, как и другие средства толкования, может иметь разные последствия для толкования договора, которая заключается в использовании единой комбинации различных средств толкования в каждом конкретном случае. Учет последующей практики применения международного договора в силу статей 31 и 32 ВКПМД может, таким образом, способствовать уточнению смысла договора в контексте конкретизации возможных смыслов определённого термина, положения или сферы действия договора в целом. В ином случае такой их учет может способствовать расширительному толкованию. Наконец, она может способствовать уяснению диапазона юридически приемлемых результатов толкования.

Также возникает вопрос о возможности или невозможности вносить изменения в договор посредством последующей практики применения международного договора.

Часть IV «Поправки к договорам и изменение договоров» ВКПМД, включающая в себя статьи 39-41, содержит нормы, касающиеся общего правила внесения поправок в международные договоры, внесения поправок в многосторонние международные договоры, соглашений об изменении многосторонних договоров только во взаимоотношениях между определенными участниками.

При детальном изучении соответствующих статей ВКПМД о внесении поправок и об изменении международных договоров, становятся очевидными

²⁵⁹ Там же. С. 77.

²⁶⁰ См.: Cavaglieri A.A. Regles generales du droit de la paix// RdC. 1929. №1. P. 513; Anzilotti D. Cours de droit international. P., 1929. P.344.

некоторые пробелы в регулировании этого процесса: положения затрагивают только многосторонние международные договоры, не указываются конкретная форма и процедура изменения, ВКПМД не закрепляет определения и пределы терминов «поправка», «изменение», «пересмотр». По-видимому, это связано с тем, что ВКПМД кодифицировала существующие обычные нормы права международных договоров, создав конвенционные международно-правовые рамки регулирования соответствующих международных отношений, внутри которых центральное место занимает согласование воль государств²⁶¹. Как правило, на этапе переговоров и консультаций государства согласовывают свои позиции относительно объема прав и обязательств, в результате чего, помимо прочего, в самом международном договоре закрепляется конкретная форма и процедура внесения изменений. В случае внесения изменений в двусторонние международные договоры действует статья 39 ВКПМД; если форма и процедура не предусмотрены самим международным договором, стороны посредством переговоров приходят к консенсусу.

В отсутствие в Венской конвенции определения понятий поправка, изменение, пересмотр, ООН разработала словарь терминов, относящихся к договорным действиям. Так, согласно ему, понятие «поправка» относится к официальному изменению положений договора, затрагивающему всех участников конкретного соглашения. Такие изменения должны сопровождаться соблюдением тех же формальных процедур, которые имели место при первоначальном заключении договора. Многие многосторонние договоры содержат процедурные условия, которые должны быть выполнены для принятия поправок. При отсутствии таких положений для внесения изменений требуется согласие всех участников международного договора²⁶².

²⁶¹ Современная концепция толкования международных договоров... С. 75.

²⁶² United Nations Glossary of terms relating to Treaty actions // United Nations Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/pages/overview.aspx?path=overview/glossary/page1_en.xml#amendment (дата обращения 21.12.2023).

Согласно Глоссарию ООН, понятие «изменение» относится к изменению определенных положений международного договора только в отношениях между отдельными участниками международного договора, в то время как в их отношениях с другими участниками первоначальные положения международного договора остаются применимыми. Если в договоре не говорится о внесении изменений, они допускаются только в том случае, если эти изменения не затрагивают права или обязательства других участников договора и не противоречат объекту и целям договора²⁶³.

Пересмотр, по сути, имеет то же значение, что и внесение поправок. Однако некоторые международные договоры предусматривают пересмотр в дополнение к внесению поправок (например, статья 109 Устава ООН). В этом случае термин «пересмотр» относится к принятию фактически нового международного договора с учетом изменившихся обстоятельств, тогда как термин «поправка» означает изменение его отдельных положений²⁶⁴.

Отечественный учёный профессор А.Н. Талалаев считал, что изменение международного договора означает заключение соглашения между двумя или несколькими участниками международного договора с целью изменить некоторые его положения *inter se*²⁶⁵. Однако он не упомянул, в какой форме должно заключаться это соглашение.

Также, под поправками профессор А.Н. Талалаев имел виду «формальные дополнения к международному договору, призванные изменить положения договора между всеми его участниками»²⁶⁶, а пересмотр – коренное изменение договора в целом²⁶⁷.

По мере изменения приоритетов государств международное право подвержено эволюции для эффективного регулирования межгосударственных

²⁶³ Ibid.

²⁶⁴ Ibid.

²⁶⁵ Талалаев А.Н. Право международных договоров: Действие и применение договоров / А. Н. Талалаев. - Москва: Междунар. отношения, 1985. С. 168.

²⁶⁶ Там же. С. 174.

²⁶⁷ Там же. С. 184.

отношений. Это означает, что международные договоры должны быть модернизированы с учетом текущей международной политической повестки, технологических достижений, меняющихся экономических и социальных интересов государств, увеличения числа международных институтов, а также прогрессирующих моральных государственных концепций. В то же время государства могут иметь многополярные политические и экономические интересы, что затрудняет достижение заключения новых международных договоров по ряду вопросов, требующих международно-правового регулирования. Эти факторы делают формальные процедуры внесения поправок в международные договоры, особенно в случае многосторонних договорных режимов, чрезвычайно обременительными, если не неосуществимыми, что, в свою очередь, затрудняет адаптацию международных договоров и их дальнейшее выполнение с течением времени. В экстремальной ситуации внесение изменений в международные договоры может быть необходимо для предотвращения нежелательного разрыва договорных отношений, например, путем применения клаузулы *rebus sic stantibus*²⁶⁸.

Таким образом, устранение неопределенностей положений международного договора и их изменение в свете изменившихся обстоятельств могут быть достигнуты с помощью последующей практики применения международного договора. Кроме того, статья 39 ВКПМД не запрещает возможность вносить изменения в международный договор его последующей практикой применения международного договора.

Последующая практика применения международного договора хорошо зарекомендовала себя как средство толкования международных договоров. Однако она иногда настолько отличается от положений международного договора, что о ней уже нельзя говорить как об акте толкования

²⁶⁸ Ромашев Ю.С. Клаузула *rebus sic stantibus* в праве международных обычаев // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. №4. С. 199. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klauzula-rebus-sic-stantibus-v-prave-mezhdunarodnyh-obychaev> (дата обращения 21.12.2023).

международного договора путем его применения участниками, а скорее, как об акте внесения изменений. Такая противоречивая последующая практика применения международного договора потенциально может также привести к появлению международного обычая как источника новых юридических обязательств, что является отдельным вопросом теории международного права и заслуживает отдельного рассмотрения.

Чтобы понять разницу между толкованием и изменением международного договора, можно применить подход Г. Кельзена к «рамкам» или пределам правовой нормы²⁶⁹. Определение одного из её возможных значений, которое остается в этих «рамках» – толкование, тогда как любое применение, выходящее за эти рамки, приводит к изменению правовой нормы. Однако следует отметить, что этот подход не проясняет, сужает ли первоначальное толкование сферу действия правовой нормы таким образом, что любое иное последующее толкование фактически равнозначно изменению²⁷⁰.

В контексте права международных договоров различие между толкованием и изменением сопоставимо с различием между оговорками и заявлениями о толковании. В отличие от толкования, изменение международного договора вряд ли может быть оставлено на усмотрение неофициальных соглашений, поскольку поправка должна приниматься такой же процедурой, что и международный договор, или как это предусмотрено в самом международном договоре. Последующая практика применения международного договора, однако, не может изменить текст международного договора, а скорее права и обязательства, вытекающие из него, при условии, что эта практика принята сторонами и не нарушает объект и цели международного договора.

²⁶⁹ Кельзен Г. Чистое учение о праве... С. 424.

²⁷⁰ Dispute regarding Navigational and Related Rights (Costa Rica v. Nicaragua), Judgment, I.C.J. Reports 2009, para. 64. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/133/133-20090713-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

Это объясняет, почему статья 38 Проекта статей о праве международных договоров, представленного КМП ООН, не была принята государствами на Венской конференции. В этом проекте статьи предусматривалось, что «международный договор может быть изменен в результате последующей практики применения международного договора, устанавливающей соглашение сторон об изменении его положений»²⁷¹.

Согласно комментарию к ней, статья должна была охватывать «случаи, когда стороны по общему согласию фактически применяют международный договор таким образом, который не предусмотрен его положениями»²⁷². Соответственно, КМП ООН провела различие между изменением и толкованием с помощью последующей практики применения международного договора – первое из них рассматривалось в проекте статьи 38, а второе – в проекте статьи 27 (в настоящее время статья 31 ВКПМД). Однако на Венской конференции Венесуэла, Финляндия, Республика Вьетнам и Япония предложили исключить проект статьи 38. Эта поправка была внесена в результате голосования, в результате которого она была принята 53 голосами «за», 15 – «против», 26 воздержались. Голоса были весьма разнообразными, поскольку такие государства, как Союз Советских Социалистических Республик, Великобритания, Соединенные Штаты Америки, Федеративная Республика Германия и Лихтенштейн, проголосовали за исключение проекта статьи, а Австрия, Италия, Швейцария, Аргентина высказались за ее сохранение²⁷³. Тем не менее, большинство государств выразили явное нежелание признавать возможность изменения международного договора последующей практикой применения международного договора. Таким

²⁷¹ Доклады Комиссии международного права о второй части ее семнадцатой сессии 3-28 января 1966 года и о ее восемнадцатой сессии 4 мая-19 июля 1966 года. Двадцать первая сессия. Дополнение № 9 (A/6309/Rev. 1). Том I. С. 50. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/russian/reports/a_cn4_191.pdf (дата обращения 21.12.2023).

²⁷² Там же. С. 239.

²⁷³ United Nations Conference on the Law of Treaties: First and second sessions Vienna, 26 March - 24 May 1968 and 9 April - 22 May 1969 official records, A/CONF.39/11, New York: United Nations, 1971. P. 158, para. 342-348. URL: https://treaties.un.org/doc/source/docs/A_CONF.39_11_Add.2-E.pdf (дата обращения 21.12.2023).

образом, в настоящее время последующая практика применения международного договора закреплена только в пункте 3 (b) статьи 31 ВКПМД в контексте толкования международных договоров.

Тем не менее, существуют отдельные случаи, которые указывают на обратное, поскольку в некоторых судебных и арбитражных решениях признается возможность изменения международного договора в ходе последующей практики применения международного договора. К ним относятся консультативное заключение МС ООН по Намибии²⁷⁴, решение Комиссии по установлению границы между Эритреей и Эфиопией²⁷⁵, дело Серинг (Soering) против Соединенного Королевства²⁷⁶ и дело Абдулла Оджалан против Турции²⁷⁷. Например, ЕСПЧ признал возможность изменения международного договора последующей практикой применения государствами-членами Совета Европы пункта 1 статьи 2 ЕКПЧ, так как они полностью исключили смертную казнь, либо ввели мораторий на нее²⁷⁸. По мнению профессора Дж. Арато, эти случаи можно рассматривать как свидетельство существования нормы обычного права или иного толкования статьи 31 Венской конвенции, которое заслуживает отдельного научного исследования²⁷⁹.

²⁷⁴ Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970), Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1971, para. 21. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/53/053-19710621-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).

²⁷⁵ Decision regarding delimitation of the border between Eritrea and Ethiopia, Award of 13 April 2002, Reports of International Arbitral Awards, vol. XXV, para. 3.29. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_xxv/83-195.pdf (дата обращения: 21.12.2023).

²⁷⁶ См.: Soering v. United Kingdom, Judgment of the ECtHR of 7 July 1989, Application No. 14038/88. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-57619%22%7D> (дата обращения: 21.12.2023).

²⁷⁷ См.: Öcalan v Turkey, Judgment of the ECtHR of 12 March 2003, Application No. 46221/99. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-186703%22%7D> (дата обращения: 21.12.2023).

²⁷⁸ Al-Saadoon and Mufdhi v. United Kingdom. Judgment of the ECtHR of 2 March 2010, Application No. 61498/08, para 120. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-97575> (дата обращения: 21.12.2023); Hassan v. United Kingdom, Judgment of the ECtHR of 16 September 2014, Application No. 29750/09. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-146501> (дата обращения: 21.12.2023).

²⁷⁹ Arato. J. Subsequent Practice and Evolutive Interpretation: Techniques of Treaty Interpretation over Time and their Diverse Consequences // IILJ Emerging Scholars Paper. New York University School of Law: Institute for International Law and Justice, 2011. URL: <https://iilj.org/wp-content/uploads/2016/08/Arato-Subsequent-Practice-and-Evolutive-Interpretation-2011.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).

В деле *Navigational and Related Rights* МС ООН установил, что «последующая практика участников по смыслу пункта 3(b) статьи 31 ВКПМД может привести к отклонению от первоначального намерения на основе молчаливого согласия участников»²⁸⁰. Притом не вполне ясно, означает ли, что Суд признал, что последующая практика применения международного договора в соответствии с пунктом 3(b) статьи 31 ВКПМД может также иметь своим следствием внесение поправки или изменения в договор или же он всего лишь высказался по поводу толкования договоров в случаях, когда первоначальное намерение участников неоднозначно. Другие споры, в которых МС ООН поднимал вопрос о возможном изменении в силу последующей практики применения международного договора его участниками, связаны с договорами о границах²⁸¹.

Апелляционный орган ВТО в целом не признает внесение изменений в договоры посредством толкования и последующей практики применения международного договора²⁸². Однако в истории ВТО были прецеденты внесения изменений в Соглашение ВТО последующей практикой применения международного договора. Например, решение о приеме в организацию новых членов в силу пункта 2 статьи XII Марракешского соглашения должно приниматься большинством государств-членов. На практике это случилось

²⁸⁰ Dispute regarding Navigational and Related Rights (Costa Rica v. Nicaragua), Judgment, I.C.J. Reports 2009, para. 64. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/133/133-20090713-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

²⁸¹ Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria (Cameroon v. Nigeria: Equatorial Guinea intervening), Judgment, I.C.J. Reports 2002, para. 68. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/94/094-20021010-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024); Case concerning the Temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand), Merits, Judgment of 15 June 1962: I.C.J. Reports 1962, p. 6. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/45/045-19620615-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

²⁸² European Communities – Customs Classification of Frozen Boneless Chicken Cuts – AB-2005-5 – Report of the Appellate Body. 2005. Para 273. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/286ABR.pdf&Open=True> (дата обращения: 27.01.2024); European Communities – Regime for the Importation, Sale and Distribution of Bananas, Second Recourse to Article 21.5 of the DSU by Ecuador (EC – Bananas III), Second Recourse to Article 21.5, WT/DS27/AB/RW2/ECU Corr.1, WT/DS27/AB/RW/USA Corr.1, para 383, 390. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/27abrw_e.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

один раз при вступлении в ВТО первого государства-члена – Эквадора. Во всех последующих случаях решения принимались консенсусом²⁸³.

В случае ВТО, А.С. Исполинов справедливо отмечает, что «уникальным в этом отношении [изменение международного договора последующей практикой применения международного договора] является опыт преобразования договора ГАТТ 1947 г. в де-факто международную организацию. Первоначально планировалось, что ГАТТ 1947 г. будет действовать лишь до вступления в силу устава Международной торговой организации (МТО). Однако после того, как администрации США не удалось убедить конгресс ратифицировать этот устав, оказалось, что ГАТТ 1947 г. остался единственным согласованным документом, регулирующим международную торговлю. Государства совершенно не смутило даже то, что ГАТТ 1947 г. начал применяться на основании отдельного Протокола о временном применении (Protocol of Provisional Application), а не в порядке, предусмотренном ст. XXVI (о вступлении договора в силу). Статья XXVI так и не была реализована на практике, и ГАТТ 1947 г. действовал вплоть до создания ВТО в 1995 г., имея в основе только этот Протокол о временном применении, подписанный первоначально всего восемью государствами. Последующее расширение состава участников ГАТТ происходило за счет присоединения государств (более 100!) именно к этому протоколу. Это даже послужило поводом для горестного замечания одного из исследователей ГАТТ — ВТО о том, что «после 40 лет временного применения мир заслуживает нечто большее, чем нечто временное». Тем не менее эта хрупкая конструкция вместе с пониманием того, что все другие варианты просто недоступны или нереалистичны, послужила основанием для постепенного преобразования ГАТТ 1947 г. в де-факто международную организацию. С

²⁸³ Исполинов А. С. Роль последующей практики государств в праве международных договоров // Законодательство. 2016. № 9. С. 81. URL: https://istina.msu.ru/media/publications/article/fa3/76a/26341467/Zakonodatelstvo_No9_79_87_Ispolino_v.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

течением времени с согласия государств в ГАТТ появился неформальный секретариат, возглавляемый генеральным директором и финансируемый за счет взносов государств — сторон договора, хотя в тексте ГАТТ об этом не было ни слова»²⁸⁴.

Таким образом, для изменения международного договора последующей практикой применения международного договора необходимо установить соглашение участников международного договора относительно такой практики, чтобы она в дальнейшем смогла стать обязательной для всех сторон. Хотя государства не включили такой способ изменения международных договоров в Венскую конвенцию, последующая практика применения международного договора подпадает под действие статьи 39 ВКМПД и не является неправомерной.

Однако в научной литературе существуют и противоположные мнения о применимости последующей практики применения международного договора относительно его толкования, основанные на практике ОМП. А. Робертс считает, что причина этому — «структурные особенности» таких органов²⁸⁵. Их юрисдикции гарантируются при наличии спора между двумя или более участниками договора. Однако если стороны приходят к согласию по поводу конкретного толкования (будь то в форме последующего соглашения или, если это подразумевается самой последующей практикой применения международного договора), то здесь вряд ли может возникнуть спор по поводу этого договора. По этой причине А. Робертс указывает на вероятность того, что согласование позиций сторонами договора по поводу толкования может приниматься без участия ОМП, поскольку они не приводят к возникновению спора, требующего судебного разрешения²⁸⁶. Данное

²⁸⁴ Там же.

²⁸⁵ См.: Roberts A. Subsequent Agreements and Practice: The Battle over Interpretative Power // *Treaties and Subsequent Practice*. Oxford University Press, 2013. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID2315134_code518800.pdf?abstractid=2315134&mirid=1&type=2 (дата обращения: 27.01.2024).

²⁸⁶ Ibid.

суждение совпадает и с замечанием Ш. Мерфи о невозможности оценки значимости последующей практики применения международного договора, когда для такой оценки рассматриваются только судебные решения²⁸⁷.

Действительно, государства способны самостоятельно посредством переговоров определить, насколько последующая практика применения их международного договора релевантна для его толкования. Однако ОМП также используют последующую практику применения международного договора, свидетельствующую об общем согласованном понимании смысла его положений договаривающимися сторонами-участниками спора, либо наоборот противоречащую этому, для целей судебного толкования международного договора. Такая практика, выступающая в процессе разрешения спора в качестве средства толкования международного договора, позволяет Суду установить, существует ли факт нарушения норм, закрепленных в рассматриваемом договоре, или факт неисполнения международно-правовых обязательств одной из сторон спора. Стороны спора, в свою очередь, в целях подкрепления своих доказательств могут, среди прочего, предоставить свою практику применения международного договора, а Суд при рассмотрении поданных материалов приходит к выводу, подпадает ли эта такая практика применения договора под условия пункта 3(b) статьи 31 Венской конвенции для толкования международного договора.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить о наличии двух видов последующей практики применения международного договора как средства толкования и предложить следующие определения.

Последующая практика применения международного договора, *устанавливающая соглашение сторон относительно его толкования* – аутентичное средство толкования международных договоров, заключающееся в согласованном всеми договаривающимися сторонами и повторяющемся или

²⁸⁷ Murphy S. D. *Treaties Over Time: The Relevance of Subsequent Agreements and Practice for Treaty Law to Date and in the Future* // *Treaties and Subsequent Practice*. Oxford University Press, 2013. URL: <https://ssrn.com/abstract=2291597> (дата обращения: 27.01.2024).

непрерывном на протяжении долгого времени поведении государства или группы государств, направленном на выполнение международного договора и свидетельствующая о единообразном понимании государством или группой государств его положений.

Последующая практика применения международного договора – дополнительное средство толкования международного договора, выражающееся в несогласованном всеми договаривающимися сторонами поведении государства или группы государств при выполнении международного договора и свидетельствующая об одностороннем понимании государством или группой государств его положений.

Исследование значения и последствий последующей практики применения международного договора как средства его толкования, а также анализ судебной практики позволяет сделать следующие выводы.

При установлении последующей практики применения международного договора в целях его толкования ОМП руководствуются рядом критериев, которые позволяют определить, является ли конкретное поведение сторон достаточно репрезентативным и согласованным для доказательства общего понимания договора. Одним из ключевых критериев является последовательность действий сторон. Последующая практика применения международного договора признается релевантной только в том случае, если поведение сторон демонстрирует единообразное исполнение их договорных обязательств.

Кроме этого, важным условием является вовлечённость сторон в принятие последующей практики применения международного договора. ОМП оценивают, принимали ли участие все стороны договора в формировании такой практики либо, как минимум, выразили ли они согласие на конкретное применение. Молчаливое признание действий другим государством также может быть интерпретировано как элемент согласия, если государство-участник не высказывает явных возражений. Этот критерий позволяет учитывать практику, основанную на действиях нескольких

участников, при условии отсутствия активных возражений со стороны остальных.

Еще один критерий связан с периодом времени и непрерывностью либо повторяемостью действий. Последующая практика применения международного договора должна формироваться в течение длительного времени и быть непрерывной. Единичные действия сторон не могут быть признаны последующей практикой применения международного договора, так как их недостаточно для достижения их общего согласия.

Наконец, последующая практика применения международного договора должна соответствовать объекту и целям договора. ОМП оценивают, насколько действия сторон направлены на реализацию целей, предусмотренных договором, а также насколько эти действия свидетельствуют об их единообразном подходе к его толкованию. Таким образом, последующая практика применения международного договора не может расширять или изменять первоначальные намерения сторон в той степени, которая противоречила бы объекту международного договора. Вместе с тем если результат согласованной последующей практики применения сторонами международного договора, соответствующей его объекту, приводит к качественному или количественному изменению договорных обязательств, такая практика при толковании может выявить новые цели международного договора.

3.2. Последующая практика применения международных договоров как средство судебного толкования в интеграционных объединениях

Толкование международных договоров занимает значимое место в правоприменительной практике интеграционных объединений, таких как Европейский Союз и Евразийский экономический союз. Оно уточняет векторы функционирования этих объединений, обеспечивая единообразное применение норм и гармоничное развитие интеграционного права. Суд Европейского Союза играет ключевую роль в формировании

наднационального правопорядка ЕС, применяя телеологический метод толкования права ЕС, который ориентирован на цели и задачи интеграции²⁸⁸. Этот подход позволяет рассматривать нормы учредительных договоров ЕС как часть автономной правовой системы, а не как источник стандартных международно-правовых обязательств.

Отмеченная особенность права ЕС была подтверждена в ряде решений Суда ЕС, включая Заключение 2/13 от 18 декабря 2014 года, в котором Суд ЕС подчеркнул, что учредительные договоры ЕС установили новый правовой порядок, который отличается от обычных международных договоров²⁸⁹. Этот правопорядок обладает своими институтами, а его субъектами являются не только государства-члены ЕС, но и их граждане.

Однако автономность права ЕС не означает его полной изоляции от международного права. Суд ЕС нередко обращается к его источникам, включая ВКПМД, для заполнения пробелов в праве ЕС, хотя Венская конвенция не обязывает ЕС, поскольку не предусматривает участие межгосударственных организаций и не все государства-члены ЕС являются ее сторонами. В то же время Суд ЕС подтверждает, что Венская конвенция отражает обычные нормы международного права, которые, как таковые, обязательны для институтов ЕС и являются частью правового порядка ЕС²⁹⁰.

²⁸⁸ Дьяченко, Е. Б. Судебный активизм и методы интерпретации / Е. Б. Дьяченко // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 4. С. 115-133. DOI 10.55959/msu0130-0113-11-64-4-7.

²⁸⁹ Opinion of the Court (Full Court) of 18 December 2014. Opinion pursuant to Article 218(11) TFEU. Para. 157. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=160882&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=19472342> (дата обращения: 05.06.2024)

²⁹⁰ Judgment of the Court (Third Chamber) of 22 November 2012. Pedro Espada Sánchez and Others v Iberia Líneas Aéreas de España SA. Reference for a preliminary ruling from the Audiencia Provincial de Barcelona. Case C-410/11, para.21. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=130248&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=19460799> (дата обращения: 05.06.2024); Judgment of the Court (Fourth Chamber) of 25 February 2010. Firma Brita GmbH v Hauptzollamt Hamburg-Hafen. Reference for a preliminary ruling: Finanzgericht Hamburg - Germany. Case C-386/08, para. 42. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=72406&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=19460799> (дата обращения: 05.06.2024); Judgment of the Court of 30 November 1977. Leonce Cayrol v Giovanni Rivoira & Figli. Reference for a preliminary ruling: Tribunale civile e penale di Saluzzo - Italy. Case C-52/77, para 18. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:61977CJ0052> (дата обращения: 05.06.2024); Judgment of the Court of 5

Кроме того, Суд ЕС признает, что международное договорное право кодифицировано Венской конвенцией, и содержащиеся в ней нормы применяются к соглашениям, заключенным между государством и международной организацией²⁹¹.

Вместе с тем Суд ЕС рассматривает нормы учредительных договоров (так называемое первичное право ЕС) как составляющие автономный правовой порядок и, соответственно, не ссылается на Венскую конвенцию при толковании этих договоров, а также, в отличие от универсальных ОМП, воздерживается от учета последующей практики государств-членов ЕС при толковании первичного права ЕС, поскольку перед Судом ЕС стоит задача обеспечения единообразного применения правовых норм для укрепления интеграции. Что касается права ЕС, особенно в отношении Договора о ЕС, Суд ЕС не принимает выводы, основанные на последующей практике применения международного договора – он постановил, что «простая практика» не может влиять на условия международного договора. Первоначально этот подход применялся только к выбору правовой основы для толкования актов Сообщества, но в деле *French Republic v Commission of the European Communities* Суд ЕС распространил его и на толкование международного договора ЕС: Франция подала иск в соответствии с пунктом 1 статьи 173 Договора о ЕС и статьей 33 Договора об учреждении Европейского объединения угля и стали о признании недействительным Соглашения, подписанного 23 сентября 1991 г. Европейской Комиссией и США относительно применения их законодательства о конкуренции; при толковании статьи 228 Договора о ЕС в отношении заключения соглашений

July 1994. The Queen v Minister of Agriculture, Fisheries and Food, ex parte S. P. Anastasiou (Pissouri) Ltd and others. Reference for a preliminary ruling: High Court of Justice, Queen's Bench Division - United Kingdom. Case C-432/92, para 43. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61992CJ0432> (дата обращения: 05.06.2024).

²⁹¹ Judgment of the Court (Third Chamber) of 6 February 2014. Helm Düngemittel GmbH v Hauptzollamt Krefeld. Request for a preliminary ruling from the Finanzgericht Düsseldorf. Case C-613/12, para 37. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=147504&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=19468907> (дата обращения: 05.06.2024).

Сообществом Суд ЕС постановил, что «простая практика не может превалировать над положениями Договора»²⁹².

Суд ЕС подтвердил эту позицию и в своем Заключении 1/94. При толковании статьи 114 Договора о ЕС, он отметил, что «Суд последовательно придерживался мнения, что простая практика Совета не может отступать от правил, изложенных в Договоре, и, следовательно, не может создавать прецедент, обязательный для институтов Сообщества в отношении надлежащей правовой основы»²⁹³.

Кроме того, Суд ЕС при толковании актов вторичного права ЕС ссылается на принципы толкования, схожие с нормами международного права о толковании международных договоров. Например, в деле *Foreningen* Суд ЕС постановил, что «... директива № 77/187 не содержит четкого определения термина “работник”. Чтобы установить его значение, необходимо применять общепризнанные принципы толкования, ссылаясь, в первую очередь, на обычное значение, которое следует придавать этому термину в его контексте»²⁹⁴.

В деле *Bosphorus* Суд ЕС, толкуя постановление, заявил, что из его прецедентной практики очевидно, что «при толковании положения законодательства Сообщества необходимо учитывать его формулировку, контекст и цели»²⁹⁵. В деле *Reliance Industries* Суду ЕС пришлось толковать

²⁹² Judgment of the Court of 9 August 1994. French Republic v Commission of the European Communities. Case C-327/91, para. 36. URL: <https://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?text=&docid=98290&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=19468227> (дата обращения: 05.06.2024).

²⁹³ Opinion of the Court of 15 November 1994. Competence of the Community to conclude international agreements concerning services and the protection of intellectual property - Article 228 (6) of the EC Treaty. Para. 52. URL: <https://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?text=&docid=99588&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=19468907> (дата обращения: 05.06.2024).

²⁹⁴ Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 11 July 1985. Foreningen af Arbejdsledere i Danmark v A/S Danmols Inventar, in liquidation. Reference for a preliminary ruling: Vestre Landsret - Denmark. Case 105/84, para. 23. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61984CJ0105> (дата обращения: 05.06.2024).

²⁹⁵ Judgment of the Court of 30 July 1996. Bosphorus Hava Yolları Turizm ve Ticaret AS v Minister for Transport, Energy and Communications and others. Reference for a preliminary ruling: Supreme Court - Ireland. Case C-84/95, para. 11. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:61995CJ0084> (дата обращения: 05.06.2024).

как международные соглашения, так и антидемпинговые положения права ЕС. При толковании первого из них Суд ЕС заявил, что «международный договор по международному праву [...] должен, в соответствии со статьей 31(1) Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., “толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать этим терминам международного договора в их контексте и в свете его объекта и цели”»²⁹⁶ и постановил, что «это правило толкования соответствует правилу, применяемому судебными органами Сообщества, когда им приходится толковать какое-либо положение права Сообщества. Таким образом, Суд неоднократно заявлял, что при толковании положения права Сообщества необходимо учитывать его формулировку, контекст и цели»²⁹⁷.

Более того, когда Суд ЕС толкует соглашения ЕС с третьими сторонами, он считает себя связанным обычными нормами международного права, как они отражены в правилах толкования Венской конвенции, а также учитывает последующую практику применения при толковании соглашений, которые ЕС заключил с третьими странами, и признает значение "устоявшейся практики сторон Соглашения" для целей их толкования.

В деле C-52/77, касающемся, в частности, толкования Соглашения между Европейским экономическим сообществом и Испанией, Суд ЕС конкретно сослался на практику сторон этого соглашения для подтверждения определенного толкования, заявив следующее: «Более того, это толкование подтверждается устоявшейся практикой сторон Соглашения, как это следует из документов, представленных Комиссией»²⁹⁸.

²⁹⁶ Judgment of the Court of First Instance (Eighth Chamber) of 24 September 2008. Reliance Industries Ltd v Council of the European Union and Commission of the European Communities. Case T-45/06, para. 100. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62006TJ0045> (дата обращения: 05.06.2024).

²⁹⁷ Ibid. Para. 101.

²⁹⁸ Judgment of the Court of 30 November 1977. Leonce Cayrol v Giovanni Rivoira & Figli. Reference for a preliminary ruling: Tribunale civile e penale di Saluzzo - Italy. Case C-52/77, p.2277, para 18. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:61977CJ0052> (дата обращения: 05.06.2024)

В деле C-432/92, касающемся толкования Соглашения об ассоциации между Европейским экономическим сообществом и Республикой Кипр, Суд ЕС указал на значение последующей практики для толкования Соглашения и постановил, что «...практика, применявшаяся при исполнении Соглашения после произошедших событий, недостаточна для установления однозначного, в смысле статьи 31 Венской конвенции, соглашения между сторонами относительно толкования соответствующих положений Протокола 1977 года», а также заключил, что «... практика, применявшаяся после произошедших событий, отражает отсутствие единого подхода со стороны государств-членов. Хотя некоторые государства-члены принимали сертификаты, выданные органами, отличными от органов Республики Кипр, другие этого не делали»²⁹⁹.

Таким образом, деятельность Суда ЕС демонстрирует особый подход к толкованию международных договоров-учредительных актов ЕС и международных договоров, стороной которых является ЕС. Суд ЕС рассматривает учредительные договоры ЕС как часть автономного правового порядка, который не подчиняется обычным нормам международного права, закрепленным в ВКПМД. Однако он иногда обращается к международному праву, включая ВКПМД, для заполнения пробелов в праве ЕС. В контексте международных соглашений, стороной которых является ЕС, Суд ЕС учитывает последующую практику сторон для толкования таких соглашений, поскольку это соответствует общему правилу толкования международных договоров, закрепленному в ВКПМД.

Суд Евразийского экономического союза также играет важную роль в толковании международных договоров, составляющих основу права ЕАЭС. Как и Суд ЕС, Суд ЕАЭС применяет телеологический метод, рассматривая

²⁹⁹ Judgment of the Court of 5 July 1994. The Queen v Minister of Agriculture, Fisheries and Food, ex parte S. P. Anastasiou (Pissouri) Ltd and others. Reference for a preliminary ruling: High Court of Justice, Queen's Bench Division - United Kingdom. Case C-432/92, para. 43, 52. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61992CJ0432> (дата обращения: 05.06.2024).

договорные положения через призму интеграционных целей, таких как создание единого экономического пространства и устранение барьеров для свободного движения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов. Решения Суда ЕАЭС имеют обязательную силу для государств-членов, хотя и не обладают верховенством над национальным правом. Тем не менее, Суд ЕАЭС стремится к формированию автономного, но согласованного интеграционного правопорядка, что делает его подход схожим с юрисдикцией Суда ЕС. Как отмечает М. Л. Энтин и Н.А. Цвейба, «отдельного внимания заслуживает применение Судом ЕАЭС правовых позиций судов других интеграционных объединений, прежде всего Суда ЕС. При этом в рамках применения правовых позиций иных судебных органов Суд ЕАЭС использует принцип убедительного прецедента (*persuasive precedent*) согласно которому отдельные судебные решения и выраженные в них точки зрения сами по себе не создают прецедента, однако принимаются во внимание при вынесении судебных актов Суда ЕАЭС»³⁰⁰. Очевидно, что этот тезис применим не только к правовым позициям, но и к выбору методов и средств толкования права ЕАЭС и источников международного права. Оба суда способствуют единообразному применению норм, обеспечивая предсказуемость и правовую определенность для государств-членов и хозяйствующих субъектов. В условиях углубления интеграционных процессов в ЕАЭС дальнейшее сближение подходов к толкованию норм может содействовать выработке устойчивых нормативных механизмов, ориентированных на снижение правовых барьеров и укрепление единого экономического пространства.

Аналогично Суду ЕС, Суд ЕАЭС не использует последующую практику государств при толковании норм права ЕАЭС. Скорее всего, это связано с тем, что основной целью его деятельности, как и Суда ЕС, является обеспечение единообразного применения норм права ЕАЭС во всех государствах-членах, а

³⁰⁰ Энтин М.Л., Цвейба Н.А. Взаимодействие судебных органов (на примере Суда Европейского союза и Европейского суда по правам человека). Московский журнал международного права. 2023;(3):84-97. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2023-3-84-97>

последующая практика применения права ЕАЭС может подорвать единообразный характер правоприменения, так как в таком случае национальные органы государств-членов могли бы формировать независимые интерпретации норм права ЕАЭС³⁰¹, что и было частично предметом единственного межгосударственного спора, который был рассмотрен в Суде ЕАЭС – Российская Федерация против Республики Беларусь³⁰². Хотя Большая коллегия Суда ЕАЭС прямо не сослалась на последующую практику применения Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС) при толковании его норм, тем не менее, она выявила формы применения ТК ТС: «властно-распорядительные акты таможенных органов, составленные в форме конкретного (индивидуализированного) документа в печатном или электронном виде, так и решения, принимаемые по результатам проверки деклараций на товар, начала (завершения) таможенных процедур и так далее, формализованные в виде проставления на соответствующих документах печатей, штампов, подписей должностных лиц таможенных органов»³⁰³. При этом Большая Коллегия Суда ЕАЭС отметила, что «основной признак, свойственный указанным решениям, – юридически значимые действия таможенных органов, совершаемые в рамках предоставленных им полномочий, и юридически значимые последствия для иных субъектов международных таможенных правоотношений в виде дозволений или ограничений на перемещаемый через таможенную границу Союза товар»³⁰⁴.

³⁰¹ См.: Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 22.11.2022 № СЕ-2-2/1-22-БК «О разъяснении положений пункта 18 Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору о ЕАЭС от 29.05.2014)» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=432107> (дата обращения: 09.12.2022).

³⁰² См.: 100. Решение Суда Евразийского экономического союза от 21.02.2017 № СЕ-1-1/1-16-БК «Об установлении факта исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств - членов Таможенного союза от 21.05.2010» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=213235> (дата обращения: 05.06.2024).

³⁰³ Там же. П. 2.

³⁰⁴ Там же.

Таким образом, одной из ключевых особенностей подходов Суда ЕС и Суда ЕАЭС является их отказ от учета последующей практики государств-членов при толковании норм интеграционного права. Это связано с необходимостью обеспечения единообразного применения норм и предотвращения толкований, способных подорвать стабильность интеграционного правопорядка. Суд ЕС неоднократно подчеркивал, что простая практика государств-членов не может влиять на толкование учредительных договоров ЕС. Аналогичный подход применяется Судом ЕАЭС, который также избегает учета последующей практики государств при толковании норм права ЕАЭС. Это позволяет обоим судам сохранять автономность интеграционного правопорядка и обеспечивать его гармоничное развитие. Таким образом, деятельность Суда ЕС и Суда ЕАЭС демонстрирует схожую методологию, основанную на телеологическом и системном толковании, что способствует эффективной адаптации международных договоров к задачам интеграционного развития и укреплению правовой определенности в рамках интеграционных объединений.

Хотя Суд ЕАЭС в своей интерпретационной деятельности стремится избегать учета последующей практики применения права ЕАЭС государствами-членами для сохранения автономности интеграционного правопорядка, теоретически существуют ситуации, когда её использование может быть оправдано.

Договор о ЕАЭС 2014 года не исключает нормы международного права. Напротив, в соответствии со статьей 50 Статута Суд ЕАЭС наряду с нормами права ЕАЭС применяет общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы. Если Суд ЕАЭС признает ВКПМД в качестве отражения обычных норм (как это делает Суд ЕС), он может использовать её положения для толкования соглашений ЕАЭС с

третьими странами или в случаях, где прямое регулирование в праве ЕАЭС отсутствует³⁰⁵.

При разрешении споров, связанных с договорами ЕАЭС с третьими государствами (например, о зонах свободной торговли), Суд ЕАЭС мог бы учитывать единообразную практику применения сторонами таких соглашений, чтобы подтвердить смысл их содержания. ЕАЭС заключает торговые соглашения (например, с Китаем, Сербией, Вьетнамом). При их толковании Суд ЕАЭС может руководствоваться статьями 31-33 ВКПМД, включая учёт последующей практики применения сторонами этих соглашений. В таком случае они являются классическими международными договорами, а не частью автономного права ЕАЭС. Следовательно, их толкование может соответствовать пункту (b) статьи 31 ВКПМД, если страны-партнёры ЕАЭС единообразно применяют положения соглашения определённым образом.

Если текст договора допускает разночтения, а государства-члены демонстрируют единообразную и повторяющуюся практику применения конкретного положения, Суд ЕАЭС может использовать эту практику как вспомогательное средство толкования. Это могло бы способствовать укреплению правовой определенности и снижению риска противоречивых решений. Например, при толковании терминов в сфере технического регулирования или таможенных процедур, где практика государств может отражать сложившееся понимание.

Если государства-члены по-разному реализуют нормы права ЕАЭС в национальных правовых системах, Суд ЕАЭС может принимать такую практику для выявления системных проблем или, напротив, согласованных подходов к пониманию содержания этих норм.

³⁰⁵ Суд Евразийского экономического союза и становление права ЕАЭС / А. Н. Савенков, К. Л. Чайка, Е. Б. Дьяченко, К. В. Энтин; Российская академия наук; Институт государства и права. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Перспектив", 2021. С. 220.

В споре между Россией и Беларусью о толковании Таможенного кодекса Суд ЕАЭС косвенно рассматривал практику таможенных органов, формализованную в решениях и документах национальных органов. Хотя прямо он не ссылаясь на последующую практику применения ТК ТС, ее анализ помог установить, какие действия считаются юридически приемлемыми в рамках ЕАЭС. В будущем подобные прецеденты могут стать основой для более активного использования в процессе толкования последующей практики применения права ЕАЭС его государствами-членами.

При отсутствии норм, регулирующих конкретный вопрос, Суд ЕАЭС может обратиться к их последующей практике применения государствами-членами в качестве вспомогательного средства толкования.

Итак, использование последующей практики применения договоров ЕАЭС при их толковании Судом ЕАЭС должно быть строго конкретизировано, чтобы не допустить фрагментации права ЕАЭС из-за разночтений в практике государств, сохранить приоритет телеологического и системного толкования, направленного на достижение целей интеграции, исключить ситуации, когда практика отдельных государств доминирует над общесоюзными интересами.

Теоретически Суд ЕАЭС может использовать последующую практику в при толковании международных договоров ЕАЭС с третьими странами, где применимы нормы ВКПМД; для разрешения неопределенностей в договорных нормах при наличии единообразной и стабильной практики применения государствами-членами; в целях заполнения пробелов в праве ЕАЭС, когда это не противоречит его автономности; при анализе имплементации решений органов ЕАЭС в государствах-членах для выявления системных проблем.

Однако вероятно, на практике Суд ЕАЭС, как и Суд ЕС, будет стремиться минимизировать зависимость своей интерпретационной деятельности от последующей практики применения международных

договоров, чтобы сохранить контроль над единообразием правоприменения и избежать риска децентрализации интеграционного правопорядка.

3.3. Последующая практика применения международного договора как средство толкования и концепция «self-judgement»

В связи с рутинизацией ссылок государствами на исключения по соображениям безопасности при разрешении споров в доктрине права международных договоров получила развитие концепция «self-judgement»³⁰⁶, которая обосновывает включение в международные договоры положений, реализация которых остается на усмотрение договаривающихся сторон³⁰⁷. В международной практике при разрешении споров государства утверждают, что определённые международно-правовые договорные нормы обладают характером «self-judging»³⁰⁸. Подобная позиция основывается на том, что государство, ссылающееся на такие нормы, обладает исключительным правом самостоятельно оценивать, были ли выполнены предусмотренные такой нормой условия. Примеры использования данной концепции можно встретить чаще всего в международном инвестиционном и торговом праве, которые

³⁰⁶ Английский термин «self-judgment» переводится дословно на русский язык как «самосуждение» или «самооценка», смысл данных терминов остается неясным. Понятие «self-judgment» означает право государств-сторон международного договора самостоятельно решать вопрос о применении односторонних мер по обеспечению национальной безопасности на основании соответствующей нормы этого договора. Однако она не предоставляет абсолютного усмотрения государству, которое ссылается на такую норму, и может быть предметом спора в ОМП. Для удобства в диссертационном исследовании используется термин на английском языке без перевода.

³⁰⁷ См. Eichberger F. S. Self-Judgment in International Law: Between Judicialization and Pushback // *Leiden Journal of International Law*, 2024. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4935764> (дата обращения: 29.12.2024); Schill S., Brieze R. “If the State Considers”: Self-Judging Clauses in International Dispute Settlement // *Max Planck Yearbook of United Nations Law Online*, 2009. Vol. 13(1). P. 61-140. URL: <https://doi.org/10.1163/18757413-900000037> (дата обращения: 29.12.2024); Brieze R., Schill S. Djibouti v France: Self-Judging Clauses before the International Court of Justice // *Melbourne Journal of International Law*, 2009. Vol. 10(1). URL: https://law.unimelb.edu.au/data/assets/pdf_file/0006/1686120/Brieze-and-Schill.pdf (дата обращения: 29.12.2024).

³⁰⁸ Авторы Боклан Д.С. и Мурашко Е. А. переводят термин self-judging» как «самоподсудный». См.: Боклан Д. С., Мурашко Е. А. Опасная практика ВТО: толкование исключения по соображениям безопасности в споре США – Требования к маркировке // *Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law)*, 2023. № 1(2). С. 111-121. URL: <https://jil.hse.ru/article/view/18199/16213> (дата обращения: 29.12.2024).

закрепляют исключения, связанные с национальной безопасностью. Такой подход выражается в таких формулировках, по которым положение договора применяется, *«если государство считает»*, что требования данного положения соблюдены. Например, в спорах, возникших в связи с финансовым кризисом 2001-2002 годов, Аргентина утверждала, что исключение в отношении существенных интересов безопасности в ее инвестиционном соглашении с США представляет собой норму *«self-judgement»*³⁰⁹.

Вместе с тем необходимо отметить, что профессор А. Н. Вылегжанин и О.С. Мамедова фактор безопасности, выражающийся в международных договорах, в том числе, в виде исключений по соображениям безопасности (*security exceptions*), влияет на формирование международно-правовой политики государств³¹⁰.

Тем не менее, предоставление государствам возможности принимать решения о применении норм, которые связаны с интересами их национальной безопасности, сопряжено со значительным риском злоупотреблений. Если государства будут вольны применять или не применять международно-правовые нормы по своему усмотрению, то международные договоры и ОМП, созданные для контроля выполнения международно-правовых обязательств, рискуют быть подорванными. Таким образом, в случаях возникновения международных споров относительно толкования и применения подобных положений международных договоров перед ОМП стоит задача обеспечения надлежащего баланса между правом государства защищать свой суверенитет и недопущением нарушений международного права.

Типичным примером положения международного договора *«self-judgement»* является статья XXI ГАТТ-1994. Исключения из правил ВТО по соображениям безопасности представляют собой одно из основных

³⁰⁹ CMS Gas Transmission Company v Argentina, ICSID Case № ARB/01/8, Award, 12 May 2005, para. 366. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0184.pdf> (дата обращения: 29.12.2024).

³¹⁰ Вылегжанин, А. Н. Международно-правовая политика государства (теория и практика) / А. Н. Вылегжанин, О. С. Магомедова. – Москва: МГИМО, 2024. С.84.

исключений, позволяющих государствам-членам ВТО вводить торговые ограничения ради защиты своих национальных интересов в области безопасности. С момента начала функционирования многосторонней торговой системы в 1994 году ссылка на статью XXI ГАТТ-1994 в качестве обоснования для ограничения торговли была крайне редкой. Это объясняется тем, что государства осознавали важность хрупкого баланса, который необходимо соблюдать между суверенным правом обеспечивать национальную безопасность и возможностью ссылок на исключения из правил многосторонней торговой системы для обоснования несоблюдения взятых на себя международно-правовых обязательств.

Согласно статье XXI ГАТТ-1994, его Стороны имеют право принимать меры, необходимые для защиты своей национальной безопасности, без обязанности соответствовать другим положениям ГАТТ-1994, если эти меры вводятся «(i) в отношении расщепляемых материалов или материалов, из которых они производятся; (ii) в отношении торговли оружием, боеприпасами и военными материалами, а также торговли другими товарами и материалами, которая осуществляется, прямо или косвенно, для целей снабжения вооруженных сил; (iii) если они принимаются в военное время или в других чрезвычайных обстоятельствах в международных отношениях; (с) [или если они требуются] во исполнение ее обязательств по Уставу Организации Объединенных Наций для сохранения мира во всем мире и международной безопасности»³¹¹.

Пункт (b) статьи XXI ГАТТ-1994 предусматривает, что «ничто в настоящем Соглашении не должно быть истолковано как препятствующее любой договаривающейся стороне предпринимать такие действия, которые

³¹¹ Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1947 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Консорциум «Кодекс». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901981?marker>

она считает необходимыми для защиты существенных интересов своей безопасности»³¹².

При толковании данной статьи одной из основных проблем является отсутствие четкого определения термина «национальная безопасность», что может приводить к различиям в его толковании государствами-членами ВТО. Кроме того, статья XXI ГАТТ-1994 дает право на принятие широкого спектра ограничительных мер в целях обеспечения национальной безопасности. Также, системное толкование положений ГАТТ-1994 предполагает, что меры, принимаемые в рамках исключений по соображениям безопасности, должны быть пропорциональны той угрозе, которой государство рассчитывает противодействовать.

Таким образом, статья XXI ГАТТ-1994 предоставляет государствам-членам ВТО значительную гибкость в принятии мер, необходимых для обеспечения национальной безопасности. Тем не менее, следует соблюдать принципы правомерности и справедливости при толковании и принцип пропорциональности при применении данной статьи.

С 2019 года третейские группы ВТО приняли доклады по четырем межгосударственным спорам о введенных ограничительных мерах, которые обосновывались соответствующими исключениями из правил многосторонней торговой системы: *Russia–Traffic in Transit*, *Saudi Arabia–IPRs*, *US–Origin Marking*, *USA-Steel and Aluminium Products*.

В споре *Russia-Traffic in Transit* третейская группа ВТО установила, что ситуация между Украиной и Россией с 2014 года представляет собой чрезвычайную ситуацию в международных отношениях, определяемая как «ситуация вооруженного конфликта или латентного вооруженного конфликта, или повышенной напряженности, или кризиса, или общей нестабильности, охватывающей государство или окружающую его»³¹³. Группа приняла

³¹² Там же.

³¹³ Russia - Measures Concerning Traffic in Transit - Report of the Panel, WT/DS512/R, 2019, para. 7.76. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/512R.pdf&Open=True>

утверждение России о том, что она ввела меры, ограничивающие транзит товаров из Украины через свою территорию, для защиты своих основных интересов в области безопасности³¹⁴.

В споре *Saudi Arabia-IPRs* группа определила, что чрезвычайная ситуация в международных отношениях началась между Саудовской Аравией и Катаром, когда Саудовская Аравия разорвала все дипломатические, консульские и экономические отношения с Катаром. Саудовской Аравии частично удалось сослаться на соответствующее исключение в отношении безопасности, предусмотренное в подпункте (iii) пункта (b) статьи 73 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС)³¹⁵. Поскольку Катар и Саудовская Аравия договорились прекратить свой спор без принятия доклада, он не имеет юридического статуса, но, тем не менее, демонстрирует подход третейских групп ВТО в оценке соответствия введенных ограничительных мер и требований для исключения из правил ВТО.

Разрешая спор *US-Origin Marking*, третейская группа ВТО сначала рассмотрела аспекты толкования и доказывания подпункта (iii) пункта (b) статьи XXI ГАТТ-1994, который США указали в качестве обоснования. Третейская группа ВТО установила, что фраза «чрезвычайная ситуация в международных отношениях» относится к критическому положению, фактически представляющему собой разрыв или ситуацию близкую к разрыву

(дата обращения: 29.12.2024). Такое толкование чрезвычайной ситуации в международных отношениях вытекает из подготовительных документов при разработке положений Женевского проекта Устава Центра по международной торговле, которые позже были перенесены в статью XXI ГАТТ-1947. В соответствии с ними, под чрезвычайной ситуацией в международных отношениях США имели в виду, в частности, ситуацию, существовавшую в период с 1939 по 1941 годы. В то время Соединенные Штаты Америки еще не участвовали во Второй мировой войне, но все же сочли необходимым принять определенные меры для защиты своих основных интересов в области безопасности.

³¹⁴ Russia - Measures Concerning Traffic in Transit - Report of the Panel, WT/DS512/R, 2019, para. 7.149. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/512R.pdf&Open=True> (дата обращения: 29.12.2024).

³¹⁵ Saudi Arabia - Measures concerning the Protection of Intellectual Property Rights - Report of the Panel, WT/DS567/R, 2020, para. 7.294. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/567R.pdf&Open=True> (дата обращения: 29.12.2024)

дипломатических отношений между государствами. Соответственно, формулировка этого подпункта обязывает группу изучить степень ухудшения межгосударственных отношений, независимо от того, что именно его вызвало. Группа посчитала, что состояние соответствующих международных отношений может колебаться между мирным взаимодействием и разрывом таких отношений. Применив это толкование к фактам соответствующего спора, группа пришла к выводу, что, хотя имелись свидетельства того, что США были обеспокоены ситуацией с правами человека в Гонконге, ситуация не обострилась до той степени, чтобы представлять собой чрезвычайную ситуацию в международных отношениях, которая могла бы служить обоснованием для совершения действий, несовместимых с обязательствами по ГАТТ-1994³¹⁶.

Таким же образом, в споре *USA-Steel and Aluminium Products* третейская группа ВТО установила, что дополнительные импортные пошлины, введенные США на производные стальные и алюминиевые изделия, не соответствовали подпункту (iii) пункта (b) статьи XXI ГАТТ-1994, так как «опасения по поводу глобальных избыточных мощностей в производстве стали и алюминия» не привели к «серьезному обострению напряженности на международном уровне», соответствующему чрезвычайной ситуации в международных отношениях³¹⁷. США не согласились с выводами третейских групп ВТО и в 2023 году оспорили их «в пустоту» в условиях фактической заморозки деятельности Апелляционного органа ВТО.

Так, упомянутые выше доклады демонстрируют, что исключения по соображениям безопасности предоставляют членам ВТО определенные возможности для определения своих существенных интересов в этой области,

³¹⁶ United States – Origin Marking Requirement - Report of the Panel, WT/DS597/R, 2022, para. 7.358. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/597R.pdf&Open=True> (дата обращения: 29.12.2024).

³¹⁷ United States – Certain Measures on Steel and Aluminum Products - Report of the Panel, WT/DS544/R, 2022, para. 7.148. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/544R.pdf&Open=True> (дата обращения: 29.12.2024).

а также мер, необходимых для защиты национальных интересов. Однако, третейские группы ВТО стремятся обеспечить надлежащий баланс для предотвращения злоупотреблений исключениями из правил многосторонней торговой системы, которые в противном случае могли бы позволить членам ВТО обойти свои обязательства в рамках этой международной организации.

Таким образом, необходимо изучить, как концепция «self-judgement» соотносится с другой, не менее значимой концепцией – последующей практикой применения договора, которая устанавливает консенсус между сторонами относительно толкования положений договора. Эти два инструмента правоприменения находятся в специфической взаимосвязи, поскольку один из них подчёркивает автономию сторон в толковании договора, а другой — коллективный характер формирования толкования нормы на основе общего согласия сторон.

Как было установлено выше, последующая практика применения международного договора включает действия, заявления, явное или молчаливое согласие сторон, из которых следует их общий подход к толкованию и применению договора. Она оказывает влияние на восприятие обязательств и в некоторых случаях может изменять подход к применению договора в результате его толкования. В то же время концепция «self-judgement» предопределяет возможность одной из сторон договора односторонне интерпретировать его положения, что, на первый взгляд, может вызывать потенциальный конфликт с необходимостью достижения общего согласия между сторонами. Однако на практике «self-judgement» и последующая практика применения международного договора зачастую оказываются связанными через механизмы взаимодействия сторон. «Self-judgement» одной из сторон по поводу своих обязательств или толкования положений договора может запускать процесс, который впоследствии формирует и закрепляет последующую практику применения договора. Например, государство может интерпретировать свое поведение как соответствующее договору, что вызывает реакцию других сторон. Если другие

стороны договора принимают такую интерпретацию (посредством явного или молчаливого согласия), это может способствовать возникновению согласованной последующей практики применения, подтверждающей такое толкование нормы «self-judgement». В этом случае последующая практика применения международного договора создает рамки для его одностороннего толкования. Даже если договорная норма позволяет «self-judgement», дальнейшие действия сторон выявляют, насколько такое суждение соответствует общей воле сторон договора.

Так, в арбитражном разбирательстве *The South China Sea*, инициированном Филиппинами против Китая, возникла необходимость толкования Конвенции ООН по морскому праву. Китай настаивал на своём самосуждении в определении юрисдикции над спорными водами, ссылаясь на исторические права. Однако трибунал постановил, что последующая практика применения Конвенции ООН по морскому праву показывает более широкое толкование прав и обязанностей сторон, основанную на общем подходе участников конвенции. В частности, для признания действий Китая правомерными, было необходимо «утверждение государством права, противоречащего Конвенции, молчаливое согласие с ним других государств-участников и истечение достаточного времени для того, чтобы без сомнения установить существование как этого права, так и общего молчаливого согласия. Однако в данном случае для такого заявления нет оснований. С момента принятия Конвенции исторические права упоминались в Законе об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе Китая, но без каких-либо указаний, которые позволили бы другому государству узнать о характере или объеме заявленных прав. Объем прав, заявленных в рамках "девятипунктирной линии", стал ясен только после вербальных нот Китая от мая 2009 года. С тех пор другие государства явно возражали против претензий

Китая. По мнению Трибунала, никакого молчаливого согласия нет»³¹⁸. Это ограничило одностороннее толкование и применение Китаем норм Конвенции ООН по морскому праву.

Соответственно, в определённых ситуациях «self-judgement» может входить в противоречие с последующей практикой применения международного договора в связи с тем, что одностороннее толкование или действия одной стороны могут быть оспорены другими участниками, то есть общее соглашение относительно толкования договора не может быть достигнуто. Как показывает судебная практика, это особенно актуально в случаях, если сторона договора использует «self-judgement» в целях защиты национальных интересов в ущерб общему смыслу договора или его целям. Классическим примером служит ситуация, в которой сторона отказывается выполнять конкретное обязательство, ссылаясь на свое одностороннее толкование положений договора, несмотря на противоположное мнение других сторон.

В международной практике могут встречаться случаи, когда последующая практика применения международного договора в качестве средства толкования может не сыграть ограничивающей роли в отношении нормы «self-judgement». Примером этого служит недавнее арбитражное решение по делу *Seda v. Columbia*, в котором инвестиционный трибунал признал «самооценивающий» характер статьи 22.2 инвестиционного соглашения США и Колумбии об исключениях по соображениям безопасности и полностью отклонил иск. Однако при толковании этого положения инвестиционный трибунал отказался принимать последующую практику применения инвестиционного соглашения, устанавливающую общую позицию США и Колумбии относительно толкования статьи 22.2., поскольку «в данном арбитражном разбирательстве позиция Ответчика в

³¹⁸ The South China Sea Arbitration (The Republic of Philippines v. The People's Republic of China), PCA Award of 12 July 2016, para. 275. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/2086> (дата обращения: 29.12.2024).

отношении положения ESI [исключения по соображениям безопасности] и его толкования развивалась, как признал сам Ответчик, и постепенно совпадала с позицией США. [...] Оставляя в стороне вопрос о том, может ли один случай согласованного толкования в контексте одного спора установить “практику”, Трибунал сталкивается с проблемой определения того, какое “соглашение сторон относительно толкования [данного положения]” установит такая практика. В-третьих, Трибунал учитывает обеспокоенность, высказанную Трибуналом по делу *Infinito Gold*, а именно то, что признание позиций Договаривающихся государств в качестве соглашения о толковании, заключенного после начала разбирательства, может поставить под угрозу процессуальные права истцов. В этом смысле Трибунал не может согласиться с утверждением Ответчика о том, что “значение, которое Колумбия и Соединенные Штаты придавали статье 22.2(b) инвестиционного соглашения, как явствует из подготовительных материалов, оставалось неизменным с даты начала переговоров по заключению инвестиционного соглашения”, поскольку позиция самого ответчика по положению ESI изменилась в ходе данного арбитражного разбирательства»³¹⁹. Вместо этого, для трибунала решающим критерием было то, являлась ли принятая мера соразмерной данным обстоятельствам. Чтобы оценить взаимосвязь между мерами государства и интересами безопасности, трибунал пришел к выводу, что ему необходимо проверить добросовестность Колумбии³²⁰. Применяя этот подход, трибунал пришел к выводу, что арест имущества Колумбией был связан с ее борьбой с организованной преступностью, и не было никаких указаний на то, что эта мера была принята недобросовестно³²¹. Следовательно, иск был отклонен.

³¹⁹ Angel Samuel Seda and others v. Republic of Colombia, ICSID Case No. ARB/19/6, Award, 2024, paras. 689-698. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw182199.pdf> (дата обращения: 29.12.2024).

³²⁰ Ibid. Para. 655.

³²¹ Ibid. Paras. 792-793.

В деле *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua*, в котором МС ООН толковал положение статьи XXI о защите национальных интересов безопасности Договора о дружбе, торговле и мореплавании между Соединенными Штатами Америки и Никарагуа 1956 года, и пришел к следующему выводу: «Трудно отрицать, что самооборона от вооруженного нападения соответствует мерам, необходимым для защиты основных интересов безопасности. Но концепция основных интересов безопасности, безусловно, выходит за рамки концепции вооруженного нападения и в прошлом подвергалась очень широким толкованиям. Поэтому Суд должен оценить, является ли риск, связанный с этими "существенными интересами безопасности", разумным и являются ли меры, представленные как направленные на защиту этих интересов, не просто эффективными, но и "необходимыми".

Поскольку статья XXI международного договора 1956 года предоставляет каждой из сторон право отступать от других положений договора, необходимо рассмотреть возможность применения положений этой статьи, как только станет очевидным, что определенные формы поведения Соединенных Штатов в противном случае противоречили бы соответствующим положениям международного договора. Оценка поведения Соединенных Штатов в свете этих соответствующих положений международного договора относится скорее к применению, чем к его толкованию, и поэтому Суд предпримет это в контексте своей общей оценки фактов, установленных в соответствии с применимым правом»³²². Таким образом, в таких случаях последующая практика применения международного договора также сохраняет свое значение, но уже в качестве дополнительного средства толкования, поскольку дальнейшие действия государств могут

³²² *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua* (Nicaragua v. United States of America), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1986, para. 224, 225. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 29.12.2024).

установить общий прецедент для толкования и применения соответствующих положений. Так, взаимосвязь между «self-judgement» и последующей практикой применения международного договора имеет практическое значение: «self-judgement» позволяет сторонам сохранить автономию, но последующая практика применения международного договора минимизирует риск злоупотребления этим правом за счёт согласования общей позиции относительно его толкования и применения.

Таким образом, концепция «self-judgement» и последующая практика применения международных договоров — это два механизма, которые сталкиваются в процессе применения международного права. Хотя они изначально кажутся противоречивыми, в долгосрочной перспективе эти подходы могут взаимодействовать, способствуя формированию общего понимания норм договора. Если «self-judgement» подрывает единообразие применения договора, последующая практика позволяет скорректировать такие отклонения путем согласования позиций сторон. Таким образом, для ограничения негативного влияния концепции «self-judgement» международное право возлагает особое значение на последующую практику применения международного договора как одну из форм закрепления взаимного согласия сторон относительно его толкования. Даже если международный договор допускает «self-judgement», последующая практика фактически ограничивает его применение, поскольку поддержание международного договора как действующего инструмента регулирования взаимодействия государств требует достижения согласия между сторонами. При разрешении межгосударственных споров подходы ОМП к толкованию договорных норм «self-judgement» и использованию последующей практики применения международного договора как средства толкования позволяют определить критерии правомерности использования государствами концепции «self-judgement».

3.4. Последующая практика применения международных договоров как средство толкования национальными судами

Практика национальных судов по толкованию международно-правовых норм имеет важное значение для соблюдения государствами своих международно-правовых обязательств³²³. Влияние национальных судов стало наиболее существенным в процессе выработки консенсуса относительно значения положений международных договоров и их применения на внутригосударственном уровне. Основой этого процесса является широкое признание того, что основным средством толкования является сам международный договор, включая историю его разработки и последующую практику применения сторонами. Большинство судов опираются на нормы Венской конвенции, касающиеся толкования международных договоров. Благодаря использованию средств и принципов толкования, а также стремлению достичь единообразного толкования международных договоров, национальные суды могут внести вклад в решение проблем взаимодействия двух правовых систем – международного и национального.

Подходы к толкованию международных договоров национальными судами изучены в ряде отечественных научных работ³²⁴. Тем не менее,

³²³ Лукашук И. И. Международное право в судах государств. – СПб.: СКФ «Россия – Нева», 1993. С.7.

³²⁴ См.: Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики: монография / отв. ред. Н. С. Бондарь. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма : ИНФРА-М, 2024. – 384 с. – DOI 10.12737/2134343; Хабриева Т.Я. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер, Р.А. Курбанов ; отв. ред. Т.Я. Хабриева ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: Норма : ИНФРА-М, 2023. – 384 с. – DOI 10.12737/207331; Зимненко, Б. Л. О значении для судов Российской Федерации практики международных договорных органов ООН / Б. Л. Зимненко // Правосудие. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 54-90. – DOI 10.37399/2686-9241.2023.1.54-90. – EDN TQEXQM; Современная концепция толкования международных договоров: монография / под ред. А. Я. Капустина. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма : ИНФРА-М, 2022. – 432 с. – DOI 10.12737/1839409; Грачева С.А. Конституционное правосудие и реализация решений Европейского Суда по правам человека: научно-практическое пособие. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Юридическая фирма «Контракт», 2012. – 240 с.; Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения: монография / Т. Я. Хабриева, А. Я. Капустин, А. И. Ковлер и др. ; под общ. ред. В. В. Лазарева. – М.: ИЗиСП : Норма : ИНФРА М, 2019. – 416 с.; Правосудие в современном мире: монография / В. М. Лебедев, Т. Я. Хабриева, А. С.

наблюдается существенный пробел в исследовании роли последующей практики применения международных договоров в процессе судебного толкования, что обуславливает актуальность анализа данной проблемы.

Хотя Венская конвенция не содержит прямого обязательства для национальных судов использовать ее положения для толкования международных договоров, Конвенция носит обязательный характер для государств-участников, к которым относится и Российская Федерация. В связи с этим, профессор А. Я. Капустин отмечает: «как представляется, национальные суды могут и будут использовать Венские правила в тех случаях, когда они будут служить достижению основной цели толкования международного договора – уяснения смысла норм договора, который позволит его наиболее полную реализацию в данном государстве. Между Венскими правилами и национальными нормами о толковании законов нет китайской стены, многие из них совпадают в значительной степени или частично и по содержанию, и по назначению. Практика покажет по какому пути пойдут национальные суды государств, придерживающихся различных моделей имплементации международных договоров. Задача современных исследователей обратить на эту практику внимание и подвергать ее тщательному и объективному анализу»³²⁵. Таким образом, в зависимости от подхода каждого государства-участника к применению международных договоров, их национальные суды будут толковать международный договор в соответствии с ВКПМД, адаптируя Венские правила толкования под особенности внутригосударственного правопорядка.

Автономов и др. ; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Норма, 2017. – 784 с.; Международное право в судах государств / И. И. Лукашук. - СПб.: СКФ "Россия-Нева", 1993. - 301 с. и др.

³²⁵ Капустин А.Я. Толкование международного договора национальными судами: постановка проблемы // Современная концепция толкования международных договоров: монография / под ред. А. Я. Капустина. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 366.

Использование последующей практики применения международного договора национальными судами при толковании не единообразно, а в ряде случаев противоречиво, что демонстрируют следующие примеры.

Одним из известных разбирательств в истории судебной системы Великобритании является дело *Assange v Swedish Prosecution Authority*. Истец – Дж. Ассанж, гражданин Австралии, пребывавший в Великобритании, стал объектом европейского ордера на арест, выданного Ответчиком, шведской прокуратурой. Как следствие, заявитель был арестован и должен был быть экстрадирован в Швецию. Дж. Ассанж оспорил действительность ордера, но его апелляция была отклонена в магистратском суде, а затем и в Высоком суде Лондона. Затем он подал апелляцию в Верховный суд Великобритании на основании пункта 2 статьи 2 Закона об экстрадиции 2003 г. (далее – Закон), который требовал, чтобы ордер был выдан «судебным органом». Заявитель утверждал, что Ответчик как орган прокуратуры не был «судебным» по своей природе и, соответственно, ордер был недействительным. Соответственно, Верховному суду Великобритании было необходимо определить значение термина «судебный орган», как это предусмотрено в Законе, и, в частности, подпадает ли Ответчик под его определение.

Однако дополнительную сложность этому вопросу придавал тот факт, что часть 1 Закона была принята для приведения в действие Рамочного решения Совета ЕС о европейском ордере на арест и процедурах передачи между государствами-членами (далее – Рамочное решение), в котором используется термин «судебный орган»³²⁶. Таким образом, значение термина «судебный орган» в том виде, в каком оно фигурирует в пункте 2 статьи 2 Закона, зависит от значения, которое следует придать этому термину в том виде, в каком он закреплен в Рамочном решении. Верховный суд

³²⁶ Рамочное решение Совета о европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами. Перевод Четверикова А.О. URL: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/ramochnoe-reshenie-soveta-o-evropejskom-ordere-na-arrest-i-protsedurah-peredachi-lits-mezhdu-gosudarstvami-chlenami-perevod-chetverikova-a-o/> (дата обращения: 05.06.2024).

Великобритании, применив Венскую конвенцию и, в частности, ее пункт 3(b) статьи 31 о последующей практике применения международного договора, определил, что прокуратура может рассматриваться как «судебный орган» для целей Рамочного решения, и, соответственно, что ордер действителен для целей Закона³²⁷.

Этот вывод в данном случае был противоречивым, если рассматривать его с точки зрения международного права: пункт 3(b) статьи 31 Венской конвенции не мог быть использован для толкования Верховным судом Великобритании термина «судебный орган» по нескольким причинам.

Статья 2 Венской конвенции предусматривает, что «“Договор” означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования»³²⁸. Правовым актом, который должен был быть истолкован в деле Дж. Ассанжа, было Рамочное решение. До принятия Лиссабонского договора Рамочные решения были правовыми актами третьего столпа Европейского сообщества, созданными на основе статьи 34 Амстердамского договора и использовавшимися исключительно в рамках компетенции ЕС в области сотрудничества полиции и судебных органов в вопросах уголовного правосудия.

Статья 34 Амстердамского договора предоставляла Совету ЕС право принимать Рамочные решения с целью сближения законов и нормативных актов государств-членов ЕС; процедура принятия Рамочного решения отличается от процедуры заключения международного договора; в Рамочном

³²⁷ Assange (Appellant) v The Swedish Prosecution Authority (Respondent), UKSC Judgment given on 30 May 2012. URL: https://supremecourt.uk/uploads/uksc_2011_0264_judgment_0ad63840de.pdf (дата обращения: 05.06.2024).

³²⁸ Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года (Принята 23 мая 1969 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 05.06.2024).

решении нет сторон, поскольку оно является односторонним актом органа ЕС. По этим причинам Рамочные решения не подпадают под определение международного договора в соответствии со статьей 2 ВКПМД, и, соответственно, для их толкования ссылка на ВКПМД вряд ли может быть применима. Верховный суд Великобритании не принял во внимание юридическую природу рассматриваемого Рамочного решения и не обосновал свой вывод о применении Венской конвенции при его толковании.

Таким образом, результат анализа решения Верховного суда Великобритании по делу Дж. Ассанжа демонстрирует, что применение пункта 3(b) статьи 31 Венской конвенции для толкования Рамочного решения необоснованно, поскольку Рамочное решение является актом вторичного права ЕС, а не международным договором. Кроме того, сам Суд ЕС не применял ВКПМД к толкованию актов вторичного права ЕС.

Высокий суд Австралии ссылаясь на последующую практику применения международного договора для толкования международных договоров Австралии в нескольких делах: *Minister for Home Affairs v Zentai*, *Maloney v The Queen*, *Commonwealth Minister for Justice v Adamas*, *Macoun v Commissioner of Taxation*, *Addy v Commissioner of Taxation*.

Первое дело Высокого суда Австралии, в котором рассматривалась последующая практика применения международного договора в соответствии с пунктом 3(b) статьи 31 ВКПМД было дело *Minister for Home Affairs v Zentai*³²⁹. Зентаи обвинялся в военном преступлении, совершенном в Венгрии в 1944 году. После запроса Венгрии об экстрадиции Зентаи, Министр внутренних дел согласился на его выдачу Венгрии. Соответственно, спор касался положений Договора об экстрадиции между Австралией и Венгерской Республикой. Договор содержится в приложении к Положениям о выдаче, которые предусматривают, что Закон об экстрадиции 1988 г. действует в

³²⁹ Minister for Home Affairs of the Commonwealth v Zentai, HCA 28, 15 August 2012, P56/2011. URL: <https://www6.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/cth/HCA/2012/28.html> (дата обращения: 05.06.2024).

соответствии с Договором об экстрадиции. В соответствии с пунктом 5а статьи 2 Договора об экстрадиции, выдача может быть осуществлена только в том случае, если «преступление, в связи с которым запрашивается выдача [...], являлось преступлением в Запрашивающем государстве на момент совершения действий или бездействия, формирующих состав преступления»³³⁰. Однако Венгрия установила уголовную ответственность за военные преступления только в 1945 году, через год после предполагаемых действий Зентаи.

Министр внутренних дел утверждал, что запрос Венгрии об экстрадиции Зентаи представляет собой последующую практику применения Договора об экстрадиции в соответствии с пунктом 3(b) статьи 31 Венской конвенции.

Высокий суд Австралии отклонил доводы Министра внутренних дел по двум основаниям. Во-первых, большинство судей постановили, что пунктом 5а статьи 2 Договора об экстрадиции «не подлежит изменению в значении, отражающем определенное понимание, достигнутое Министерством юстиции Венгрии и исполнительной ветвью власти Австралии»³³¹. Таким образом, полномочия исполнительной власти по экстрадиции Зентаи не могли вытекать из последующей практики применения Австралией и Венгрией Договора об экстрадиции. Во-вторых, для целей внутреннего законодательства международный договор может толковаться только путем ссылки на внешние материалы, которые существовали на момент имплементации положений международного договора во внутреннее законодательство³³². Таким образом, министр внутренних дел не мог ссылаться на какую-либо практику, которая

³³⁰ Extradition (Republic of Hungary) Regulations // Australian Government. URL: <https://www.legislation.gov.au/F1997B02586/asmade/text> (дата обращения: 05.06.2024).

³³¹ Maloney v The Queen, HCA 28, 19 June 2013, B57/2012, para. 65. URL: https://www6.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/cth/HCA/2013/28.html?context=1;query=Maloney%20v%20The%20Queen;mask_path=au/cases/cth/HCA (дата обращения: 05.06.2024).

³³² Ibid. Para. 36.

осуществлялась после имплементации Договора об экстрадиции во внутреннее законодательство.

В деле *Maloney v The Queen* судьи Высокого суда Австралии разделились во мнениях относительно того, могут ли определенные международные документы использоваться для толкования пункта 1 статьи 8 Закона о расовой дискриминации 1975 г. (далее – Закон), который включает термин «специальные меры» из Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (далее – МКЛРД). Стоит отметить, что оспариваемые документы были заявлениями договорных органов, а не сторон Конвенции. В частности, Высокий суд Австралии рассмотрел общие рекомендации Комитета по ликвидации расовой дискриминации и рекомендации Экспертного механизма по правам коренных народов.

Судьи заняли различные позиции в отношении роли этих материалов в деле. Судьи Хейн и Креннан придерживались наиболее строгого подхода. Они считали, что можно ссылаться только на внешние материалы, которые существовали на момент принятия Закона³³³. Судья Креннан заявил, что более поздние материалы не могут заменить формулировки договора, но они могут служить руководством для государств-участников в их обязательствах по представлению докладов³³⁴.

Судьи Френч и Кифель заняли иную позицию по этому вопросу. Судья Френч утверждал, что, несмотря на то, что пункт 3 статьи 31 Венской конвенции может прояснить толкование, он не может «уполномочить суд изменять значение закона, имплементирующего положение международного договора»³³⁵. Судья Кифель также согласился с тем, что суды должны учитывать мнения, выраженные во внешних материалах, но только в том случае, если они являются обоснованными и могут быть включены в

³³³ Ibid. Para. 61.

³³⁴ Ibid. Para. 134.

³³⁵ Ibid. Para. 23.

толкование национального законодательства³³⁶. Судья Белл утверждал, что значение термина «специальные меры» может быть выяснено путем ссылки на пункт 3 статьи 31 Венской конвенции³³⁷. Однако он счел, что материалы не соответствовали критериям проекта выводов КМП ООН о последующих соглашениях и последующей практике применения международного договора в отношении толкования международных договоров, в частности, выводу 13. Судья Гагелер, не ссылаясь на ВКПМД, заявил, что Закон следует толковать как обеспечивающее выполнение обязательств по МКЛРД «в максимальной степени, которую позволяют его условия»³³⁸.

Через несколько месяцев после этого дела Высокий суд Австралии вынес решение по делу *Commonwealth Minister for Justice v Adamas*. Адамас был заочно осужден индонезийским судом к пожизненному заключению за коррупцию. В ответ на запрос Индонезии об экстрадиции Министр согласился выдать Адамаса. Возник спор относительно толкования пункта 2(b) статьи 9 Договора об экстрадиции между Австралией и Республикой Индонезия, включенного в Положения о выдаче от 1994 г., предусматривающего, что в выдаче может быть отказано по гуманитарным соображениям. Суд единогласно постановил, что статья 9 Договора «не может быть затронута никакими последующими соглашениями или практикой между Австралией и Республикой Индонезия»³³⁹. Придя к такому выводу, судьи сослались на решение по делу Зентаи и, возможно осознавая несоответствие этого вывода Венской конвенции, сделали сравнительную ссылку на пункты 3(a) и 3(b) статьи 31 ВКПМД. Примечательно, что в своем решении Высокий суд Австралии сослался на последующую практику применения международного договора, хотя ни одна из сторон не опиралась на материалы,

³³⁶ Ibid. Para. 175.

³³⁷ Ibid. Para. 235.

³³⁸ Ibid. Para. 236.

³³⁹ *Commonwealth Minister for Justice v Adamas*, HCA 59, 18 December 2013, P50/2013, para. 31. URL: https://www6.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/cth/HCA/2013/59.html?context=1;query=Commonwealth%20Minister%20for%20Justice%20v%20Adamas%20;mask_path=au/cases/cth/HCA (дата обращения: 05.06.2024).

предусмотренные соответствующей статьей Венской конвенции, и еще раз подтвердил свою позицию о том, что закон, имплементировавший международный договор, не может быть изменен последующей практикой применения международного договора.

Спустя два года Высокий суд Австралии рассмотрел последующую практику применения международного договора в деле *Macoun v Commissioner of Taxation*. Он касался Закона о международных организациях (привилегии и иммунитеты) 1963 г., который приводит в действие обязательства Австралии по Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений посредством Положений о специализированных учреждениях (привилегиях и иммунитетах) 1986 г. Важно отметить, что Конвенция о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений не была имплементирована во внутреннее законодательство. В связи с этим, Высокий суд Австралии рассматривал её, «чтобы толковать Закон таким образом, который соответствует международным обязательствам Австралии»³⁴⁰.

Высокий суд Австралии заявил, что статьи 31 и 32 Венской конвенции, включая пункт 3 статьи 31, являются соответствующими нормами для толкования Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений и рассмотрел практику, существовавшую после принятия Закона, в частности, решения национальных судов иностранных государств и Административного трибунала Организации Объединенных Наций (АТ ООН)³⁴¹.

Вероятно, Высокий суд Австралии рассматривал решения национальных судов иностранных государств как последующую практику применения международного договора в соответствии с пунктом 3 (b) статьи

³⁴⁰ *Macoun v Commissioner of Taxation*, HCA 44, 2 December 2015, S100/2015, para. 67. URL: https://www6.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/cth/HCA/2015/44.html?context=1;query=Macoun%20v%20Commissioner%20of%20Taxation%20;mask_path=au/cases/cth/HCA (дата обращения: 05.06.2024).

³⁴¹ *Ibid.* Para. 80.

31 Венской конвенции. Это не совсем верно. Решения национальных судов иностранных государств не свидетельствуют о согласии всех сторон международного договора. В данном случае такие решения могут выступать как дополнительное средство толкования согласно статье 32 Венской конвенции.

Рассмотрение Высоким судом Австралии решения АТ ООН в большей степени соответствовало положениям Венской конвенции о толковании международных договоров. Решения международных органов по разрешению споров, таких как АТ ООН, не являются последующей практикой применения международного договора, но могут помочь выявить последующую практику применения международного договора в тех случаях, когда она отражает согласие сторон³⁴². При рассмотрении Высоким судом Австралии решения АТ ООН основное внимание уделялось позиции государств, зафиксированной в решении, в особенности тех пунктов, которые согласованы всеми сторонами.

Данное решение демонстрирует эволюцию позиции Высокого суда Австралии относительно последующей практики применения международного договора в процессе толкования международных договоров.

3 ноября 2021 г. Высокий суд Австралии вынес решение по делу *Addy v Commissioner of Taxation*. В 2015 году Адди, гражданка Великобритании, въехала в Австралию по рабочей отпускной визе, которая дает однократную возможность работать туристам в Австралии на протяжении 12 месяцев с момента прибытия. Находясь в Австралии, Адди получала налогооблагаемый доход за счет частичной занятости и получила уведомление о начислении налога от Комиссара по налогообложению. Адди возражала против этого на основании пункта 1 статьи 25 Австралийско-британского Соглашения об избежании двойного налогообложения, который предусматривает, что граждане Договаривающегося государства не должны облагаться более

³⁴² Берг, Л. А. Последующая практика применения международных договоров как средство их толкования / Л. А. Берг // Международное публичное и частное право. – 2023. – № 4. – С. 5–8. – DOI 10.18572/1812-3910-2023-4-5-8. – EDN DVPRRE.

обременительным налогообложением в другом Договаривающемся государстве, чем налогообложение его собственных граждан при тех же обстоятельствах. Вопрос заключался в том, были ли налоговые ставки, установленные для Адди, более обременительными, чем те, которые были бы установлены для граждан Австралии при тех же обстоятельствах.

Важно отметить, что Соглашение между Австралией и Великобританией также не было имплементировано в законодательство Австралии, но указано в Законе о международных налоговых соглашениях 1953 г. как соглашение, имеющее силу закона в Австралии³⁴³. Несмотря на это, Высокий суд Австралии использовал статьи 31 и 32 ВКПМД для толкования Соглашения³⁴⁴.

Таким образом, Высокий суд Австралии использовал последующую практику применения международных договоров в соответствии с пунктом 3 (b) статьи 31 ВКПМД для толкования международных договоров Австралии, не имплементированных в национальное законодательство. В остальных случаях положения законов, закрепляющих международно-правовые обязательства Австралии в национальном праве, превалируют над последующей практикой применения международного договора и, соответственно, она не может влиять на применение внутреннего законодательства Австралии.

Учитывая вышеизложенное, можно отметить, что наблюдается тенденция к противоречивому пониманию национальными судами общего права юридической природы последующей практики применения международного договора как аутентичного средства толкования, и как следствие, её применению в процессе толкования международных договоров,

³⁴³ International Tax Agreements Act 1953 – Section 5 Current agreements have the force of law. URL: http://www6.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/legis/cth/consol_act/itaa1953299/s5.html (дата обращения: 05.06.2024).

³⁴⁴ Addy v Commissioner of Taxation, HCA 34, 24 June 2021, 3 November 2021, S25/2021, para. 23. URL: https://www6.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/cth/HCA/2021/34.html?context=1;query=Addy%20v%20Commissioner%20of%20Taxation;mask_path=au/cases/cth/HCA (дата обращения: 05.06.2024).

не соответствующему модели, установленной Венскими правилами толкования.

В российской правовой системе вопросы заключения, реализации и денонсации международных договоров Российской Федерации регулируются Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», Постановлениями Правительства Российской Федерации, нормативными актами Министерства иностранных дел Российской Федерации, Постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

В 2020 г. в Конституцию Российской Федерации были внесены поправки общероссийским голосованием 1 июля 2020 года. В частности, статья 79 была изложена в следующей редакции: «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации»³⁴⁵.

Статья 125 была дополнена частью 5.1.: «5.1. Конституционный Суд Российской Федерации:

а) [...]

б) в порядке, установленном федеральным конституционным законом, разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных

³⁴⁵ Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/?ysclid=livvmksb6x290260446> (дата обращения: 05.06.2024).

органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации;

в) [...]»³⁴⁶.

В связи с этим, Т. Я. Хабриева и А. А. Клишас отмечают, что «... в конституционной поправке говорится о решениях межгосударственных органов, принимаемых на основе положений международных договоров Российской Федерации. Таким образом, речь не идёт об устранении противоречий между нормами международного права и положениями Конституции РФ. Вводится механизм устранения возможных коллизий при толковании норм международного права и Конституции РФ, поскольку возникающие противоречия обусловлены не содержанием конкретных международных правовых документов, а наличием конкуренции между толкованием их положений в наднациональной и национальной интерпретации»³⁴⁷.

Вместе с тем Венецианская Комиссия Совета Европы в своем Заключении по поправкам к статьям 79 и 125 Конституции Российской Федерации подчеркнула, что противоречия между толкованиями международных и национальных судов можно устранить «диалогом судей»³⁴⁸.

³⁴⁶ Там же.

³⁴⁷ Хабриева Т. Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»/ Т. Я. Хабриева, А.А. Клишас. – Москва: Норма : Инфра-М, 2020. С. 90.

³⁴⁸ CDL-AD (2020)009-e/Russian Federation - Opinion on draft amendments to the Constitution (as signed by the President of the Russian Federation on 14 March 2020) related to the execution in the Russian Federation of decisions by the European Court of Human Rights, adopted by the Venice Commission on 18 June 2020 by a written procedure replacing the 123rd Plenary Session, para. 63. – URL:

Действительно, Конституционный Суд Российской Федерации проявил определенную готовность к диалогу с ЕСПЧ. В своем постановлении по делу Анчугова и Гладкова Конституционный Суд Российской Федерации решил, что решение ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» не может быть исполнено, но одновременно нашел решение проблемы³⁴⁹. На основе этого решения было внесено изменение в уголовное законодательство Российской Федерации, и Комитет Министров Совета Европы посчитал, что решение ЕСПЧ было полностью исполнено Российской Федерацией. Однако после выхода Российской Федерации из Совета Европы, денонсации ЕКПЧ и выхода из ЕСПЧ концепция «диалога судей» российских с международными судьями (ЕСПЧ) утратила свое значение.

Кроме этого, в Российской Федерации в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года, судами общей юрисдикции следует толковать международные договоры согласно Венской конвенцией. Так, при толковании международного договора им необходимо учитывать не только содержание, но и последующую практику его применения, которая отражает позицию участников относительно толкования договора в соответствии с пунктом 3 (b) статьи 31 ВКПМД³⁵⁰.

При этом обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации демонстрирует, что практика международных органов, отвечающих за соблюдение международных обязательств в области прав

[https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2020\)009-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2020)009-e) (дата обращения: 05.06.2024).

³⁴⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П "по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу "Анчугов и Гладков против России" в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации" // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201604220012> (дата обращения: 05.06.2024).

³⁵⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации" // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44722/ (дата обращения: 05.06.2024).

человека, предусмотренных в договоре, по их мнению также является последующей практикой применения международных договоров о правах человека, отражающую общее соглашение сторон относительно их толкования. При вынесении решений суды учитывают практику Комитета ООН по правам человека³⁵¹, Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам³⁵², Комитета против пыток, Комитета по ликвидации расовой дискриминации, Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитета по правам ребенка, до 2022 г. суды учитывали практику ЕСПЧ³⁵³.

Российская Федерация является участником Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (далее – Пакт)³⁵⁴. Согласно резолюции Экономического и Социального Совета ООН от 28 мая 1985 года № 1985/17, создан Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам (далее – Комитет), которому государства-участники Пакта обязаны представлять отчеты о внутригосударственной реализации экономических, социальных и культурных прав человека. После изучения

³⁵¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2013 года. Утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 5 февраля 2014 года // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/15130/> (дата обращения: 05.06.2024).

³⁵² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3, 2022. Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 декабря 2022 г. // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/31943/> (дата обращения: 05.06.2024); Обзор практики Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, связанной с рассмотрением индивидуальных сообщений (Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации) // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/32325/?ysclid=lymxbzizmm790664439 (дата обращения: 05.06.2024).

³⁵³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148391/ (дата обращения: 05.06.2024); Обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел. Утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 8 декабря 2021 г. // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/30586/> (дата обращения: 05.06.2024).

³⁵⁴ Ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 г. и вступил в силу 3 января 1976 г.

докладов Комитет направляет государству-участнику соответствующие замечания и рекомендации.

При реализации положений Пакта суды принимают во внимание содержание раздела 3 Части III Венской конвенции. В связи с этим они учитывали практику Комитета, заключающуюся в резолюциях, принятых по результатам рассмотрения индивидуальных жалоб против третьих государств-участников Пакта и в общих замечаниях о толковании отдельных положений Пакта. Практика судов показывает, что нарушение норм Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и соответствующего им российского материального и процессуального законодательства может послужить основанием для отмены или изменения судебного решения³⁵⁵.

Анализ судебной практики демонстрирует, что при рассмотрении дел суды, помимо законодательства Российской Федерации, руководствуются положениями Пакта. В связи с этим суды учитывают позицию Комитета о том, что нормы внутреннего права государств-участников Пакта следует толковать с учетом международно-правовых обязательств в максимально возможной степени³⁵⁶.

При рассмотрении уголовных дел суды применяют нормы международного права при разрешении вопросов как материального, так и процессуального характера. При этом в соответствии с Федеральным законом от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» учитываются положения тех международных договоров Российской Федерации, которые вступили в силу для Российской Федерации и официально опубликованы. В случае если международным договором Российской Федерации, согласие на обязательность которого выражено в

³⁵⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3, 2022. Утвержден Президиумом Верховного суда 21 декабря 2022 г. // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/practice/31943/> (дата обращения: 02.02.2024).

³⁵⁶ Например, пункт 15 Замечания общего порядка № 9 «Применение Пакта во внутреннем праве», принятого Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1490423?ln=en&v=pdf> (дата обращения: 02.02.2024).

форме федерального закона, предусматриваются иные правила, чем установленные законом, применяются правила международного договора. Однако если международным договором Российской Федерации, согласие на обязательность которого не выражено в форме федерального закона, предусматриваются иные правила, чем установленные законом, суды руководствуются законом.

В обзоре Верховным Судом РФ практики применения принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел указывается на то, что «нарушение нормы международного права, выразившееся в неприменении нормы, подлежащей применению, или, напротив, применении судом нормы международного права, не подлежащей применению, либо когда судом было дано неправильное толкование такой нормы, являлось основанием для отмены или изменения судебного решения. Кроме того, суды учитывали содержание норм международного права, а также их интерпретацию международными договорными органами при применении уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации»³⁵⁷.

Однако, как отмечает профессор Б. Л. Зимненко, «в настоящее время процессуальное законодательство Российской Федерации не предусматривает в качестве нового обстоятельства для пересмотра вступившего в законную силу судебного акта установление договорными органами ООН, компетенцию которых на принятие индивидуальных сообщений признает Российская Федерация, нарушения положений международного договора Российской Федерации»³⁵⁸.

³⁵⁷ Обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 8 декабря 2021 г. // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/30586/> (дата обращения: 05.06.2024).

³⁵⁸ Зимненко, Б. Л. О значении для судов Российской Федерации практики международных договорных органов ООН / Б. Л. Зимненко // Правосудие. 2023. Т. 5, № 1. С. 78. DOI 10.37399/2686-9241.2023.1.54-90.

В связи с этим, следует подчеркнуть, что это не отменяет приверженности Верховного Суда РФ надлежащему обеспечению прав человека на территории Российской Федерации. Вместе с тем необходимо отметить, что практика и рекомендации международных договорных органов не соответствуют в полной мере понятию последующей практики применения международного договора согласно Венской конвенции. В частности, члены договорных органов не являются официальными представителями государств с делегированными им полномочиями, а решения договорных органов не выражают общее согласие государств-участников относительно толкования, принятого такими органами. Соответственно, использование решений договорных органов в качестве последующей практики применения для толкования международных договоров Российской Федерации не соответствует пункту 3 (b) статьи 31 Венской конвенции.

В этой связи представляется логичным предложить Верховному Суду РФ изложить юридическую природу последующей практики применения международного договора как средства толкования и сформировать правовую позицию относительно возможности ее использования в целях правосудия при возможном уточнении в текста Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» в будущем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное научное исследование показало, что концепция последующей практики применения международного договора в качестве средства судебного толкования международных договоров представляет собой признанный доктриной и практикой подход, который главным образом ориентирован на установление согласия государств в отношении толкования международного договора в целом или отдельных его положений. Несмотря на то, что основным критерием для использования последующей практики применения международного договора как средства судебного толкования является активное участие всех сторон договора в согласовании позиций относительно его смысла, общепризнанным является то, что простого молчаливого согласия некоторых из них в ситуациях, не требующей реакции, будет достаточно. Такая практика применения договора, если она должным образом выявлена, может стать ценным инструментом для понимания позиций договаривающихся сторон относительно смысла договора.

Тем не менее, следует подчеркнуть, что концепция последующей практики применения международного договора не всегда подразумевает неизменную и догматическую интерпретацию положений международного договора. Последовательная и согласованная практика сторон, отражающая их общие намерения, может привести к глубоким интерпретационным выводам вплоть до переосмысления значения положений договора. В частности, возможность развития и адаптации договорных норм в ответ на изменяющиеся обстоятельства и новые реалии международных отношений позволяет гибко подходить к их толкованию и применению. Таким образом, последующая практика применения международного договора, развившаяся с течением времени, может отразить согласованную эволюцию взаимных прав и обязательств государств и способствовать актуализации договорных норм без необходимости формального пересмотра международных договоров.

В целях раскрытия юридической природы последующей практики применения международных договоров диссертантом предложено её

определение. Последующая практика применения международного договора, отражающая согласие сторон относительно его толкования, рассматривается как деятельность субъектов международного права, направленная на выполнение международного договора и свидетельствующая о согласованном понимании его положений на основе повторяющегося и устойчивого поведения сторон. Такое поведение формирует основу для признания толкования сторон как аутентичного средства, подкреплённого их последовательным поведением в течение длительного времени. Определение подчёркивает, что согласие сторон, как явное, так и молчаливое, является центральным элементом данного подхода.

С учетом большого значения международного судебного разбирательства в урегулировании межгосударственных споров, зачастую опирающихся на результаты толкования международных договоров, в диссертации предложено уточнить научное представление об органах международного правосудия. Так, к ним относятся международные судебные, квазисудебные и арбитражные учреждения, созданные на основании международных договоров или решений международных организаций, уполномоченные интерпретировать международно-правовые нормы и разрешать споры между государствами, юридическими и физическими лицами. Это определение расширяет существующий терминологический аппарат отечественной науки международного права.

Исследование судебных подходов к толкованию международных договоров позволило выявить ключевые критерии, которыми руководствуются ОМП при установлении последующей практики применения международного договора, в том числе: последовательность поведения сторон, их участие в согласовании толкования, долгосрочная устойчивость поведения, а также его соответствие объекту и целям договора. Эти критерии позволяют выявить, насколько последующая практика применения договора отражает реальное согласие сторон, и значительно повышают уровень объективности судебного толкования.

Кроме того, раскрыта взаимосвязь концепции «self-judgement», которая позволяет государствам самостоятельно толковать и применять отдельные договорные нормы, особенно в вопросах безопасности, и создает риск злоупотреблений и подрыва международно-правового порядка, с последующей практикой применения международного договора как средства толкования, которая выступает ограничивающим фактором применения односторонних мер, обеспечивая согласованность толкования между сторонами. ОМП анализируют добросовестность и пропорциональность применения норм «self-judgement». Взаимодействие двух механизмов правоприменения помогает формировать стабильные подходы к толкованию международно-правовых договорных обязательств.

На внутригосударственном уровне при анализе практики национальных судов стран общего права наблюдается тенденция к пониманию ими юридической природы последующей практики применения международного договора как аутентичного средства толкования, которое, однако, не всегда соответствует модели, сложившейся в деятельности ОМП, что объясняется объективными возможностями национальных судов в установлении границ толкования международного договора. Такая тенденция указывает на то, что в зависимости от подхода каждого государства к применению международных договоров, их национальные суды толкуют международный договор, адаптируя Венские правила толкования к особенностям внутригосударственного правопорядка.

В диссертации рассмотрен подход к пониманию последующей практики применения международных договоров как средства толкования в российском правосудии. Исходя из разработанной в диссертации концепции последующей практики применения международных договоров, представляется возможным в будущем скорректировать отдельные положения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5 от 10 октября 2003 года «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации (с

изменениями, внесенными постановлением Пленума от 5 марта 2013 г. № 4)». Конкретизация значения последующей практики применения международных договоров в рамках судебного толкования способствует более справедливому и основанному на международных стандартах судебному правоприменению. Использование последующей практики позволило бы обеспечить более корректное применение международно-правовых норм в национальной правовой системе в интересах правосудия.

Итак, концепция последующей практики применения международного договора представляет собой многогранный и динамичный инструмент, который позволяет толковать международные договоры с учетом складывающейся практики их реализации, согласованного поведения сторон и меняющихся условий международных отношений, и позволяет ОМП выполнять важнейшую задачу – балансировать между юридической строгостью международно-правовых норм и гибкостью их толкования, необходимой для сохранения эффективности межгосударственного взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Международные договоры

1. Multi-party Interim Appeal Arbitration Arrangement pursuant to Article 25 of the DSU // WTO Documents Online. URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=263504 (дата обращения: 27.01.2024).
2. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года (Принята 23 мая 1969 года) // Организация Объединенных наций: сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 27.01.2024).
3. Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1947 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Консорциум «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901981?marker> (дата обращения: 27.01.2024).
4. Договор о Евразийском экономическом союзе (с изменениями на 21 ноября 2023 года) (редакция, действующая с 7 июня 2024 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Консорциум «Кодекс»: сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420205962?ysclid=m7lvtwjh6l909700422> (дата обращения: 23.12.2024).
5. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Консорциум «Кодекс»: сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901753259> (дата обращения: 21.12.2023).
6. Конвенция о мирном решении международных столкновений // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Консорциум «Кодекс»: сайт. URL:

- <https://docs.cntd.ru/document/901762207?ysclid=m6jc1jiugf71671584> (дата обращения 21.12.2023).
7. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года) // Организация Объединенных наций: сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 27.01.2024).
8. Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации от 15.04.1994 г. и приложения к нему // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Консорциум «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902152?ysclid=m6tbwepif547167710> (дата обращения: 27.01.2024).
9. Соглашение по применению статьи VI Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 // Центр экспертизы ВТО: сайт. URL: <https://wto.ru/upload/iblock/4c1/4c1eb3716510d692d1346e918cec8a9b.doc> (дата обращения: 27.01.2024).
10. Статут Международного Суда ООН // Организация Объединенных наций: сайт. URL: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (дата обращения: 27.01.2024).
11. Устав Организации Объединённых Наций. // Организация Объединенных наций: сайт. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 27.01.2024).

Нормативно-правовые акты Российской Федерации

12. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/?ysclid=livvmksb6x290260446> (дата обращения: 05.06.2024).

13. Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280017?ysclid=m7alwy18e1292953483> (дата обращения: 27.01.2024).
14. Федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18263/ (дата обращения: 05.06.2024).

Иные нормативные источники

15. Extradition (Republic of Hungary) Regulations // Australian Government. URL: <https://www.legislation.gov.au/F1997B02586/asmade/text> (дата обращения: 05.06.2024).
16. International Tax Agreements Act 1953 – Section 5 Current agreements have the force of law. URL: http://www6.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/legis/cth/consol_act/itaa1953299/s5.html (дата обращения: 05.06.2024).
17. The Enactments of Justinian. The Novels // Scott S. P. The Civil Law, XVII. – Cincinnati, 1932. URL: https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Anglica/N143_Scott.htm (дата обращения: 21.12.2023).
18. Коран / АН СССР, Ин-т востоковедения; пер. и коммент. И. Ю. Крачковского; [ред. В. И. Беляев; авт. предисл. П. Грязневич, В. Беляев]. – 2-е изд. – Москва: Наука, 1986. – 727 с.
19. ан-Навави, Абу Закарийа бин Шараф (1233-1277). Рийад ас-салихин: в 2 т. / Абу Закарийа Йахйя б. Шараф ан-Навави; перевёл [с арабского] Абдулла Нирша. — Москва: Умма, 2021.

Материалы арбитражной и судебной практики

А. Материалы Постоянной палаты международного правосудия

20. Case of the S.S. Wimbledon (Judgment), PCIJ Ser. A, № 1, 1923. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_A/A_01/03_Wimbledon_Arret_08_1923.pdf (дата обращения: 27.01.2024).
21. Case relating to the Territorial Jurisdiction of the International Commission of the River Oder (Judgment), PCIJ Ser. A, № 23, 1928. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_A/A_23/74_Commission_internationale_de_l'Oder_Arret.pdf (дата обращения: 27.01.2024).
22. Competence of the International Labour Organization in regard to International Regulation of the Conditions of Labour of Persons Employed in Agriculture (Advisory Opinion), PCIJ Ser. B, № 2, 1922. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_B/B_02/Competence_OIT_Agriculture_Avis_consultatif.pdf (дата обращения: 27.01.2024).
23. Factory at Chorzów (Indemnity) (Jurisdiction), PCIJ Ser. A, № 9, 1927. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_A/A_09/28_Usine_de_Chorzow_Competence_Arret.pdf (дата обращения: 27.01.2024).
24. Free City of Danzig and International Labour Organization (Advisory Opinion), PCIJ Ser. B, № 18, 1930. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_B/B_18/01_Ville_libre_de_Danzig_et_OIT_Avis_consultatif.pdf (дата обращения: 27.01.2024).
25. Free Zones of Upper Savoy and the District of Gex (France v. Switzerland), PCIJ Ser. A, № 22, 1929. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_A/A_22/68_Zones_franches_Haute_Savoie_et_Pays_de_Gex_Ordonnance_19290819.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

26. German Settlers in Poland (Advisory Opinion), PCIJ Ser. B, № 6, 1923. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_B/B_06/Colons_allemands_en_Pologne_Avis_consultatif.pdf (дата обращения: 27.01.2024).
27. Interpretation of Article 3, Paragraph 2, of the Treaty of Lausanne (Advisory Opinion), PCIJ Ser. B, № 12, 1925. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_B/B_12/01_Article_3_du_traite_de_Lausanne_Avis_consultatif.pdf (дата обращения: 27.01.2024).
28. Interpretation of the Convention of 1919 Concerning Employment of Women During the Night (Advisory Opinion), PCIJ Ser. A/B, № 50, 1932. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_AB/AB_50/01_Travail_de_nuit_Avis_consultatif.pdf (дата обращения: 27.01.2024).
29. Interpretation of the Statute of the Memel Territory (Judgment), PCIJ Ser. A/B, № 47, 1932. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_AB/AB_49/01_Memel_Arret.pdf. (дата обращения: 27.01.2024).
30. Lighthouses Case between France and Greece (France v. Greece), PCIJ Ser. A/B, №. 62, 1934. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_AB/AB_62/01_Affaire_des_phares_Arret.pdf (дата обращения: 27.01.2024).
31. Serbian Loans (Judgment), PCIJ Ser. A, № 20, 1929. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_A/A_20/62_Emprunts_Serbes_Arret.pdf (дата обращения: 27.01.2024).
32. The case of S.S. “Lotus” (Judgment), PCIJ Ser. A, № 10, 1927. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_A/A_10/30_Lotus_Arret.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

В. Материалы Международного Суда ООН

33. Aegean Sea Continental Shelf (Greece v. Turkey), Judgment, Dissenting Opinion of Judge de Castro, I.C.J. Reports 1978. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/62/062-19781219-JUD-01-06-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
34. Aegean Sea Continental Shelf (Greece v. Turkey), Judgment, I.C.J. Reports 1978. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/62/062-19781219-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
35. Alleged Violations of Sovereign Rights and Maritime Spaces in the Caribbean Sea (Nicaragua v. Colombia), Preliminary Objections, Judgement, I.C.J. Reports 2016. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/155/155-20160317-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
36. Appeal Relating to the Jurisdiction of the ICAO Council (India v. Pakistan), Judgment, Separate Opinion of Judge Dillard, I.C.J. Reports 1972. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/54/054-19720818-JUD-01-05-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
37. Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro), Judgment, I.C.J. Reports 2007. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/91/091-20070226-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
38. Application of the Interim Accord of 13 September 1995 (The Former Yugoslav Republic of Macedonia v. Greece), Judgment of 5 December 2011, I.C.J. Reports 2011. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/142/142-20111205-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
39. Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Qatar v. United Arab Emirates), Preliminary Objections, Judgement, I.C.J. Reports 2021. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/172/172-20210204-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

40. Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation), Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2011. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/140/140-20110401-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
41. Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation), Preliminary Objections, Judgment, Joint Dissenting Opinion of President Owada, Judges Simma, Abraham, Donoghue, and Judge ad hoc Gaja, I.C.J. Reports 2011. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/140/140-20110401-JUD-01-01-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
42. Arbitral Award of 3 October 1899 (Guyana v. Venezuela), Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 2020. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/171/171_20201218_JUD_01-00-EN.pdf (дата обращения: 27.01.2024).
43. Arbitral Award of 31 July 1989 (Guinea-Bissau v. Senegal), Judgement, I.C.J. Reports 1991. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/82/082-19911112-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
44. Asylum Case (Colombia v. Peru), Judgment, Dissenting Opinion of Judge Badawi Pasha, I.C.J. Reports 1950. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/7/007-19501120-JUD-01-02-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
45. Barcelona Traction, Light and Power Company Limited (Belgium v. Spain), Judgment, Separate Opinion of Judge Ammoun, I.C.J. Reports 1970. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/50/050-19700205-JUD-01-10-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
46. Case concerning delimitation of the maritime boundary in the Gulf of Maine area (Canada/United States of America), Memorial of Canada, 27 September 1982. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/67/13122.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

47. Case concerning Maritime Delimitation in the Area between Greenland and Jan Mayen (Denmark v. Norway), Judgment, I.C.J. Reports 1993. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/78/078-19930614-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).
48. Case concerning the Arbitral Award made by the King of Spain on 23 December 1906 (Honduras v. Nicaragua), I.C.J. Reports 1960. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/39/039-19601118-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
49. Case concerning the Temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand), Merits, Judgment of 15 June 1962: I.C.J. Reports 1962. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/45/045-19620615-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
50. Certain Expenses of the United Nations, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1962. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/49/049-19620720-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).
51. Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America), Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2019. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/164/164-20190213-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
52. Dispute regarding Navigational and Related Rights (Costa Rica v. Nicaragua), Judgment, Separate Opinion of Judge Skotnikov, I.C.J. Reports 2009. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/133/133-20090713-JUD-01-02-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
53. Dispute regarding Navigational and Related Rights (Costa Rica v. Nicaragua), Judgment, I.C.J. Reports 2009. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/133/133-20090713-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
54. Fisheries Jurisdiction (Germany v. Iceland), Merits, Judgment, Separate Opinion of Judge De Castro, I.C.J. Reports 1974. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/13/13-19740113-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

[cij.org/sites/default/files/case-related/56/056-19740725-JUD-01-06-EN.pdf](https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/56/056-19740725-JUD-01-06-EN.pdf)

(дата обращения: 27.01.2024).

55. Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada), Jurisdiction of the Court, Judgment, I. C.J. Reports 1998. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/96/096-19981204-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
56. Frontier Dispute (Burkina Faso/Republic of Mali), Judgment, I.C.J. Reports 1986. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/69/069-19861222-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
57. Immunities and Criminal Proceedings (Equatorial Guinea v. France), Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2018. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/163/163-20180606-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
58. Immunities and Criminal Proceedings (Equatorial Guinea v. France), Judgment, I.C.J. Reports 2020. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/163/163-20201211-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
59. Jadhav (India v. Pakistan), Judgment, I.C.J. Reports 2019. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/168/168-20190717-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
60. Kasikili/Sedudu Island (Botswana/Namibia), Judgment, I.C.J. Reports 1999. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/98/098-19991213-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
61. LaGrand (Germany v. United States of America), Judgment, I.C.J. Reports 2001. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/104/104-20010627-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
62. Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria (Cameroon v. Nigeria: Equatorial Guinea intervening), Judgment, I.C.J. Reports 2002. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/94/094-20021010-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
63. Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 1998. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/94/094-20021010-JUD-01-00-EN.pdf>

[cij.org/sites/default/files/case-related/94/094-19980611-JUD-01-00-EN.pdf](https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/94/094-19980611-JUD-01-00-EN.pdf)

(дата обращения: 21.12.2023).

64. Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras: Nicaragua intervening), Judgment, I.C.J. Reports 1992. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/75/075-19920911-JUD-01-00-EN.pdf>

(дата обращения: 27.01.2024).

65. Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras: Nicaragua intervening) Judgment, Separate Opinion of Judge Torres Bernárdez, I.C.J. Reports 1992, paras. 190-191. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/75/075-19920911-JUD-01-03-EN.pdf>

(дата обращения: 27.01.2024).

66. Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970), Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1971. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/53/053-19710621-ADV-01-00-EN.pdf>

(дата обращения: 21.12.2023).

67. Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/131/131-20040709-ADV-01-00-EN.pdf>

(дата обращения: 21.12.2023).

68. Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, Dissenting Opinion of Judge Shahabuddeen, I.C.J. Reports 1995. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/87/087-19950215-JUD-01-03-EN.pdf>

(дата обращения: 27.01.2024).

69. Maritime Delimitation in the Indian Ocean (Somalia v. Kenya), Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2017. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/161/161-20170202-JUD-01-00-EN.pdf>

(дата обращения: 27.01.2024).

70. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1984. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/70/070-19841126-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
71. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1986. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 29.12.2024).
72. Nuclear Tests (New Zealand v. France), Judgment, I.C.J. Reports 197. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/59/059-19741220-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
73. Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America), Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 1996. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/90/090-19961212-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).
74. Question of the Delimitation of the Continental Shelf between Nicaragua and Colombia beyond 200 Nautical Miles from the Nicaraguan Coast (Nicaragua v. Colombia), Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2016. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/155/155-20160317-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
75. Reparation for injuries suffered in the service of the United Nations, Advisory Opinion: I.C. J. Reports 1949. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/4/004-19490411-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
76. Reservations to the Convention on Genocide, Advisory Opinion: I.C.J. Reports 1951. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/12/012-19510528-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
77. South West Africa (Liberia v. South Africa), Second Phase, Judgment, I.C.J. Reports 1966. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/47/047-19660718-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

78. South West Africa Cases (Ethiopia v. South Africa; Liberia v. South Africa), Preliminary Objections, Judgment of 21 December 1962: Dissenting Opinion of Judge van Wyk, I.C.J. Reports; 1962. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/47/047-19621221-JUD-01-09-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
79. Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia), Judgment, I.C.J. Reports 2002. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/102/102-20021217-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
80. Whaling in the Antarctic (Australia v. Japan: New Zealand intervening), Judgment, I.C.J. Reports 2014. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/148/148-20140331-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
81. Whaling in the Antarctic (Australia v. Japan: New Zealand intervening), Judgment, Separate Opinion of Judge Cançado Trindade, I.C.J. Reports 2014. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/148/148-20140331-JUD-01-05-EN.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

С. Материалы Органа по разрешению споров Всемирной торговой организации

82. Canada – Term of Patent Protection – WT/DS170/R – Report of the Panel. 2000. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/170R-00.pdf&Open=True> (дата обращения: 27.01.2024).
83. Colombia – Anti-Dumping Duties on Frozen Fries from Belgium, Germany and The Netherlands, Arbitration under Article 25 of the DSU, Award of the Arbitrators, WT/DS591/ARB25, 2022. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/591ARB25.pdf&Open=True> (дата обращения: 27.01.2024).

84. European Communities – Customs Classification of Frozen Boneless Chicken Cuts – AB-2005-5 – Report of the Appellate Body. 2005. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/286ABR.pdf&Open=True> (дата обращения: 27.01.2024).
85. European Communities – Regime for the Importation, Sale and Distribution of Bananas, Second Recourse to Article 21.5 of the DSU by Ecuador (EC – Bananas III), Second Recourse to Article 21.5, WT/DS27/AB/RW2/ECU Corr.1, WT/DS27/AB/RW/USA Corr.1. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/27abrw_e.pdf (дата обращения: 27.01.2024).
86. India – Measures Concerning Sugar and Sugarcane, DS580. 2022. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds580_e.htm (дата обращения: 27.01.2024).
87. Japan – Taxes on Alcoholic Beverages – AB-1996-2 – Report of the Appellate Body. 1996. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/8ABR.pdf&Open=True> (дата обращения: 27.01.2024).
88. Japan – Taxes on Alcoholic Beverages – Report of the Panel, 1996. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/8R.pdf&Open=True> (дата обращения: 27.01.2024).
89. Korea – Definitive Safeguard Measure on Imports of Certain Dairy Products – AB-1999-8 – Report of the Appellate Body. 1999. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/98ABR.pdf&Open=True> (дата обращения: 27.01.2024).
90. Russia – Measures Concerning Traffic in Transit – Report of the Panel, WT/DS512/R, 2019. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/512R.pdf&Open=True> (дата обращения: 29.12.2024).
91. Saudi Arabia – Measures concerning the Protection of Intellectual Property Rights – Report of the Panel, WT/DS567/R, 2020. URL:

- <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/567R.pdf&Open=True> (дата обращения: 29.12.2024).
92. United States – Certain Measures on Steel and Aluminum Products – Report of the Panel, WT/DS544/R, 2022. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/544R.pdf&Open=True> (дата обращения: 29.12.2024).
93. United States – Measures Affecting the Cross-Border Supply of Gambling and Betting Services – AB-2005-1 – Report of the Appellate Body. 2005. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/285ABR.pdf&Open=True> (дата обращения: 21.12.2023).
94. United States – Origin Marking Requirement – Report of the Panel, WT/DS597/R, 2022. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/597R.pdf&Open=True> (дата обращения: 29.12.2024).
95. United States – Standards for Reformulated and Conventional Gasoline – AB-1996-1 – Report of the Appellate Body. 1996. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/2ABR.pdf&Open=True> (дата обращения: 27.01.2024).

D. Материалы Суда Евразийского экономического союза

96. Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 17.10.2023 № Р-3/23 «О разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и отдельных решений, входящих в право Союза» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=459810> (дата обращения: 27.01.2024).
97. Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 12.02.2025 № Р-6/24 «О разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года» // СПС КонсультантПлюс. URL:

<https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=498578> (дата обращения: 15.02.2025).

98. Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 11.07.2023 № Р-2/23 «По заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 и отдельных решений органов Евразийского экономического союза» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=451933> (дата обращения: 27.01.2024).
99. Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 30.05.2023 № Р-1/23 «О разъяснении положений Соглашения о маркировке товаров средствами идентификации в Евразийском экономическом союзе от 2 февраля 2018 года и решений Совета ЕЭК, предусматривающих введение маркировки отдельных товаров средствами идентификации». URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=448332> (дата обращения: 27.01.2024).
100. Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 22.11.2022 № СЕ-2-2/1-22-БК «О разъяснении положений пункта 18 Протокола о порядке регулирования закупок (приложение № 25 к Договору о ЕАЭС от 29.05.2014)» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=432107> (дата обращения: 09.12.2022).
101. Решение Суда Евразийского экономического союза от 21.02.2017 № СЕ-1-1/1-16-БК «Об установлении факта исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств - членов Таможенного союза от 21.05.2010» // СПС КонсультантПлюс. URL:

<https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=213235> (дата обращения: 05.06.2024).

102. Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 года по делу по жалобе закрытого акционерного общества «Дженерал Фрейт». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420664/ac_10012019 (дата обращения: 27.01.2024);
103. Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 03.10.2023 по делу по заявлениям АО «Альфа-Медика»; ООО «СиЭс Медика»; ООО «Фирма Консалтинг и Коммерция». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01441851/ac_01112023 (дата обращения: 27.01.2024).
104. Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 03.10.2023 по делу по заявлениям АО «Альфа-Медика»; ООО «СиЭс Медика»; ООО «Фирма Консалтинг и Коммерция». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01441851/ac_01112023 (дата обращения: 27.01.2024).

Е. Арбитражные решения

105. Angel Samuel Seda and others v. Republic of Colombia, ICSID Case No. ARB/19/6, Award, 2024. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw182199.pdf> (дата обращения: 29.12.2024).
106. Russian Claim for Interest on Indemnities (Russia / Turkey), Award of the Tribunal, PCA, 1912. URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/89/> (дата обращения: 21.12.2023).
107. The North Atlantic Coast Fisheries Case (Great Britain / United States of America), Award of the Tribunal, PCA, 1910. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/496> (дата обращения: 21.12.2023).
108. The South China Sea Arbitration (The Republic of Philippines v. The People's Republic of China), PCA Award of 12 July 2016. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/2086> (дата обращения: 29.12.2024).

109. Cross-border Trucking Services (Mexico v. United States of America), NAFTA Arbitral Panel Final Report, № USA-MEX-98-2008-01. 2001. URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-in-the-matter-of-cross-border-trucking-services-final-report-of-the-panel-tuesday-6th-february-2001#decision_25072 (дата обращения: 21.12.2023).
110. Decision regarding delimitation of the border between Eritrea and Ethiopia, Award of 13 April 2002, Reports of International Arbitral Awards, vol. XXV. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_xxv/83-195.pdf (дата обращения: 21.12.2023).
111. Dispute between Argentina and Chile concerning the Beagle Channel, Award of 18 February 1977, Reports of International Arbitral Awards, vol. XXI. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_xxi/53-264.pdf (дата обращения: 27.01.2024).
112. CMS Gas Transmission Company v Argentina, ICSID Case № ARB/01/8, Award, 12 May 2005. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0184.pdf> (дата обращения: 29.12.2024).

Е. Материалы Европейского Суда по правам человека

113. Al-Saadoon and Mufdhi v. United Kingdom. Judgment of the ECtHR of 2 March 2010, Application No. 61498/08. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-97575> (дата обращения: 21.12.2023).
114. Öcalan v Turkey, Judgment of the ECtHR of 12 March 2003, Application No. 46221/99. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-186703%22%7D> (дата обращения: 21.12.2023).
115. Soering v. United Kingdom, Judgment of the ECtHR of 7 July 1989, Application No. 14038/88. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-57619%22%7D> (дата обращения: 21.12.2023).

116. Hassan v. United Kingdom, Judgment of the ECtHR of 16 September 2014, Application No. 29750/09. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-146501> (дата обращения: 21.12.2023).

G. Материалы Суда Европейского Союза

117. Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 11 July 1985. Foreningen af Arbejdsledere i Danmark v A/S Danmols Inventar, in liquidation. Reference for a preliminary ruling: Vestre Landsret - Denmark. Case 105/84. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61984CJ0105> (дата обращения: 05.06.2024).
118. Judgment of the Court (Fourth Chamber) of 25 February 2010. Firma Brita GmbH v Hauptzollamt Hamburg-Hafen. Reference for a preliminary ruling: Finanzgericht Hamburg - Germany. Case C-386/08. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=72406&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=19460799> (дата обращения: 05.06.2024).
119. Judgment of the Court (Third Chamber) of 22 November 2012. Pedro Espada Sánchez and Others v Iberia Líneas Aéreas de España SA. Reference for a preliminary ruling from the Audiencia Provincial de Barcelona. Case C-410/11. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=130248&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=19460799> (дата обращения: 05.06.2024).
120. Judgment of the Court (Third Chamber) of 6 February 2014. Helm Düngemittel GmbH v Hauptzollamt Krefeld. Request for a preliminary ruling from the Finanzgericht Düsseldorf. Case C-613/12, para 37. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=147504&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=19468907> (дата обращения: 05.06.2024).
121. Judgment of the Court of 30 July 1996. Bosphorus Hava Yollari Turizm ve Ticaret AS v Minister for Transport, Energy and Communications and others.

- Reference for a preliminary ruling: Supreme Court - Ireland. Case C-84/95, para. 11. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:61995CJ0084> (дата обращения: 05.06.2024).
122. Judgment of the Court of 30 November 1977. Leonce Cayrol v Giovanni Rivoira & Figli. Reference for a preliminary ruling: Tribunale civile e penale di Saluzzo - Italy. Case C-52/77, p.2277, para 18. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:61977CJ0052> (дата обращения: 05.06.2024)
123. Judgment of the Court of 5 July 1994. The Queen v Minister of Agriculture, Fisheries and Food, ex parte S. P. Anastasiou (Pissouri) Ltd and others. Reference for a preliminary ruling: High Court of Justice, Queen's Bench Division - United Kingdom. Case C-432/92, para 43. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61992CJ0432> (дата обращения: 05.06.2024).
124. Judgment of the Court of 9 August 1994. French Republic v Commission of the European Communities. Case C-327/91, para. 36. URL: <https://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?text=&docid=98290&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=19468227> (дата обращения: 05.06.2024).
125. Judgment of the Court of First Instance (Eighth Chamber) of 24 September 2008. Reliance Industries Ltd v Council of the European Union and Commission of the European Communities. Case T-45/06, para. 100. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62006TJ0045> (дата обращения: 05.06.2024).
126. Opinion of the Court (Full Court) of 18 December 2014. Opinion pursuant to Article 218(11) TFEU. Para. 157. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=160882&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=19472342> (дата обращения: 05.06.2024)

127. Opinion of the Court of 15 November 1994. Competence of the Community to conclude international agreements concerning services and the protection of intellectual property - Article 228 (6) of the EC Treaty. Para. 52. URL: <https://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?text=&docid=99588&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=19468907> (дата обращения: 05.06.2024).

Н. Материалы российской судебной практики

128. Обзор практики Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, связанной с рассмотрением индивидуальных сообщений (Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации) // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/32325/?ysclid=lymxbzizmm790664439 (дата обращения: 05.06.2024).
129. Обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел. Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 8 декабря 2021 г. // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/30586/> (дата обращения: 05.06.2024).
130. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3, 2022. Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 декабря 2022 г. // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/31943/> (дата обращения: 05.06.2024);
131. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2013 года. Утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 5 февраля 2014 года // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/15130/> (дата обращения: 05.06.2024).

132. Обобщение правовых позиций и практики Суда Евразийского экономического союза (актуализировано по состоянию на 1 сентября 2024 года, утв. Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ) // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. 2024. URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/34043/ (дата обращения: 03.11.2024).
133. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П "по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу "Анчугов и Гладков против России" в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации" // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201604220012> (дата обращения: 05.06.2024).
134. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации" // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44722/ (дата обращения: 05.06.2024).
135. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 года № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8352/?ysclid=lymxfx2pco146243409> (дата обращения: 05.06.2024).
136. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека

и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148391/ (дата обращения: 05.06.2024).

I. Материалы зарубежной судебной практики

137. Addy v Commissioner of Taxation, HCA 34, 24 June 2021, 3 November 2021, S25/2021, para. 23. URL: https://www6.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/cth/HCA/2021/34.html?context=1;query=Addy%20v%20Commissioner%20of%20Taxation;mask_path=au/cases/cth/HCA (дата обращения: 05.06.2024).
138. Assange (Appellant) v The Swedish Prosecution Authority (Respondent), UKSC Judgment given on 30 May 2012. URL: https://supremecourt.uk/uploads/uksc_2011_0264_judgment_0ad63840de.pdf (дата обращения: 05.06.2024).
139. Commonwealth Minister for Justice v Adamas, HCA 59, 18 December 2013, P50/2013. URL: https://www6.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/cth/HCA/2013/59.html?context=1;query=Commonwealth%20Minister%20for%20Justice%20v%20Adamas%20;mask_path=au/cases/cth/HCA (дата обращения: 05.06.2024).
140. Macoun v Commissioner of Taxation, HCA 44, 2 December 2015, S100/2015. URL: https://www6.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/cth/HCA/2015/44.html?context=1;query=Macoun%20v%20Commissioner%20of%20Taxation%20;mask_path=au/cases/cth/HCA (дата обращения: 05.06.2024).
141. Maloney v The Queen, HCA 28, 19 June 2013, B57/2012. URL: https://www6.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/cth/HCA/2013/28.html?context=1;query=Maloney%20v%20The%20Queen;mask_path=au/cases/cth/HCA (дата обращения: 05.06.2024).

142. Minister for Home Affairs of the Commonwealth v Zentai, HCA 28, 15 August 2012, P56/2011. URL: <https://www6.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/cth/HCA/2012/28.html> (дата обращения: 05.06.2024).

Материалы международных организаций

143. Russian Federation - Opinion on draft amendments to the Constitution (as signed by the President of the Russian Federation on 14 March 2020) related to the execution in the Russian Federation of decisions by the European Court of Human Rights, adopted by the Venice Commission on 18 June 2020 by a written procedure replacing the 123rd Plenary Session. CDL-AD (2020)009-e. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2020\)009-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2020)009-e) (дата обращения: 05.06.2024).
144. Draft conclusions on subsequent agreements and subsequent practice in relation to the interpretation of treaties, with commentaries. UN Doc. A/73/10. 2018. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_11_2018.pdf (дата обращения: 21.12.2023).
145. Report of the Study Group of the International Law Commission, finalized by Mr. Martti Koskenniemi // Fragmentation of international law: difficulties arising from the diversification and expansion of international law. UN Doc. A/CN.4/L.682 and Add.1. 2006. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_l682.pdf (дата обращения: 27.01.2024);
146. Survey of International Law in Relation to the Work of Codification of the International Law Commission: Preparatory Work within the Purview of Art. 18, Para. 1, of the Statute of the International Law Commission – Memorandum Submitted by the Secretary-General. UN Doc. A/CN.4/1/Rev.1. 1949. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_1_rev1.pdf (дата обращения: 21.12.2023).

147. United Nations Conference on the Law of Treaties: First and second sessions Vienna, 26 March – 24 May 1968 and 9 April – 22 May 1969 official records, A/CONF.39/11, New York: United Nations, 1971. URL: https://treaties.un.org/doc/source/docs/A_CONF.39_11_Add.2-E.pdf (дата обращения 21.12.2023).
148. United Nations Glossary of terms relating to Treaty actions // United Nations Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/pages/overview.aspx?path=overview/glossary/page1_en.xml#amendment (дата обращения 21.12.2023).
149. Yearbook of the International Law Commission. UN Doc. A/CN.4/SER. A/1966/Add. 1. 1966. Vol. II. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_1_1966.pdf (дата обращения: 21.12.2023).
150. Yearbook of the International Law Commission: Documents of the sixteenth session including the report of the Commission to the General Assembly. UN Doc. A/CN.4/SER.A/1964/ADD.1. 1964. Vol. II. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1964_v2.pdf (дата обращения: 21.12.2023).
151. Yearbook of the International Law Commission: Summary records of the sixteenth session. UN Doc. A/CN.4/SER.A/1964. 1964. Vol. I. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1964_v1.pdf (дата обращения: 21.12.2023).
152. Доклад Комиссии международного права: шестьдесят восьмая сессия (2 мая – 10 июня и 4 июля – 12 августа 2016 года) // Ежегодник Комиссии международного права. A/71/10. 2016. Т. II. URL: https://legal.un.org/ilc/reports/2016/russian/a_71_10.pdf (дата обращения: 21.12.2023).
153. Substantive issues arising in the implementation of the international Covenant on Economic, Social and Cultural rights: Draft general comment No. 9: The domestic application of the Covenant. UN Committee on Economic,

- Social and Cultural rights, nineteenth session, Geneva, 16 November-4 December 1998, agenda item 3. A/CONF.39/27. 5 p. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1490423?ln=en&v=pdf> (дата обращения: 02.02.2024).
154. Последующие соглашения и последующая практика в отношении толкования договоров // Ежегодник Комиссии международного права: Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят пятой сессии. A/68/10. 2013. Том II, ч. II, глава IV. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2013/russian/chp4.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).
155. Рамочное решение Совета о европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами. Перевод Четверикова А.О. URL: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/ramochnoe-reshenie-soveta-o-evropejskom-ordere-na-arrest-i-protsedurah-peredachi-lits-mezhdu-gosudarstvami-chlenami-perevod-chetverikova-a-o/> (дата обращения: 05.06.2024).
156. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 «Об утверждении Регламента Суда Евразийского экономического союза» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Консорциум «Кодекс»: сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420242715> (дата обращения 21.12.2023).

Научные издания на русском языке

157. Баскин Ю.Я. История международного права / Ю. Я. Баскин, Д. И. Фельдман. — Москва : Междунар. отношения, 1990. — 205 с.
158. Берг, Л. А. Последующая практика применения международных договоров как средство их толкования / Л. А. Берг // Международное публичное и частное право. — 2023. — № 4. — С. 5–8. — DOI 10.18572/1812-3910-2023-4-5-8. — EDN DVPRRE.

159. Боклан Д. С., Мурашко Е. А. Опасная практика ВТО: толкование исключения по соображениям безопасности в споре США – Требования к маркировке // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law), 2023. № 1(2). С. 111-121. URL: <https://jil.hse.ru/article/view/18199/16213> (дата обращения: 29.12.2024).
160. Буткевич О.В. У истоков международного права / О. В. Буткевич. – Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова "Юридический центр Пресс", 2008. – 879 с.
161. Выполнение международных договоров Российской Федерации: [монография] / О. И. Тиунов, А. А. Каширкина, А. Н. Морозов ; отв. ред. О. И. Тиунов ; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. - Москва : Норма, 2011. – 255 с.
162. Грачева С.А. Конституционное правосудие и реализация решений Европейского Суда по правам человека: научно-практическое пособие. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Юридическая фирма «Контракт», 2012. – 240 с.
163. Ваттель Эмер де. Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов / [предисл. В.Н. Дурденевского]. М.: Госюриздат, 1960. – 719 с.
164. Вылегжанин, А. Н. Международно-правовая политика государства (теория и практика) / А. Н. Вылегжанин, О. С. Магомедова. – Москва : МГИМО, 2024. – 141 с. – ISBN 978-5-9228-2946-5. – EDN PXFLUL.
165. Грачева С.А. Конституционное правосудие и реализация решений Европейского Суда по правам человека: научно-практическое пособие. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Юридическая фирма «Контракт», 2012. – 240 с.
166. Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.

167. Дьяченко, Е. Б. Судебный активизм и методы интерпретации / Е. Б. Дьяченко // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 4. С. 115-133. DOI 10.55959/msu0130-0113-11-64-4-7.
168. Европейская Конвенция: проблемы толкования и имплементации: монография / А. И. Ковлер. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 400 с.
169. Зимненко, Б. Л. О значении для судов Российской Федерации практики международных договорных органов ООН / Б. Л. Зимненко // Правосудие. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 54-90. – DOI 10.37399/2686-9241.2023.1.54-90. – EDN TQEXQM;
170. Зимненко, Б. Л. О значении для судов Российской Федерации практики международных договорных органов ООН / Б. Л. Зимненко // Правосудие. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 54-90. – DOI 10.37399/2686-9241.2023.1.54-90. – EDN TQEXQM.
171. Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения: монография / Т. Я. Хабриева, А. Я. Капустин, А. И. Ковлер и др. ; под общ. ред. В. В. Лазарева. – М.: ИЗиСП : Норма : ИНФРА М, 2019. – 416 с.
172. Институты международного правосудия / Л. П. Ануфриева, О. В. Буткевич, Н. Г. Воробьева [и др.]. – Москва: Издательство "Международные отношения", 2014. – 504 с. – EDN YGOILL.
173. Исполинов, С. С. Роль последующей практики государств в праве международных договоров / С. С. Исполинов // Законодательство. – 2016. – № 9. – С. 79-87. URL: https://istina.msu.ru/media/publications/article/fa3/76a/26341467/Zakonodatelstvo_No9_79_87_Ispolinov.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

174. Каламкарян Р.А. Юридические последствия правомерного поведения государств / Р. А. Каламкарян; Отв. ред. В. И. Менжинский; АН СССР, Ин-т государства и права. – Москва: Наука, 1987. – 128 с.
175. Камаровский Л.А. Международное право: лекции / Л.А. Камаровский, В.А. Уляницкий. Москва, 1908. – 269 с.
176. Камаровский Л.А. О международном суде // Соч. Гр. Л. Камаровского. – Москва: тип. Т. Малинского, 1881. – 542 с.
177. Капустин А. Я. Международное судебное толкование международного договора: современные тренды // Журнал российского права. 2021. №8. С. 104-117. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-sudebnoe-tolkovanie-mezhdunarodnogo-dogovora-sovremennye-trendy> (дата обращения 21.12.2023).
178. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. – 542 с.
179. Кузнецова С. Н. Свобода усмотрения в практике Европейского Суда по правам человека: границы допустимого и пределы уступчивости // Вестник ННГУ. 2016. №6. С. 130-136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-usmotreniya-v-praktike-evropeyskogo-suda-po-pravam-cheloveka-granitsy-dopustimogo-i-predely-ustupchivosti> (дата обращения: 27.01.2024).
180. Ладыженский А. М., Блищенко И. П. Мирные средства разрешения споров между государствами. М., 1962. – 176 с.
181. Лебединец И.Н. К вопросу о подразумеваемой компетенции международных организаций // Актуальные проблемы российского права. 2016. №2 (63). С. 197-205. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-podrazumevaemoy-kompetentsii-mezhdunarodnyh-organizatsiy> (дата обращения: 23.01.2024).
182. Лукашук И.И. Международное право в судах государств / И. И. Лукашук. - СПб.: СКФ "Россия-Нева", 1993. – 301 с.

183. Лукашук И.И. Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. - Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 517 с.
184. Лукашук И.И. Современное право международных договоров : [в 2 т.] / И.И. Лукашук, Российская академия наук, Институт государства и права. Заключение международных договоров / И.И. Лукашук Т. 1. М.: Волтерс Клувер, 2004. – 672 с.
185. Мехтиев, М. Г. Международно-правовые механизмы преодоления дисбалансов в мировой финансовой системе / М. Г. Мехтиев // Экономика. Право. Общество. 2021. Т. 6, № 4(28). С. 43-56.
186. Налетов К. И. Задачи современного международного права в условиях дезинтеграции мирового сообщества // Тенденции развития системы международных отношений и их влияние на управление национальной обороной Российской Федерации. – Москва: Издательский дом «УМЦ», 2023. С. 291-298.
187. Недилько Ю.В. Формирование основных способов и правил толкования Корана как источника мусульманского права в период средневековья // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1 (65). С. 21-25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-osnovnyh-sposobov-i-pravil-tolkovaniya-korana-kak-istochnika-musulmanskogo-prava-v-period-srednevekovyya> (дата обращения: 21.12.2023).
188. Нешатаева Т. Н. Слышать жизнь: действие актов международного суда в национальных правовых системах // Международное правосудие. 2018. №1 (25). С. 53–66. URL: <https://academia.ilpp.ru/catalog/mp/mp-1-25-2018/slyshat-zhizn-dejstvie-aktov-mezhdunarodnogo-suda-v-natsionalnyh-pravovyh-sistemah/> (дата обращения 21.12.2023).
189. Нешатаева Т. Н. Судебное толкование // Пермский юридический альманах. 2023. №6. С. 121-144. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnoe-tolkovanie> (дата обращения: 27.01.2024).

190. Нешатаева, Т. Н. Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву // Международное правосудие. 2017. №2 (22). С. 64-79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sud-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-ot-pravovoy-pozitsii-k-deystvuyuschemu-pravu> (дата обращения: 27.01.2024).
191. Оппенгейм Л. Наука международного права. Том I. Полутом 1. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1948. – 408 с.
192. Осминин Б. И. Международное право, право внешних сношений и концепция "сравнительного международного права" / Б. И. Осминин // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 2. С. 145–159. – DOI 10.12737/jrl.2021.025.
193. Перетерский И.С. Толкование международных договоров / Отв. ред. С.Б. Крылов, Г.И. Тункин. – М.: Госюриздат, 1959. – 172 с.
194. Правосудие в современном мире: монография / В. М. Лебедев, Т. Я. Хабриева, А. С. Автономов и др. ; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Норма, 2017. – 784 с.
195. Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы / А. Я. Капустин, А. И. Ковлер, А. М. Беялова [и др.] // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 6(85). С. 116-134.
196. Ромашев Ю.С. Клаузула *rebus sic stantibus* в праве международных обычаев // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. №4. С. 194-215. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klauzula-rebus-sic-stantibus-v-prave-mezhdunarodnyh-obychaev> (дата обращения 21.12.2023).
197. Смбатян А. С. Органы международного правосудия: классификация в рамках общей системы / А. С. Смбатян // Право и политика. 2013. № 4. С. 541–547.
198. Смбатян А. С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права / А.С. Смбатян. – Москва: Статут, 2012. – 270 с.

199. Смбятян А. С. Толкование и применение правил Всемирной торговой организации: монография / А.С. Смбятян. М.: ИНФРА-М, 2018. – 448 с.
200. Современная концепция толкования международных договоров: монография / под ред. А. Я. Капустина. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма : ИНФРА-М, 2022. – 432 с. – DOI 10.12737/1839409.
201. Стоянов А.Н. Очерки истории и догматики международного права. М.: Книга по требованию, 2016. – 754 с.
202. Суд Евразийского экономического союза и становление права ЕАЭС / А. Н. Савенков, К. Л. Чайка, Е. Б. Дьяченко, К. В. Энтин; Российская академия наук; Институт государства и права. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2021. – 352 с.
203. Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики: монография / отв. ред. Н. С. Бондарь. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 384 с. – DOI 10.12737/2134343.
204. Судебные доктрины в российском праве: теория и практика: монография / П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев и др.; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. – Москва: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 344 с.
205. Талалаев А. Н. Право международных договоров: действие и применение договоров. Договоры с участием международных организаций. Том 2: монография / А. Н. Талалаев; отв. ред. Л. Н. Шестаков. Москва: Издательство «Зерцало», 2011. – 504 с.
206. Тиунов О.И. Принцип соблюдения международных обязательств. М.: Международные отношения, 1979. – 184 с.
207. Толстых В. Л. Международные суды и их практика: учебное пособие / В. Л. Толстых. – Москва: Международные отношения, 2015. – 504 с.

208. Хабриева Т. Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»/ Т. Я. Хабриева, А.А. Клишас. – Москва: Норма: Инфра-М, 2020. – 240 с.
209. Хабриева Т.Я. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер, Р.А. Курбанов; отв. ред. Т.Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 384 с. – DOI 10.12737/207331.
210. Хадсон, Менли О. Международные суды в прошлом и будущем / Менли О. Хадсон; Пер. с англ. Ф. Е. Богомольной; Под ред. проф. С. Б. Крылова; Предисл. проф. Н. Н. Полянского [с. 5-24]. – Москва: Гос. изд-во иностр. лит., 1947. – 392 с.
211. Шинкарецкая Г.Г. Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров. М., 2009. – 250 с.
212. Шулятьев, И. А. Регионализация международного торгового права / И. А. Шулятьев, Л. А. Берг // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2023. № 2. С. 69-74.
213. Шуршалов В.М. Основные вопросы теории международного договора / Шуршалов В.М.; Отв. ред.: Евгеньев В. В. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 472 с.
214. Энтин М. Л. Международные судебные учреждения: роль международных арбитражных и судебных органов в разрешении межгосударственных споров. М.: Междунар. отношения, 1984. – 174 с.
215. Энтин М.Л., Цвейба Н.А. Взаимодействие судебных органов (на примере Суда Европейского союза и Европейского суда по правам человека). Московский журнал международного права. 2023;(3):84-97. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2023-3-84-97> (дата обращения: 05.06.2024).

Диссертации

216. Матвеев В.В. Международно-правовые механизмы защиты иностранных инвестиций: проблемы современной институционализации. Дис. соиск... канд. юрид. наук. М., 2023. – 159 с.
217. Орлова Е.С. Конкуренция юрисдикций международных судебных органов при рассмотрении международных морских споров: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.10 / Орлова Екатерина Сергеевна. – Москва, 2020. – 230 с.

Научные издания на иностранном языке

218. Abebe D., Ginsburg T. The Dejudicialization of International Politics? // International Studies Quarterly. 2019. Vol. 63, Iss. 3. P. 521-530. URL: <https://doi.org/10.1093/isq/sqz032> (дата обращения: 27.01.2024).
219. Alter K. The High Water Mark of International Judicialization? // Courts Working Paper Series, № 250 / Brower, Ch., Donoghue, J., Murphy, C., Payne, C., Shirlow, E. (Eds.). By Peaceful Means. Oxford University Press, 2021. 29 p. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3857526> (дата обращения: 27.01.2024).
220. Amirell S. E. Tools of imperialism or sources of international law? Treaties and diplomatic relations in early modern and colonial Southeast Asia // History Compass. 2023. № 21(12). 13 p. URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/hic3.12793> (дата обращения: 21.12.2023).
221. Anzilotti D. Cours de droit international. P., 1929. – 556 p.
222. Arato. J. Subsequent Practice and Evolutive Interpretation: Techniques of Treaty Interpretation over Time and their Diverse Consequences // IILJ Emerging Scholars Paper. New York University School of Law: Institute for International Law and Justice, 2011. 46 p. URL: <https://iilj.org/wp-content/uploads/2016/08/Arato-Subsequent-Practice-and-Evolutive-Interpretation-2011.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).

223. Baka A. I., Fei Q. Lost in translation in the Sino-French War in Vietnam: From western international law to Confucian semantics: A comparative–critical analysis of the Chinese, French, and American archives // A. Carty & J. Nijmann (Eds.). Morality and responsibility of rulers: European and Chinese origins of a rule of law as justice for world order. Oxford University Press, 2018. P. 386-412. URL: <https://academic.oup.com/book/1740/chapter-abstract/141386564?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения: 21.12.2023).
224. Brierly J. L. The Law of Nations: An Introduction to the International Law of Peace / by J. L. Brierly. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 1949. – 306 p.
225. Brieze R., Schill S. Djibouti v France: Self-Judging Clauses before the International Court of Justice // Melbourne Journal of International Law, 2009. Vol. 10(1). 21 p. URL: https://law.unimelb.edu.au/data/assets/pdf_file/0006/1686120/Brieze-and-Schill.pdf (дата обращения: 29.12.2024).
226. Cavaglieri A.A. Regles generales du droit de la paix// Recueil des Cours, 1929, Tome I. P. 518-539.
227. Crnic-Grotic V. Object and purpose of treaties in the Vienna Convention on the Law of Treaties// Asian Yearbook of International Law. Leiden, The Netherlands: Brill | Nijhoff, 1997. P. 141-174. URL: https://doi.org/10.1163/9789004400665_008 (дата обращения 21.12.2023).
228. Ehrlich L. L'interprétation des traités // The Hague Academy Collected Courses Online / Recueil des cours de l'Académie de La Haye en ligne. Brill | Nijhoff, 1928. P. 5-139. URL: <https://referenceworks.brill.com/display/entries/HACO/A9789028606128-01.xml?language=en&ebody=abstract%2Fexcerpt> (дата обращения: 21.12.2023).
229. Eichberger F. S. Self-Judgment in International Law: Between Judicialization and Pushback // Leiden Journal of International Law, 2024. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4935764> (дата обращения: 29.12.2024);

230. Fiore P. International Law Codified and Its Legal Sanction / Tr. from the 5th Italian ed. by E.M. Borchard. New York: Baker, Voorhis, & Co, 1918. – 774 p.
231. Fitzmaurice G. “Vae victis or Woe to the Negotiators: Your Treaty or our “Interpretation” of it?” // American Journal of International Law, 1971. Vol. 65. P. 358-373.
232. Fitzmaurice G. The Law and Procedure of the International Court of Justice 1951–54: Treaty Interpretation and Other Treaty Points // The British Yearbook of International Law. London, New York, Toronto: Oxford University Press, 1957. Vol. 33. P. 203–294. URL: <https://archive.org/details/britishyearbooko0033unse/page/202/mode/2up> (дата обращения: 21.12.2023).
233. Fitzmaurice G. The Law and Procedure of the International Court of Justice: Treaty Interpretation and Certain Other Treaty Points // The British Yearbook of International Law. London, New York, Toronto: Oxford University Press, 1951. Vol. 28. P. 1-29. URL: <https://archive.org/details/britishyearbooko0028unse/page/n3/mode/2up> (дата обращения: 27.01.2024).
234. Fitzmaurice G. The Law and Procedure of the International Court of Justice / by Sir Gerald Fitzmaurice. Cambridge: Grotius Publications, 1986. – 460 p.
235. Fitzmaurice M, Merkouris P. Treaty Interpretation and Its Rules: Of Motion through Time, “Time-Will”, and “Time-Bubbles”// Treaties in Motion: The Evolution of Treaties from Formation to Termination. Cambridge Studies in International and Comparative Law. Cambridge University Press, 2020. P. 121-181.
236. Gallop A. T. Malay documents from Sulu and Mindanao in the British Library // Journal of Philippine Local History and Heritage. 2016. Vol. 2, № 2. P. 63-112. URL: https://www.academia.edu/35682910/Malay_documents_from_Sulu_and_Mindanao_in_the_British_Library (дата обращения: 21.12.2023).

237. Gardiner R. K. Treaty Interpretation / Richard K. Gardiner. Second edition. – Oxford University Press, 2015. – 576 p.
238. Harvard Draft Convention on the Law of Treaties // The American Journal of International Law. 1935. Vol. 29, Issue Supplement. P. 653-1226. URL: https://archive.org/details/sim_american-journal-of-international-law_1935_29_supplement/page/660/mode/2up (дата обращения: 21.12.2023).
239. Hudson Manley O. The Permanent Court of International Justice, 1920-1942: A Treatise / by Manley O. Hudson. New York: Macmillan, 1943. – 840 p.
240. Kelsen H. Principles of international law. New York: Rinehart & Company, 1952. – 488 p. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015021919280&seq=7> (дата обращения: 21.12.2023).
241. Kingsbury B. International Courts: Uneven Judicialization in Global Order // Cambridge companion to International Law. Public Law Research Paper № 11-05. NYU School of Law, 2011. – 22 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1753015 (дата обращения: 27.01.2024).
242. Linderfalk U. On the interpretation of treaties: the modern international law as expressed in the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. Springer, 2007. – 437 p. URL: <https://www.corteidh.or.cr/tablas/r32592.pdf> (дата обращения 21.12.2023).
243. McNair A.D. The Law of Treaties. Oxford: Clarendon press, 1961. – 824 p.
244. Ming Du, Delei Peng. The Dejudicialization of International Dispute Settlement: A Paradigm Shift in International Economic Law? // Journal of World Trade. 2024. Vol. 58, Iss. 6. P. 895-918. URL: <https://kluwerlawonline.com/journalarticle/Journal+of+World+Trade/58.6/TRAD2024044> (дата обращения: 14.05.2024).
245. Nolte G. (ed.). Treaties and Subsequent Practice. Online Edition. Oxford Academic, 2013. URL: <https://doi.org/10.1093/law/9780199679195.001.0001> (дата обращения 21.12.2023).

246. Petrenko A. The Right to Regulate in International Economic Law. Universitätsverlag Göttingen, 2024. – 227 p. <https://doi.org/10.17875/gup2024-2652>.
247. Phillimore R. Commentaries upon International Law / by Sir Robert Phillimore. Vol. II. London: Butterworth, 1879–1889, 1882. – 745 p.
248. Pufendorf S. Of the law of nature and nations. Eight Books / ed. and trans. L. Lichfield et al. Oxford, 1710. – 775 p. URL: https://archive.org/details/bim_eighteenth-century_of-the-law-of-nature-and_pufendorf-samuel-freih_1710/page/n3/mode/2up (дата обращения: 21.12.2023).
249. Romano C. The Project on International Courts and Tribunals // The International Judiciary in Context. 2004. URL: https://cesareromano.com/wp-content/uploads/2015/06/synoptic_chart2.pdf (дата обращения: 27.01.2024).
250. Schill S., Brieze R. “If the State Considers”: Self-Judging Clauses in International Dispute Settlement // Max Planck Yearbook of United Nations Law Online, 2009. Vol. 13(1). P. 61-140. URL: <https://doi.org/10.1163/18757413-90000037> (дата обращения: 29.12.2024);
251. Shany Yu. The Competing Jurisdictions of International Courts and Tribunals. Oxford, 2003. – 337 p.
252. Simmons B. A. Capacity, Commitment, and Compliance // Journal of Conflict Resolution. 2002. 46(6). P. 829–856. URL: https://www.wcfia.harvard.edu/files/wcfia/files/986_capacitycommitmentcompliance.pdf (дата обращения: 27.01.2024).
253. Singh S. The Potential of International Law: Fragmentation and Ethics // Leiden Journal of International Law. 2011. Vol. 24, Iss. 1. P. 23-43. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1648556 (дата обращения: 27.01.2024);
254. Thirlway H. The Law and Procedure of the International Court of Justice 1960–1989: Supplement 2006, Part Three // British Yearbook of International Law, 2006. Vol. 1. P. 10-216.

255. Thirlway H. W. A. The International Court of Justice / Hugh Thirlway. First edition. Oxford, United Kingdom; Oxford University Press, 2016. – 223 p.

Материалы СМИ

256. Members briefed on informal dispute settlement reform talks // WTO: official website. 2023. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news23_e/dsb_31mar23_e.htm (дата обращения: 27.01.2024).
257. Panels established to review EU complaints regarding Chinese trade measures // WTO: official website. 2023. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news23_e/dsb_27jan23_e.htm (дата обращения: 27.01.2024).
258. Зорькин: Недостатки в Конституции можно устранить точечными изменениями // Российская Газета RG.RU: сайт. 2018. URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniiami.html> (дата обращения: 27.01.2024).
259. Обращение Президента России В.В. Путина к участникам X Петербургского международного юридического форума. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68785> (дата обращения: 05.02.2024).
260. Растет интерес членов ВТО к Многосторонней временной договоренности об апелляционном арбитраже // Центр экспертизы ВТО: сайт. 2023. URL: <https://wto.ru/our-blog/rastet-interes-chlenov-vto-k-mnogostoronney-vremennoy-dogovorennosti-ob-apellyatsionnom-arbitrazhe/> (дата обращения: 27.01.2024).